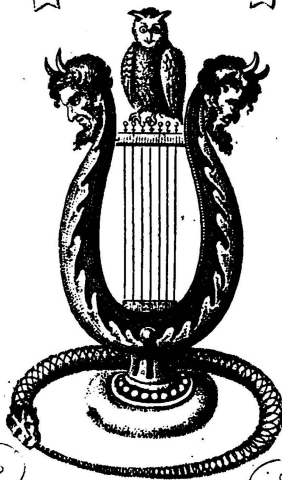

1824

ВЪЛНМОЗНА

Москва.

GERM.

БЛЮРОНЪ.

МНЕМОЗИНА,

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ВЪ СТИХАХЪ И ПРОЗѢ,

и з д а в а е м а и

Кн. В. ОДОЕВСКИМЪ И В. КЮХЕЛЬВЕКЕРОМЪ,

—————

ЧАСТЬ ШІ.

—————

МОСКВА.

Въ Типографіи Императорскаго Московскаго
Театра, 1824 года.

У Содержателя А. Похорскаго.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ шѣмъ, чтобы по напечатаніи до выпуска въ публику, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. 1824 года Октября 16 дня, книгу сію разсматривалъ Адъюнктъ и Кавалеръ

Иванъ Снегиревъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стр.
I. Четыре Аполога (Кн. Одоевскаго)	1.
II. Мой Демонъ (А. Пушкина) . . .	11.
III. Рогдаевы псы (В. Кюхельбекера) .	13.
IV. Сонетъ (С * * *)	23.
V. Эмблемы (В. Т.)	24.
VI. Къ * * * (С * * *)	31.
VII. Слеза	33.
VIII. Опрывокъ изъ Путешествія (В. Кюхельбекера)	34.
IX. Застольная пѣснь Грековъ (С. Н.)	58.
X. Къ Нинѣ	60.
XI. Надпись къ портрету Автора Краткой Географіи въ стихахъ .	62.
XII. Бельфегоръ	63.
XIII. Характеръ (Кн. Одоевскаго) . .	75.
XIV. Упованіе на Бога (В. Кюхельбекера)	84.
XV. Альбомъ (С. Н.)	86.
XVI. Радуга — цвѣты—Иносказанія (Кн. Одоевскаго)	88.
XVII. Къ Барону Розену (В. Кюхельбекера)	93.
XVIII. Кантъ (А. Боровкова)	95.
XIX. Слѣдствія Саширической статьи (Кн. Одоевскаго)	125.
XX. Выкупъ Оссіана (Писарева) . .	147.
XXI. Свиданіе, Елегія (— й —)	155.
XXII. Разговоръ съ Ѳ. В. Булгаринымъ (В. Кюхельбекера)	157.

- XXIII. Прибавленіе къ предъидущему Разговору, или Замѣчанія на Статью, напечатанную въ Но 38 Сына Отечества, подъ названіемъ: *Журнальныя статьи* (Кн. Одоевскаго) . . . . . 178.
- XXIV. Смерть Байрона (В. Кюхельбекера) 190.
-

I.

ЧЕТЫРЕ АПОЛОГА.

(Посвящены *Варварь Ивановнъ Ланской*).

.....

I.

ДЕРВИШЪ.

Дорога была излучиспа — она раздѣлялась на неисчислимое множество пропницъ, которыя по спускалися въ глубокія пропасти, по поднимался по спремникамъ. Густой мракъ покрывалъ вселенную; колючія шернія вбивалися въ ноги несчастныхъ спранниковъ: они сполыкалися — а бездны разверзались подъ ними, а огромныя нависшія скалы при малѣйшемъ шорохѣ грозили паденіемъ.

Впереди всѣхъ шель Дервишъ; многіе слѣдовали по пупи имъ проложенному, другіе шли по инымъ пупямъ; одни благословляли его: колючія шернія, подавленные смѣлою спопою Дервиша, не язвили ихъ болѣе;

Мнемозина. Часть III. 1

свѣшильникъ въ рукѣ его обличалъ предъ ними и мрачныя бездны и грозныя скалы; большая жь часть проклинали его: одни завидовали его свѣшильнику, другіе роптали, за чѣмъ идешь онъ непутемъ или избраннымъ, за чѣмъ не для *нихъ* понираешь тернія, не *илъ* освѣщаешь. Иныхъ же обманывалъ *издалека* мерцавшій свѣшильникъ — они совращались съ собственнаго пути, не попадали на путь Дервиша и низвергались въ пропасти.

Дервишъ не внималъ ни благословеніямъ, ни проклятіямъ; холодный, беспрастный не примѣчалъ спона ниспадающихъ: не для освѣщенія ничтожной толпы несъ онъ свѣшильникъ, не для нее подавлялъ тернія: взорамъ, воображенію, уму, всѣмъ чувствамъ, всѣмъ движеніямъ души его — предспавлялася цѣль, къ которой онъ спремился. — Для нее позабывалъ онъ все подлунное — и если вспомощеспвовалъ своимъ спушникамъ, то попому только, что не могъ къ ней спремиться — и въ тоже время не подавлялъ тернія, не освѣщавъ свѣшильникомъ.

Мудрый! — ужели добродѣтели простолюдина цѣль спвоихъ дѣйсвіей? — Толпа безсмысленная, приравнивая себя къ себѣ,

ищешь въ себѣ сихъ добродѣтелей, слѣпой
 взоръ ея не замѣчаетъ.... Но не своя ли
 добродѣтель возвышеннѣе всѣхъ прочихъ?—
Совершенство!—Добродѣтель мудраго! —
 ты, въ которой поглощаются и благотво-
 рительность и милосердіе и любовь къ
 ближнему! — Онъ не можетъ спремиться
 къ себѣ и въ тоже время не быть мило-
 сердымъ, не благотворить человѣчеству,
 но ты—единая цѣль пламеннаго его спрем-
 ленія!

2.

СОЛНЦЕ и МЛАДЕНЕЦЪ.

Солнце скапилось за холмы. — Младенецъ сидѣлъ у двери въ хижину; возвышенные мысли при видѣ поржеспивенной каршины вечера не возбуждались въ душѣ его — что великое могло ей бытъ знакомо? — Лишь безопасно любовался онъ, смотря какъ послѣднiя багряныя лучи солнца золопили окна, соломенные кровли хижинъ и попускившiе колокола полуразвалившейся церкви — онъ не понималъ и не искалъ причины еяго явленiя, но оно ему нравилось.

„Доброе солнышко!“ — сказалъ старый отецъ его, взглянувъ на младенца, — „доброе солнышко! — повшорилъ онъ, — ты в людямъ благошворишь и забавляешь малюшку.“

— За что ты хвалишь солнце, отецъ мой? — спросилъ младенецъ.

Старецъ улыбнулся. „Какъ не хвалишь его? Смотри: шеперь все зашпхло въ де-

ревнѣ, даже листъ на деревѣ не шелохнется, и голуби переспали ворковать на колокольнѣ — все уснуло, но завтра вспрянемъ солнце, и всѣхъ пробудимъ, согрѣемъ, освѣшимъ; не будь его и мы всѣ спали бы сномъ непробуднымъ.“

Епихъ словъ не забылъ младенецъ; на другой день еще едва начинало свѣпашь — а онъ уже споялъ у двери хижины и съ неперпѣніемъ ожидалъ восхода солнечнаго.

Солнце зошло, но густые туманы скрывали лице его; между пѣмъ все ожило, вспрепенулось, раздался первый упренній шумъ....

Улыбка слабоумнаго негодованія разлилася по лицу младенца. „Какую же неправду сказалъ опецъ мой!“ — воскликнулъ онъ: „солнце сего дня и не думало вскоидить, а никшо о немъ и не заботишся, все по прежнему идепъ своимъ чередомъ.“

Возвышенныя умспвованія Геніевъ — друзей челоѣчеспва! сколь ничтожны вы въ глазахъ простолюдина! Онъ окруженъ вашими благодѣпельными дѣйспвіями: безъ васъ и мразъ бы оледѣнилъ его пѣло, мракъ ослѣпилъ бы его, вамъ обязанъ онъ и сво-

имъ покоемъ, и довольствомъ и всѣми прелестями жизни, — даже минувшими; — но шуманы предразсудковъ скрываютъ васъ отъ глазъ его; — онъ безопасно наслаждается благами, вами производимыми, и не ищетъ ихъ начальной причины; слабый, онъ смѣется, когда мудрый говоритъ ему, что вы единая вина его счастья!

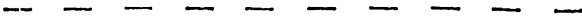
3.

Д В А М А Г А.

Народъ толпился на спогнахъ. Сей часъ только провозгласилъ Царскій вѣсникъ, что назначена драгоцѣнная награда тому, кто изобрѣшетъ пищіе, подающее жизнь долгую и вѣчное здравіе.

Два Мага вызвались исполнить Царскую волю — и казнохранишель выдалъ песчепныя суммы для вспоможенія ихъ усиліямъ.

Прошло полвѣка. — Одинъ изъ Маговъ не щадилъ трудовъ своихъ, призывалъ на помощь всѣ силы искусства и природы, день и ночь погруженный въ размышленія надъ древними свѣдѣніями, онъ пожертвовалъ всѣми наслажденіями жизни для цѣли высокой и наконецъ достигнулъ ее. Другой напрошивъ, погрязнувши въ земныхъ увеселеніяхъ, не думалъ о порученномъ, и безопасно распочилъ казну Царскую и юное здравіе.

Испощенный, съ блѣднымъ лицомъ, измученный болѣзнями, входитъ онъ въ храмину своего соперника, видитъ сосудъ съ драгоценнымъ пиіемъ, приближается и — опрокидываетъ его.

„Пусть!“ восклицаетъ онъ, задыхаясь отъ гнѣва: „пусть вѣкъ не прервущя имоу спраданія; пусть и родъ человѣческой лишился надежды на вѣчное счастье; но не будешь кичиться мой соперникъ!“

Такъ невѣжество во прахъ обращаетъ все усилія мудраго! — Пусть не воспользуюсь ими, говоритъ оно, — но я и не буду одолжено ему благодарностию, — не возвысится оно предо мною.

4.

АЛОГІЙ и ЕПИМЕНИДЪ.

Съ гасильникомъ въ рукѣ , съ закоренѣлою злобою въ сердцѣ , съ низкою робостию на челѣ , Алогій прокрался въ храмину, гдѣ Епименидъ, при мерцающемъ свѣтѣ лампы, изучался премудрости, куда сами Боги сходили къ нему бесѣдовать.

Алогій увидишь лампаду; безмысленный думаетъ, что она единственная вина мудрости Епименидовой, приближается и — пренециющею рукою гаситъ ее; но пламя пылавшее въ лампадѣ, было пламя божественное, самъ Аполлонъ возжигалъ его; не погасло оно опъ нечислаго прикосновения Алогія; — но болѣе возгорѣлось, заклопало, охватило всю храмину, въ прахъ обратило ничтожнаго — и снова пламя взвилось на лампадѣ.

Невѣжды-гасильщики! уже ли ваши незаконныя усилія погасятъ божествомъ.

ный пламень совершенсгвованія? — еще болѣе возгорится оно отъ нечиспыхъ покушеній вашихъ, грозно истребитъ васъ и съ вашими ковами и опяпъ запламенѣеть съ прежнею силою.

О д в с к.

II.

МОИ ДЕМОНЪ.

Когда еще мнѣ были новы
 Всѣ наслажденья бытія:
 И взоры дѣвъ и шумъ дубровы
 И ночью пѣнье соловья;
 Когда возвышенныя чувства,
 Свобода, слава и любовь
 И вдохновенныя искусства
 Мнѣ сильно волновали кровь —
 Въ часы надеждъ и упоеній,
 Тоской внезапной осѣня,
 Тогда какой-то злобный Геній
 Спалъ въ шайнѣ навѣщашъ меня.
 Печальны были наши встрѣчи!
 Его улыбка, чудный взглядъ,
 Его язвительныя рѣчи —
 Вливали въ душу хладный ядъ;
 Неиспощимой клеветою
 Онъ Провидѣнье искушалъ;
 Онъ звалъ прекрасное мечтою,
 Онъ вдохновенье презиралъ;

Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ ,
На жизнь съ насмѣшкою смотрѣлъ
И ничего во всей природѣ
Благословишь онъ не хопѣлъ.

А. Пушкинъ.

III.

РОГДАЕВЫ ПСЫ.

1.

Вънчавъ Александра главой своихъ силъ,
 Славяне и Русы отважной рукою
 Сражали сосѣдей за свѣтлой Невою:
 Но городъ великій Тапарамъ служилъ. —
 Пусть ужасъ наслала Святая Софія
 На дикую душу злодѣя Батыя; —
 Орда не ярилася въ древнихъ спѣнахъ,
 Не пали священные храмы во прахъ,
     Зажженные свѣточемъ брани:
     Но всѣхъ ослѣпляющій страхъ
 Въ Сарай отправляетъ позорныя дави. —

2.

Бывало, прискачетъ надмѣнный Посолъ:
 Онъ волкъ ненасытный; беретъ и хватаетъ,
 Богатыхъ и бѣдныхъ гнѣшетъ, и пугаетъ
 Упорныхъ угрозой неслыханныхъ золъ. —
 На немъ и средь мира воинскія латы;
 На вѣчь подъ буркою, въ шапкѣ косматой
 Онъ ходишь; гремишь въ его шулъ стрѣла;
 Онъ даже предъ Княземъ не склонишь чела.

Всѣ, храбрые даже препенуть:
 Госпъ, гражданинъ, житель села
 Боязненный взоръ на грабителя мещуть.

3.

Въ то время былъ славенъ могучій Рогдай,
 Разумный Посадникъ и смѣлый воитель;
 Въ совѣсахъ и битвахъ успѣха рѣшителемъ
 Не разъ защитилъ онъ отеческій край;
 Повсюду срывалъ торжество и побѣды:
 Предъ сильнымъ дрожали Липовцы и Шведы,
 На сеймахъ крамольникъ предъ нимъ умолкалъ.
 Онъ, пверже бойницы, вѣрнѣе забралъ,
     За Русь не щадилъ своей крови:
     Но что же? могучій попалъ
 Въ опасный полонъ неисходной любви.

4.

Онъ вывезъ добычу, подарокъ войны,
 За грозныя сѣчи злапую награду,
 Въ трудахъ и заботахъ и скукѣ усладу —
 Прелестную дѣву изъ дальней страны:
 Однажды онъ, съ горстію рапниковъ дерзкихъ
 Вломившись въ сердце земель Кавалерскихъ,
 Взялъ замокъ на скапѣ Ливонскихъ холмовъ. —
 Вшоргаются Россы по трунамъ враговъ,
     Нежданые въ часъ полунощи;
     Съ моста низвергають ихъ въ ровъ;
 Колеблють побѣдными кликами рощи.

5.

Сквозь дропиковъ лѣсъ и сверканье мечей,
 Подъ гуломъ послѣдняго, дикаго боя,

Вдругъ дѣва является взорамъ героя,
 Среди ужасовъ мрака, при блескѣ огней! —
 Онъ слышитъ: теряется спонъ ея томный;
 Онъ видитъ: влечетъ ее хищникъ наемный,
 Десницу опутавши шелкомъ власовъ; —
 Широко въ раменахъ и силенъ и суровъ,
     Изъ рукъ ее вырвавъ презрѣнныхъ,
     Вождь шопотомъ ласковыхъ словъ
 Ее оживилъ среди спѣвъ полоненныхъ.

6.

Она зарыдала; ему отдалась;
 Недѣлю казалась грустна и уныла,
 Но скоро блистательныхъ предковъ забыла
 И въ вѣрности вѣчной Рогдаю клялась;
 Построилъ ей теремъ Рогдай восхищенный
 Надъ Волховомъ, роцію липъ осѣненный:
 Какъ часто туда на ретивомъ конѣ
 Онъ мчался при сумрачной, тихой лунѣ
     На отдыхъ опъ славы и шума! —
     Межъ тѣмъ въ православнѣй странѣ
 Всѣхъ духъ разтревожила шаякая дума:

7.

Сеймъ конченъ; напрасно посадникъ одинъ,
 Одинъ возставалъ на свирѣпаго Хана;
 Ужь собрана дань для невѣрнаго спана,
 Ужь съ нею унесся Баскакъ-Нуррединъ.
 Рогдая снѣдаетъ живая досада,
 Клянеть малодушіе древняго града;
 Вступаетъ въ родительскій пасмурной домъ
 И бросился въ креслы и бросилъ шоломъ:

За спѣны дневное свѣтило,
 Злапя ихъ послѣднимъ лучемъ,
 Своё койное — въ шрепетный мракъ заходило.

8.

Сидитъ онъ безмолвный въ разлившейся мглѣ
 И смотритъ въ раздумьи на пупъ одинокой;
 Но вдругъ онъ воспрянулъ изъ скорби глубокой
 Вдругъ радость блеснула на темномъ челѣ:
 На крыльяхъ любви, полешомъ опваги
 Онъ рыщетъ чрезъ холмы, моспы и овраги
 Въ свой перемъ любезный, въ объятія драгой!
 „При ней“ говоритъ, „я разспанусь съ тоской
 „Спѣши-же, спѣши же, решивый!“—
 Решивый несется спрѣлой
 И вихорь возспалъ опъ размешанной гривы!

9.

Сбивая въ раздолахъ алмазы росы,
 Травы прикасается звонкое спремя:
 Но тихо для Вишязя капишься время,
 Лѣниво и шяжко влачатся часы!—
 И вопъ—сквозь пары уступающей ноци,
 Сквозь вѣшви гуспыя возлюбленной роци
 Пожаромъ зари загорѣлось стекло;
 Тупъ спраспное сердце въ немъ вдругъ разцвѣло,
 Воскреснули падшія силы,
 Всю кровь его пламя зажгло,
 Забилися бурно кипящія жилы!

10.

„Заря! не свѣши моей милой въ окно;
 „О солнце! ностпой: не всходи изъ за лѣса;

„Одѣнь ее алою тьмою, завѣса!

„Помедли: о сумракъ! мгновенье одно:

„Пусть радость моя подъ твоими крылами

„Еще и еще насладится мечтами!

„Ты жь, сладоспный въперъ! опъ рощущихъ
струй

„Повѣй ей дремопою, нѣгой подуй!

„А ты голубокъ пробужденный

„Надъ гнѣздышкомъ пише воркуй;

„Храни, береги ея сонъ драгоцѣнный!“

11.

Коня привязавъ къ золотому кольцу,

„Покоишься,“ шепчетъ онъ, „счастье Рогдая!“

И крадется Витязь, едва наступая

И съ трепетомъ тайнымъ идешь по крыльцу.

Вотъ спальня и въ спальнѣ роскошное ложе!

„Ее разбуду поцѣлуемъ!“ и чтоже?

Подходишь и смотришь: ахъ! дѣвицы нѣтъ!

Зовешь — лишина ему грозный отвѣтъ!

Колебясь, онъ ищетъ опоры;

Померкнулъ въ очахъ его свѣтъ,

Смертельною тьмою подернулись взоры!

12.

Вдругъ спрашный и яростный онъ побѣжалъ,

Какъ найденный левъ изъ пустынной берлоги;

Бѣснуясь лепишь изъ чертоговъ въ чертоги,

И чу! — не гулишь ли забытый подвалъ?

Къ подвалу! разрушилъ замокъ и заклѣпы;

Дворецкаго видишь и кличешь свирѣпый:

„Гдѣ барышня? — Кипо, злополучный старикъ,

„Здѣсь заперъ себя? — кто въ мой перемъ проникъ

„Главы не снесуть его плечи!

„Молвь имя злодѣя и въ мигъ“....

Спарикъ прерываетъ суровыя рѣчи:

13.

„Здѣсь въ домѣ шебѣ я былъ вѣренъ одинъ :

„Холопы швои разбѣжались, баринъ !

„Укралъ же дѣвицу поганый Ташаринъ,

„Коварный язычникъ, Баскакъ-Нуррединъ ;

„А съ ней удалося безстыдному вору

„Съ собою увлечь швою лучшую свору!“

Попѣ хладный съ геройскаго камишъ лица;

Онъ горестныхъ словъ не дослушалъ конца:

Въ душѣ его дикія бури;

Коня опвязавъ опѣ кольца

Онъ скачетъ подѣ сводомъ разсвѣтшей лазури

14.

Глядишь — полосу черезъ юный посѣвъ,

Ихъ слѣдъ обрѣли его жадные взоры;

Онъ рвется впередъ черезъ доли и горы,

И рвы и заборы и чащу деревьевъ.

Просвищешь ли въ полѣ незапной грозою, —

Не пронувъ шправы оперенной ногою

Обыметъ облакомъ пышущій конь,

Посыплешь опѣ камней и дымъ и огонь;

Весь потомъ и пылью покрытый;

Хлыстомъ репиваго не шронь,

Онъ самъ безъ бодцевъ окрыляетъ копышы.

15.

Но Вишязь ласкаетъ и шреплетъ коня:

„Дай сбросить мнѣ изверга въ пропасть могилы;
 „Скорѣе, Надежа, собери свои силы;
 „Въ послѣдній разъ вынеси, вѣрный, меня!
 „Послѣднюю, братъ мой! яви мнѣ услугу,
 „Послѣднюю дружбу безчастному другу!
 „Будь вѣпромъ, товарищъ! лепи соколомъ!
 „За сѣномъ душистымъ, за крупнымъ овсомъ
     „Въ прохладное примешься стойло;
     „Самъ я твоимъ буду рабомъ
 „И будетъ драгое вино тебѣ поило!“

16.

Впередъ и впередъ! — но за значнымъ холмомъ
 Въ дали не шуманъ бѣлоснѣжный синѣешь;
 Надъ буркой крыло лебединое вѣешь :
 Зардѣвшись, горитъ Дамаскинскій шеломъ :
 И молодець гаркнулъ, перуномъ репивый
 Пустился по глыбамъ распаханной нивы ;
 Наспигъ своихъ выжляпъ могучій Рогдай :
 Псы вѣрные подняли радостный лай !

Но кличетъ опчаянный мспипель:

„Разбойникъ догнапъ себя дай!

„Сорву съ тебя голову; спой, похипипель!“

17.

Тогда богатырь на курганъ соскочилъ:
 Онъ гнѣвный препенещетъ отъ дерзостной рѣчи;
 Онъ ждетъ съ нетерпѣніемъ радостной сѣчи —
 Вдругъ доль застоналъ отъ удара ихъ силъ :
 Свѣтъ гаснетъ средь вихрей подыащаго праха
 И, выглянувъ, звѣрь преисполненный страха
 Побѣгнулъ отъ мѣсна ужаснаго прочь

И кроется въ глушь, въ непроходную ночь;
 Но тщетно чингалища блещущъ;
 Равны ихъ искусство и мочь
 И очи ихъ равное бѣшенство мещущъ.

18.

Давно уже длится ихъ бой роковой:
 „Ты добрый, скажу я, и храбрый воитель!“
 На силу дыша, говоритъ похитипель.
 „Послушай же умное слово, герой!“
 Усталый посадникъ булатъ опускаетъ.
 „Напрасно мы бьемся!“ злодѣй продолжаетъ:
 „Быть можеть, но будетъ угодно Судьбѣ,
 „Ты сломишь меня въ сей тяжелой борьбѣ;
 „Но бойся, дрожи побѣдитель!
 „Или ты, увѣренъ въ себѣ?
 „Какъ знаешь, ей будетъ ли миль мой губитель

19.

„Не лучше ли, Випязь, рѣшить ей самой?
 „Зачѣмъ намъ сражаться? — Когда выбирая,
 „Она предпочтетъ Нурреддну Рогдая,
 „Клянусь, безъ нее ускачу я домой!“
 Спалъ Випязь и въ тяжкомъ раздуміи мыслить
 „Кто женскаго сердца изгибы исчислитъ?
 „Но тщетной удачей себѣ онъ польстиль:
 „Я свѣжую душу любить приучилъ.
 „Такъ! наши сердца породнились;
 „Я былъ ей, я буду ей миль!“

Весельемъ глаза его вдругъ прояснились....

20.

„Баскакъ, я согласенъ: мнѣ вѣренъ успѣхъ!“

Ордынцу онъ молвилъ и къ ней обернулся.
 Ахъ! какъ же жестоко герой обманулся:
 Она поднимаетъ убійственный смѣхъ
 Она подаетъ похипителю руку!
 Расскажетъ ли кто его адскую муку?
 Увы! не глядишь на ихъ быспрый побѣгъ:
 Онъ ходишь и шепчешь, хохочешь и легъ;
     Плащемъ завернувшись широкимъ,
     Онъ хочешь заснушь и на вѣкъ!
И вопъ они скрылись за холмомъ высокимъ!

Въ пустынѣ надъ нимъ протекають часы;
 Но машутъ хвостомъ и кругомъ его скачутъ,
 Вдругъ спанутъ надъ нимъ и зачюютъ, зашлачутъ,
 Ласкають несчастнаго вѣрные псы:
 Забояливо лизжутъ суровыя раны!
 Слѣзли съ него гробовыя туманы;
 Взглянулъ злополучный, взглянулъ, зарыдалъ,
 Къ нимъ руки просперъ, ихъ къ сердцу прижалъ:
     „Придите въ мои вы объянья,
     „Придите, о други!“ — сказалъ;
 „Вы дороги мнѣ, какъ бы кровные братья!“

Вспаешь и на блескъ велелѣпнаго дня
 Задумчивый смотришь и пасмурнымъ взоромъ
 Парить надъ холмами, надъ полемъ и боромъ,
 Вздохнулъ и зовешь решиваго коня:
 Но въ спѣрмя занестъ едва успѣлъ ногу,
 Вдругъ пыль поднялась и затъмила дорогу,
 Вдругъ громъ опъ копытъ поразилъ его слухъ;

Несется Ордынецъ назадъ во весь духъ :

„Собакъ уступи мнѣ безъ драки ;

„Прошу у тебя ихъ какъ другъ !

„Ихъ двѣца хочешь!“ — „Хопяшь ли собаки?“

я3.

Тотъ молвилъ. „Тапаринъ! пусть сами рѣшашъ!

„Безъ нихъ ускачу я, когда выбирая,

„Они на тебя обмѣniająъ Рогдая!“ —

Сверкаетъ опъ ярости хищника взглядъ ;

Но мощной рукой не хватая булапа ,

Онъ съ смѣхомъ вѣщаетъ на рѣчь супосапа :

„Разспанься же съ ними! забудь своихъ псовъ!“ —

Онъ манишь ихъ сладостью ласковыхъ словъ ;

Онъ свищетъ и бьетъ по колѣну,

Но видишь рядъ грозныхъ зубовъ

И ихъ не преклонить ни чѣмъ на измѣну !

В. Кюхельбекеръ.

IV.

СОНЕТЪ (1823).

О не стыдись! и перси молодыя,
 И тихій жаръ популленныхъ очей,
 Ефирный спань и волны золошья,
 Распущенныхъ съ небрежностью кудрей....

Я понялъ васъ, признанія нѣмыя!
 Мнѣ нѣжный звукъ прерывистыхъ рѣчей.
 Люблю сказалъ и *мнѣ* — сказалъ впервые!
 Какъ сладокъ онъ, привѣтъ любви пвоей!

Какъ ясны вы, о сладострашья слезы!
 Есть роща! въ ней благоухающъ розы;
 Туда, туда любовь тебя манишь!

Рука пвоя въ моей рукѣ горитъ — —
 Течешъ луна; окрестность озлапила
 И кудрями чело полузакрыла!

* * *

V.

ЭМБЛЕМЫ.

Когда настало роковое время для дольняго міра , и миновались золотые дни блаженства челоѣковъ, то преселились поспепенно въ горнее жилище безсмертныя боги , на землѣ прежде водворенныя. Спокойно шеперь възсѣдая въ чертогѣ надоблачномъ, они взирали, какъ мрачная смертъ безобразила землю — свѣшное недавно ихъ обиталище; взирали съ прискорбіемъ, какъ необузданная алчность и страхъ блѣдноланишній рушили счастье оставленныхъ ими смертныхъ; и взорами порою обращаясь на небо , безмолвно читали небожители черты гнѣва и сомнѣнія на пасмурномъ челѣ громомешателя Зевса.

Но вдругъ , сопровождаенныя пишиной непрерываемой, приблизились къ осіянному его пресполу чешыре Добродѣтели, недавнія опшельницы міра: впередъ лешѣла младшая изъ нихъ , легкокрылая Надежда ; за нею рука въ руку неслись спокою легкой

пылкая Любовь и рѣзвая Невинность; и въ крошкѣмъ величїи шекла позади всѣхъ свѣшлзрачная Вѣра. Въспшѣ предспали всѣ предъ отца боговъ и челошѣковъ.

„Почто, блистательныя дщери Вѣчности:“ воскликнулъ Зевесъ, „почто предо мною въ сей гореспный день. когда шлѣніе жестокою шоржеспвуешъ побѣду надъ моимъ временнымъ міромъ?“

Тогда юная Надежда, крыломъ полуосѣнивъ очи ослѣпленныя блескомъ Безконечнаго, и послушное колѣно преклоня предъ лучезарнымъ его престоломъ, вѣщала:

„Смилуйся, повелишель безспертныхъ; не издѣвашъя пришекли мы надъ временностїю швоего шворенїа, но призрѣніемъ облегчїшъ гнѣшомый бѣдспвіемъ родъ челошѣковъ. Не мы ли въ золотые дни его сущеспвованїа, всечасно въ образѣ челошѣчеспкомъ обшекая счасшпливую землю, сѣяли на ней и распили повсюду благословенныя сѣмена наслажденїа? И ложно шы называль бы насъ чадами Вѣчности неизмѣнной, если бы блаженспво вкушая съ земнородными, не сосшрадали мы нынѣ ихъ

учаспи горькой. Дозволь намъ, благоспный опецъ, возвратиться въ образъ человѣчскій: и если не возможемъ утвердить счастья смертныхъ, хотя укрѣпимъ ихъ на пренесеніе бѣдствій!“

Такъ провѣщала Надежда, и улынулся невольно Зевесъ громовержець. „Смоприше!“ изрекъ онъ, указуя на изменную землю: „смоприше, сколь малъ и презришелень вращается сей міръ въ одинокомъ пространствѣ, и какъ черви ничтожные, мяшутся люди на поверхности праха. О дщери Вѣчности! уже ли обещишь возможешъ въ нильный покровъ сей?“

. Богини грусныя безмолвствовали. Тогда, возвыся гласъ, вшорично имъ рекъ опецъ и повелитель безсмертныхъ:

„Опныиъ судьба непреклонная запрещаетъ безсмертнымъ являть себя въ покровѣ человѣческомъ: блѣдны краски земныя, немощны земныя плеса къ воплощенію духовъ непорочныхъ. Но успокойтесь, богини добродѣтели! еще въ обширности моего созданія оспались при одежды небесныя, неоскверненныя прикосновеніемъ

порока — при краски неподражаемая въ прелести : одною живописаль я пламя , согрѣвающее міръ ; другою обвелъ сводъ небесный , его осѣняющій ; претью щедро я разлилъ на цвѣты и зелія земныя , и ею украсилъ земную весну , ушѣшеніе годовъ . Обвейте вокругъ себя одежды небесныя , небесныя добродѣтели ! и блескъ вашей красы не зашмился какъ за покровомъ земнымъ , но будешь шихъ , и сносенъ и приятенъ для слабыхъ очей смертныхъ .“

— „Мнѣ , мнѣ пламенный пурпуръ !“ воскликнула Любовь , пылая неперпѣливою дѣяшельностію . Зевесъ и подруги не могли прошивишься жару словъ ея . Одѣлась въ пламенѣющую , молніецвѣщную ризу пылкая Любовь , и быспрымъ , неборимымъ попомъ обнимая вселенную , спремилась возжечь и слыть всѣ души земныя въ одно великое , жерпвенное пламя безсмернымъ .

Потомъ обратился Вѣчный Зевесъ къ богоподобной Вѣрь , и возлагая лазурно-голубую маншію на рамена величавой , изрекъ къ ней :

„Цвѣшь небесной пверди да будешь швоимъ знаменіемъ и одеждою , цвѣшь ожив-

ляющій очи моей безсмертной Паллады (*). Подобно тверди небесной, при всегдашнем сіяніи благодушнаго солнца, въ величїи ненарушимомъ возлежащей надъ облаками и равнинами, надъ безднами морей и снѣжными вершинами скалъ горделивыхъ: спокойно возвышайся, богиня, надъ спрахами и влеченіями дольными, и возвышай любимцевъ Паллады.“

Съ веселою улыбкой приняла кропкая Надежда зеленую нелену изъ рукъ повелителя, и возвращаясь на изменную землю, вливала сладостный покой въ души кропкихъ, довольныхъ долею скудной, и медленное время ведущихъ беззаботно въ упованіи на вышнюю благоспѣ Промысла, изъ былинки ничтожной изводящаго величественный кедръ и прелестную розу.

И розданы были всѣ удѣлы десницею Зевса. Но что спалося съ Невинностію?

(*) Древніе всегда называли Богиню мудрости — голубоокою (*ульми мѣти*; у Гомера). Они разумѣли подъ симъ то, что Мудрость — одушевленная Вѣрою, что посредствомъ Вѣры только Мудрость сообщается смертнымъ. О.

Безпечная Невинность — въ то время, какъ сеспры между собою дѣлили одѣянiя, безъ коихъ нрисшупными не могли бышь слабымъ смершнымъ — сшояла задумчиво по опдаль, и размышляя о послѣднихъ словахъ къ себѣ Зевса, заранѣ мечпала о близкомъ обновленiи ея прежняго благополучiя земно-родныхъ. „Гдѣ же Чевинность?“ внезапно спросилъ Зевесъ съ испышующимъ взоромъ. И каждая сеспра движенiемъ невольнымъ уже послѣщала возложить свою одежду на царицу Добродѣшелей; но дани дружесшва не принимала скромная Невинность. Тогда пресѣкъ сею рѣчью длившiйся споръ великодушiя опецъ милосердый:

„Ушѣщесь, о несравненныя! при васъ пребудушь на вѣкъ вами взяшныя доли. Невинности обрѣчена доля высшая. Царица Добродѣшелей будешь опыныѣ сущесшвашь въ моемъ лонѣ, и облеченная въ чистое сiянiе невечерняго свѣща, съ высоты моего пресшпола проливашь оживляющiе лучи его на ваши земныя одежды.“

Онъ умолкъ — и громкимъ и согласнымъ хоромъ рукоплескали всѣ боги великому Зевсу. Радосшная Невинность по-

никла въ его объятія, и блестящая пре-
 была на лонѣ ошца-благодѣшеля. Слабые
 сыны чловѣковъ зовушь ризу Невинности
 ризою безцвѣтною, мершвою для очей ихъ:
 но дѣйспивительнo ешь она чудесное сля-
 ніе, живой источникъ всѣхъ красокъ; и
 покмо освѣщенныя неплѣннымъ лучемъ
 непорочности блиспаюшь Надежда, Вѣра
 и Любовь своимъ испиннымъ цвѣпомъ. Не-
 оцѣненную прелесць даруетъ ровный, лю-
 щійся свѣпъ непорочности огневому пур-
 пуру Любви; но его лишенная мерцаешъ она
 синеватымъ пламенемъ слабости, или ба-
 гровыми пыщенъ искрами порока.

В. Т.

VI.

КЪ *** (1820).

Давно ли, милый другъ, давно ль благоухали
 Пшомцы нѣжныя прелестницы весны?
 Давно ли милья рѣзвились и играли
 При очарованномъ сіяніи луны?

Весны и лѣша нѣтъ! дубравы пошемнѣли,
 Очаровательный умолкнулъ соловей;
 Не льется въ воздухъ веселый звукъ свирѣли
 И флейпой не журчитъ по бархашу ручей.

Почто, угрюмый видъ развѣнчанной природы,
 Почто уныніемъ спѣсняешь душу ты?
 Остановишеса, младенческіе годы!
 Куда умчались, минувшія мечты?

Давно ль къ красавицѣ заботливой и нѣжной
 Съ неперпѣливою я радостью лѣтѣлъ
 И на груди ея прелестной, бѣлоснѣжной
 Въ порывахъ испытывалъ, въ порывахъ вновь горѣлъ?

Но осень минется, пройдетъ зима сѣдая,
Сквозь небо дымное лазурь опять блеснетъ!
Какъ улыбалась мнѣ подруга молодая,
Такъ обновленная природа разцвѣшетъ.

С * * *.

VII.

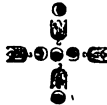
С Л Е З А (*).

Какъ юный цвѣтъ уединенный
 Опъ зноя гаснешъ средъ долинъ,
 Такъ я, любви швоей лишенный,
 Изнемогаю здѣсь одинъ!

* * *

Но, чшобъ цвѣшокъ вновь оживился,
 Довольно капельки росы;
 Чшобъ я къ блаженству возвратился
 Довольно мнѣ швоей слезы.

(*) Сіе стихотвореніе замѣчательно пѣмъ, что написано молодымъ чедовѣкомъ за день до смерти, въ минушу воспоминанія о предметѣ, къ которому писалъ страсть безнадежную.

VIII.

ПИСЬМО XXIX.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЯ ПО
ГЕРМАНИИ и ПОЛУДЕННОЙ ФРАНЦІИ.

Л И О Н Ъ.

²¹/₉ Декабря, 1820.

Мы лепимъ, а не путешествуемъ. — Я уже слишкомъ недѣлю во Франціи и еще ничего не успѣлъ сказать объ ней. — И сегодняшняя опимѣшка будетъ опъ часши посвящена Германіи.

Нѣмцы вообще чрезвычайно опряпны и лрудолобивы—два свойства, копорыя неопѣненны для путешественника! Полуденные опличаются опъ Саксонцевъ и Прусаковъ, бѣльнее живосшію, веселосшію и привѣпливосшію, но сельская промышленность у нихъ, исключая впрочемъ Баденцевъ, не въ спольцеѣшущемъ состояніи. Германцы доказали

въ послѣднее время , что они любилъ свободу и не рождены быль рабами: но между ихъ обыкновеніями нѣкопорыа должны показашься унизипельными и рабскими всякому къ нимъ непривыкшему. Къ сему разряду въ особенности принадлежишь употребленіе качалокъ (поршшезовъ). — Признаюсь , что въ Дрезденѣ , гдѣ нѣшь извошниковъ въ худую погоду полубольной я нѣсколькo разъ принужденъ былъ пользоваться ими ; но , какъ вообразу , что ѣду или , что все равно , несусь на нлечахъ мнѣ подобныхъ , я всегда готовъ былъ выпрыгнуть. — Еще менѣе ноказался мнѣ обычай заспавлишь за деньги пѣшь по улицамъ сиропъ , воспитывающихся на счетъ общешвенный: больно видѣшь ешихъ бѣдныхъ дѣшей въ ихъ длинныхъ , черныхъ рясахъ и въ огромныхъ шляпахъ , каковыи у насъ при похоронахъ носяпъ могильщики! Вечеромъ они поюшь при факелахъ : тогда ихъ напѣвы помные , пропяжные ужасны при тишинѣ повсюду царствующей ; вступаая въ жизнь , они уже должны быль проповѣдниками смерти , суда и разрушенія. Возвращаясь въ Дрезденъ отъ О.....кихъ , на новой площади всякой разъ встрѣчалъ я хоръ ешихъ нѣвчихъ: они казались мнѣ при-

видѣніями или усопшими, копорые оспавили кладбище, чтобы напоминать живымъ о превратности всего земнаго.

Вообще я долженъ назвать Нѣмцевъ народомъ почтеннымъ, добродѣтельнымъ. — Напрасно иные думаютъ, что религія въ Германіи съ нѣкопорого времени въ такомъ же упадкѣ, въ какомъ она во Франціи: могу по чести увѣришь, что ошибаются! Я разговаривалъ съ Нѣмецкими учеными, бывалъ въ Нѣмецкихъ обществвахъ и семействвахъ и вездѣ находилъ, если и не строгое правовѣріе, по крайней мѣрѣ живое благочестіе и почти врожденное чувство своихъ обязанностей.

Когда мы между Келемъ и Спрасбургомъ съ А. Л. переходили пѣшкомъ черезъ мостъ, копорый соединяетъ и раздѣляетъ Германію и Францію, въ сердцѣ моемъ ожило воспоминаніе о моей разлукѣ съ опечесствомъ: зеленые воды Рейна шумѣли у ногъ нашихъ; утро было ясно, тепло и тихо; опзывы прекраснаго спихопоренія Батюшкова на переходъ Русскихъ черезъ Рейнъ опдались въ глубинѣ души моей. Дельвигъ поручилъ мнѣ вспомнишь о немъ

на берегахъ Рейна; съ нимъ всѣ друзья мои предспали моему воображенію. Я вспомнилъ наши добрыя вечернія бесѣды у О. Н. Г....., гдѣ въ разговорахъ шихихъ, полныхъ чувспва и мечпанія вылепали за Рейнскимъ виномъ сердца наши и сливались въ выраженіяхъ, поняшныхъ полько въ кругу нашемъ, въ миломъ семѣйспвѣ друзей и брашій.

ПИСЬМО ХХХ.

Л I О Н Ъ.

$\frac{22}{10}$ Декабря, 1820.

Спрасбургъ лежишь не высоко; но вокругъ него весь небосклонъ обспавленъ горами: со спороны Германіи Шварцвальдъ, со спороны Франціи хребешъ Вогезскій. Восхищительное зрѣлище предспавляющъ сіи горы съ высоты Каедральнаго Собора Мюнстера: я видѣлъ ихъ при солнцѣ; далекія, бѣлыя Вогезы сіяли; темносиній, лѣсистый Шварцвальдъ чѣмъ ближе,

нѣмъ болѣе подходилъ къ цвѣту лиловому и наконецъ весь амфитеатръ городовъ, сель и виноградниковъ, покрывающихъ его, являлся моему взору подернутъ флеромъ красновапаго дыма. — Мюнсперъ, чудо готической архитектуры, поразилъ меня своимъ огромнымъ величiемъ: трудно перечисльть всѣ украшенiя, которыми онъ покрытъ снаружи; но соразмѣрность, легкость, соотвѣтственность всѣхъ частей неизмѣрны, — сiя украшенiя не отягчаютъ его, онѣ, кажется, необходимы! Мюнсперъ началъ въ правленiе Епископа Вернера изъ дома Графовъ Габсбургскихъ въ 1015 году и окончанъ 1429. — Славнѣйшимъ зодчимъ при ономъ былъ Эрвинъ изъ Шпейнбаха, начавшiй въ 1227 году сооруженiе испалинской Мюнсперской колокольни, которая принадлежитъ къ высочайшимъ во всемъ свѣтѣ. Труды строителей нѣсколько разъ были прерываемы пожарами и даже по окончанiи всего зданiя пламя довольно часто производило въ немъ большiя опустошенiя. — Сiе явленiе естественное слѣдствiе необыкновенной высоты самой башни, восходящей въ облака и вызывающей противъ себя громъ и молнiю. — Примѣчательны: во 1-хъ часы

сдѣланные въ концѣ XV столѣтія; во 2-хъ, внизу подѣ церковнымъ сводомъ высѣченное изъ дикаго камня плѣненіе Спасителя, которое можешь подашь намъ нѣкоторое понятіе о старинномъ Нѣмецкомъ ваяніи и показываетъ, что оно во многомъ походило на погдашнюю живопись: та же неправильность въ рисовкѣ и размѣрахъ соединена въ ономъ съ пою же теплою, съ плѣмъ же выраженіемъ.—Окна Мюнхенскаго собора покрыты живописью: онѣ неизъяснимо поразили меня свѣжестью своихъ красокъ и сумрачнымъ мерцаніемъ, которое распростирающъ по обширной, величественной церкви.

Когда мы проходили черезъ нее у всякой почти лампы (здѣсь образовъ во все нѣтъ), во всякомъ углу спояли молеыцики на колѣняхъ: пишина царствовала во храмѣ; пишина царствовала на ихъ лицахъ. — Земное удалилось отъ меня: я вспомнилъ шѣхъ, которые за 100, за 600 лѣтъ подѣ сими же сводами, нѣкогда возлещали душою къ Создателю и нынѣ спяшъ на лонѣ спокойствія. „Всѣ сіи и ты самъ и шѣ, которые нынѣ живушъ съ тобою и любяшъ тебя, слышатъ слова

пвои и чипаюшь пвои мысли,“ — сказалъ я себѣ, „всѣ мы ляжемъ въ глубину плѣнїя и сыны грядущаго времени будушь ходишь по сему храму и, какъ пы, задумаюся; но мысль объ ничпожеспвѣ не спасеть и ихъ опъ уничпоженїя!“

Въ лѣпописяхъ сумасбродспвѣ Французской революціи должно оспашься памяшнымъ предложенїе одного изъ Спрасбургскихъ ревнипелей равенспва: онъ пребоваль опъ городской думы, чшобы подорвали или снесли Мюнсперскую башню, возносящуюся надъ другими спроенїями и пѣмъ повинную въ преспуцленїи Аристокрапизма.

Кромѣ Мюнспера, я еще былъ въ Спрасбургской большой Евангелической церкви, удивлялся памяшнику, сооруженному шрудами Пигаля Маршалу Саксонскому и долго не могъ разлучишь съ двумя другими, копорыми Омахпъ обезсмершилъ двухъ славныхъ своихъ согражданъ—Коха и Оберлина. — Памяшникъ Маршала чрезвычайно сложенъ и можешъ нѣкорымъ образомъ назвашься мраморною картиною. — Сїя картина представляеть ве-

ликаго полководца, котораго силился остановить на пути его подвиговъ богиня, изображающая Францію: она видитъ смерть гоговую при концѣ поприща принявъ въ открытый гробъ героя; и онъ видитъ чудовище, но на челѣ его пренебреженіе опасности и безстрашіе: цѣлое окружено профетями, позади коихъ плачущій геній жизни гаситъ свѣспильникъ.—Лице Маршала выразительно; изображеніе Богини чрезвычайно живо и полно движенія. — Впрочемъ цѣлое нѣсколько тяжело: особенно складъ одежды, которая и подъ рѣзцомъ не переспала бытъ камнемъ.

Памятникъ Коху, несравненно проще. Благодарность въ образѣ спящей молодой женщины обхватила урну: геній развертываетъ шворенія почющаго. — Оба прелестны. — Печаль преобразуетъ черпкъ Богини и неизъяснимою силою передъ нею удерживаетъ зритель.

При самомъ выходѣ изъ церкви мы видимъ аллегорическое изображеніе Испоріи, обнимающей урну Оберлина. — Въ епомъ второмъ швореніи Омахпа простота и прелесть нѣ же.

ПИСЬМО XXXI.

АВИНЬОНЪ.

26
14 Декабря, 1820.

Вопшъ какво пушешеспвовашь съ лѣ-
нивцемъ , друзья мои ! — Лошади меня уже
примчали на берега Сорги : я въ мѣспахъ,
гдѣ раздавались Канцоны Пепрарковы; мин-
дальное дерево, маслина, кипарись , миршъ,
землянишникъ, пинія (*) зеленѣють вокругъ
меня, а вы по милоспи моего пера еще въ
Страсбургъ; у васъ еще въ свѣжей памяпи
Нѣмецкія снѣга и вмѣсто вѣчно зеленыхъ
рощей и кустовъ Италіи, васъ окружающъ
осшовы деревъ Сѣверныхъ.

Но пора : садитесь ! — Мы ѣдемъ. Ви-
дите ли епи горы ? — Ешо все еще Вогезы;
онѣ еще долго будутъ нашими спущни-
ками. — Мы уже по каршѣ во Франціи; но
здѣсь въ нравспвенномъ опношеніи все еще
Германія , Германія далеко за Кольмаромъ.
Въ Спрасбургъ офранцузенные Нѣмцы вамъ
скажутъ : „Мы Нѣмцы , но говоримъ по
Французски;“ въ Кольмарѣ : „мы Франпузы,

(*) Pinus italica.

но только говоримъ по-Нѣмецки.“ — Впрочемъ, здѣсь вездѣ еще Нѣмецкая опрятность и Нѣмецкая вѣжливостъ. — Между Кольмаромъ и Безансономъ начинается настоящая Франція: мѣста прелестны, божественны! Берега Ду (Doubs) превосходятъ все, что мы видѣли въ Германіи. Горы являлись намъ во всѣхъ возможныхъ цвѣтахъ; бѣлыми при лунномъ сіяніи, зелеными, синими, желтоватыми, бирюзовыми, пурпуровыми. — За Безансономъ наслаждались мы самымъ приятнымъ днемъ нашего путешествія: погода была, какова она у насъ въ самые лучшія дни Апрѣля или въ началѣ Мая; мнѣ больному даже было слишкомъ жарко въ серпукѣ. Природа улыбалась вокругъ меня, здоровье лилось въ мои члены и радость въ мое сердце. То открывались мнѣ на берегахъ Ду шайная, темная долина — и нѣсколько хижинъ; то городокъ; то пристань для лодокъ: я слѣдовалъ взоромъ за теченіемъ рѣки; лепалъ воображеніемъ по высотамъ Юры, видѣлъ скалы и стремнины, видѣлъ смѣлое пареніе орловъ надъ бездною, — а на скалахъ спада овецъ и козъ. — Бѣлыя облака плянули и отражались въ голубыхъ водахъ, споль же чистыхъ и тихихъ, — какъ была

въ ешу минушу душа моя : я былъ очень счастливъ ! — Въ Арбуа мы пили славное вино , которое опъ ешаго городка заимспвуешъ имя свое и дивились гордоспи Господъ жипелей : они было разсердились ; когда мы вздумали сравнишь ихъ вино съ Шампанскимъ. — Французы большіе говоруны,—особенно женщины , котороря , кажешся , умнѣе муцинъ ; по крайней мѣрѣ , судя по ихъ опвѣшамъ. — Слово badaud именно выдумано для Французовъ : во всѣхъ мѣспахъ , которыми мы проѣзжали насъ окружала толпа зѣвакъ ; они глядѣли намъ прямо въ лице.—Съ мала до велика у всѣхъ вспрѣчавшихся намъ были руки въ карманахъ и благородная дерзоспъ на лицѣ : ихъ любовь ко всему грязному превосходитъ всякое вѣропяіе ; въ хашѣ послѣдняго Русскаго креспьянина чище , нежели въ бдльшей часпи поспоялыхъ домовъ по нашей дорогѣ. — Бродягъ и нищихъ здѣсь больше , нежели въ Германіи : и кромѣ шого здѣсь особенный родъ бѣдняковъ , непросящихъ милоспныни , а выработывающихъ деньги самими бесполезными шрудами , шакъ напр : видѣлъ я молодаго человекъ , заспавлявшаго барабанишь заяца : à l'honneur de l'infanterie et

de la cavalerie ; des jeunes demoiselles et des vieilles dames.

Франція по своимъ прекраснымъ, картинистымъ видамъ и по бѣдности, безпорядку и нечистотѣ, царствующимъ повсюду, похожа на масперскую художника, гдѣ собраны предмѣты самые отвращительные и самые прелестныя.

Но себя я не забуду, лучшее произведение эпихъ мѣспъ милая, умная Анешпа, которая при послѣдней перемѣнѣ лошадей поила меня дурнымъ виномъ, въ своихъ сабо и Швейцарской одеждѣ, разговаривала со мною, какъ самая любезная Парижанка и наконецъ шепнула мнѣ свое имя: pour que vous vous souveniez de moi !

~~~~~

ПИСЬМО XXXII.

АВИНЬОНЪ.

27
13 Декабря.

Лионъ, послѣ Парижа величайшій городъ во всей Франціи. — Его положеніе на рѣкахъ Ронѣ и Соанѣ чрезвычайно живо-

писно ; — особенно берега послѣдней , возвышающіяся амфиатеатромъ до предмѣстія ла-Фурбьеръ. — Вода Соны быспрая и мутная цвѣшу желшоватаго. — Рона шиха и наолнена оспровами: ея цвѣпть зеленовапосиній. — Здѣсь возлѣ Ліона можно видѣпть развалины Римскаго водопровода , а въ самомъ городѣ церковь , превращенную изъ древняго языческаго капища въ храмъ истиннаго Бога.

Городъ очень многолюденъ и очень грязенъ. — Нигдѣ я не видывалъ шакой бездны гостинницъ , кофейныхъ и пипейныхъ домовъ; — всѣ они заняты, во всѣхъ пьюпть, пляшупть , играюпть въ билліардъ; — ихъ названія иногда довольно спранны: помнипся , я здѣсь видѣлъ харчевню : à la Providence.

Кромѣ того, здѣсь два театра: здѣшняя пруппа большаго театра показалаь мнѣ довольно посредспвенною ; балетъ хорошть. Въ Германіи я не вспрѣшилъ ни одного фигляра; но здѣсь при нашемъ вѣздѣ полчасъ бросилъ намъ въ глаза чудодѣй , который съ величайшимъ безспыдспвомъ выхвалялъ свои удившельные порошки , вылѣчивающіе всѣ возможныя болѣзни: на-

родъ его слушалъ съ удивленіемъ; онъ кривлялся въ коляскѣ своей, не хуже инаго профессора на кафедрѣ и предспавлялся глухимъ, когда кто изъ проходящихъ, какъ напр: при мнѣ добрый старый крестьянинъ — называлъ его обманщикомъ.

Споишь замѣшишь одежду здѣшнихъ извощиковъ и мапросовъ: первые ходящъ въ длинныхъ рубахахъ сверхъ нижняго плащя, почти какъ наши крестьяне, съ спюю однакожь разницею, что онѣ ничѣмъ не опоясаны и чрезвычайно нечисты: вторые опличаются своими огромными шляпами, покрывающими половину спины. — Здѣшняя упряжка также иногда довольно примѣчательна: разъ мнѣ случилось любоваться телѣгою, въ которую были заложены осель, мулъ, корова и наконецъ впереди лошадь.

Лионскій Музеумъ, въ которомъ я былъ два раза, доставилъ мнѣ большое наслажденіе. Здѣсь въ большомъ множествѣ древностей важень огромный мозаикъ, предспавляющій примѣрное морское сраженіе и служившій вѣроятно помоспомъ въ лѣпнень домѣ или въ банѣ какого нибудь богатаго Лугдунскаго гражданина. — Изъ про-

изведеній новѣйшихъ заняли меня особенно Персей и Андромеда изъ алаго мрамора работы ваятеля Шинара: смѣлосць, легкосць, прелесць всѣхъ частей пѣла Персеова достойны Торвальдсена, достойны древнихъ; на лицѣ его дышешъ нѣжнѣйшая заботливосць; онъ, оборопясь, смоприть на Андромеду, которую, спасенную, но полу-мертвую опъ ужаса несеть на рукахъ. — Какъ жаль, если справедливо, что Шинаръ, довольный приобрѣщеннымъ богатствомъ, переспаль прудиться для славы и безсмертія!

Карпинъ въ Ліонскомъ Музеумѣ не много; но нѣкоторыя важны для любителя. — Филиппъ де Шампань, хопя собственно родомъ изъ Брюсселя (Фламанецъ), можеть служить намъ примѣромъ всѣхъ достоинствъ и недоспашковъ большей части испорическихъ живописцевъ Французской школы. — Его рисовка вѣрна, разцвѣченіе свѣжо; правила анатоміи вездѣ соблюдены; складъ одежды щцапельна и вмѣстѣ свободна; въ его лицахъ есть что-то красивое — въ нихъ всѣ черпы, вся наружносць, все, если смѣю сказать, *тѣлесное* идеала, но нѣтъ и пѣни той высокой пре-

леспи, которая одна утонченную земную природу возвышает до истиннаго идеала; выраженіе его лицъ разительное, но но большой части ложно и принужденно и потому его лучшія произведенія получаютъ что-то похожее на кривляніе. Филиппъ де Шампанъ заимствовалъ все свое искусство у лучшихъ Италіянскихъ художниковъ; но онъ не былъ Прометеемъ; онъ не могъ похитить ихъ вдохновенія. — Въ Ліонѣ его лучшее произведеніе извѣстная Святая Вечеря, въ которой, какъ говоритъ преданіе, изобразилъ онъ въ видѣ Апостоловъ своихъ друзей—Пор-Рояльскихъ опшельниковъ. — Признаюсь, что я готовъ вѣрить етому сказанію; по крайней мѣрѣ нѣтъ сомнѣнія, что всѣ лица въ етой вечери портреты. — Въ семъ отношеніи еша картина Филиппа де Шампанъ принадлежишь къ одному разряду съ прекрасною грѣшницею работы Піомбо, видѣнною мною въ Берлинѣ: но Піомбо несравненно превосходитъ Французскаго художника, даже и въ етомъ, не столь трудномъ родѣ. — Примѣчательнѣйшее изъ лицъ послѣдняго—Иуда.

Кромѣ Вечери здѣсь еще нѣсколько картинъ работы Филиппа де Шампанъ: мы замемозина. Часть III. 4

мѣшимъ открытіе мощей — Святыхъ Гервазія и Пропазія. Цѣлое въ помѣ родѣ, который Ипаліянцы называютъ грандіознымъ; — но здѣсь особенно разительное ложное выраженіе на всѣхъ лицахъ и во всѣхъ пѣлодвиженіяхъ. Вымысль отвращенія; мы видимъ здѣсь въ произведеніи Французскаго художника XVII столѣтія ту склонность къ изображенію ужасовъ, убійствъ и крови, которая господствуетъ въ работахъ ихъ позднѣйшихъ живописцевъ, напр: Давида, и которая Французскимъ Трагикамъ, особенно Вольперу, внушила ихъ самыя громкія пирады. — Въ присутствіи святаго Амвросія вынимаютъ пѣла мучениковъ изъ могилъ и находятъ свѣжіе знаки ихъ казни. Примѣчательно, что изъ окружающихъ Амвросія священниковъ — одинъ смотритъ въ лорнетъ на мощи Христовыхъ воищелей. — Вся картина поразитъ съ начала; но чѣмъ болѣе смотришь на нее, тѣмъ болѣе находишь въ ней недостатковъ: творенія великихъ мастеровъ запрашивъ тѣмъ болѣе приобретаютъ прелести, чѣмъ долѣе глядишь на нихъ.

Въ изгнаніи продавецъ изъ храма Жанъ-Жувене (Jouvenet) ни чѣмъ не усту-

паепть въ ложномъ величіи Филиппу де Шампань. — Иисусъ безъ малѣйшаго признака Божественности своего гнѣва.

Съ удовольствіемъ оспановишься поелѣ сихъ ложно прекрасныхъ дѣшей Французской школы, на истинно прекрасномъ произведеніи Ліонскаго уроженца Іакова Стелы. Младенецъ Спаситель въ объятіяхъ Богоматери принимаетъ поклоненіе Ангеловъ. — Въ вертепѣ возлѣ яслей сына, въ обители нищеты и смиренія Марія видить всю славу небесную: въ чертахъ Ея выраженіе чистѣйшей любви и невинности. — Созерцаніе ешаго благодатнаго лица согрѣваетъ душу, — и признаюсь, мнѣ нужно было согрѣться нослѣ холодной пышности Филиппа де Шампань и Жувене!

Къ лучшимъ картинамъ Ліонской Галереи принадлежишь портретъ славнаго Миньяра, писанный имъ самимъ: изъ ешаго портрета видно, что Миньяръ былъ лѣвша; онъ представилъ себя за работою. — Иноскazanія почти всегда холодны; но кисть великаго мастера можетъ оспановишь зрителья и передъ ними: истинное вы-

раженіе и живость могутъ придашь имъ занимательность настоящаго происшествія. — Такова аллегорія, которую здѣсь представилъ намъ Рубенсъ. — Земля опущанная чудовищнымъ змѣемъ, *Развратомъ* — вызываетъ противъ себя гнѣвъ сына Божія, который готовъ спуститься къ ней, вооруженный перунами казни. — Святые Доминикъ, Францискъ и нѣкоторые другіе простирающъ къ Нему руки, чпобы моленіями спасли обитель смертныхъ отъ разрушенія: изображеніе Судіи небеснаго смѣло и живо; все Его смѣло находится въ самомъ спремительномъ наклоненіи; зритель каждый мигъ долженъ ожидать, что Онъ со всеразрушающимъ громомъ низпадетъ на грѣшниковъ; разцвѣченіе заслуживаетъ удивленіе; но Рубенсъ былъ бы не Рубенсъ, если бы не включилъ шолстой Голландки въ число своихъ праведницъ.

Одна изъ его лучшихъ, мною видѣнныхъ картинъ — поклоненіе волхвовъ: оно служитъ украшеніемъ Ліонской галлерей. — Рубенсъ не есть живописецъ Граціи; но мальчикъ, который здѣсь между двумя волхвами, шакъ миль, шакъ прелестень, его голубые глаза шакъ

живы и въ тоже время исполнены такой доброты, что кажется сама Грація водила *хотя разъ* рукою живописца силы. — Но самая трудная задача картины разрѣшена въ изображеніи Царя Еѳіопскаго : въ епой головѣ Рубенсъ показалъ себя истинно великимъ художникомъ. — Онъ безобразнымъ чертамъ и смуглому цвѣту Еѳіопскаго лица придалъ столько благочестія и душевной теплоты, что забываемъ его наружную отвращительность и съ удовольствіемъ оспанавливаемъ на выраженіи.

Кисши Ван-дер-Мейлена здѣсь — города Лиль и Кале; послѣдній сколокъ не безъ достоинства : передъ городомъ проходитъ конница, дождь начинается накрапывать; въперъ поднимаешься и волнуешь верхи деревъ; безпокойство разпространяется между лошадьми; они вскакиваютъ на дыбы, машутъ гривами и предчувствуютъ непогоду.

Въ Дрезденѣ я видѣлъ двѣ картины Франциска Альбани, живописца прекрасныхъ дѣшей и пригожихъ женщинъ; но, не знаю почему, онѣ тогда на меня не сильно подѣйствовали. — Нѣтъ сомнѣнія, что Дрезденская галлерей чрезвычайно худо располо-

жена и шемна; кромѣ того, въ ней сполькѣ превосходнаго, что, надѣюсь, мои читатели мнѣ просятъ, если, говоря о Рафаелѣ, Корреджіо, Рубенсѣ, забылъ я упомянуть о двухъ маленькихъ картинахъ Альбана, которыя кромѣ того показались мнѣ произведеніями посредственными. — Въ замѣну въ Ліонскомъ Музеѣ два Альбана, на которыхъ я не могъ наглядѣться. Одинъ представляетъ Крещеніе, другой Іоанна Предсечу, проповѣдующаго въ пустынь. Христось и Его Крестипель окружены Ангелами; надъ Іисусомъ паритъ въ видѣ голубя Духъ Святый; живописныя берега Іордана представляютъ превосходно округленное цѣлое. — Теперь взгляните на Спасителя: какая нѣжность и гармонія въ епомъ шѣлѣ, какое смиреніе на епомъ лицѣ! Взгляните на Ангела, подающаго ему посохъ: можно ли вообразить себѣ совершеннѣйшее соединеніе чистоты и прелести? — Глядя на него, я просилъ прощенія у Альбана, что въ Дрезденѣ осмѣлился подумать: онъ не стоить своей славы!

Іоаннъ возвѣщаетъ пришествіе Спасителя міра: спарцы и дѣти, муццины и женщины внимають Его паинственному слову.

Нѣкоторые сядяшъ рядомъ на возвышеніи; другіе слушающъ его, стоя; прешіе расположились внизу на благоуханной, свѣжей травѣ. Между послѣдними молодая женщина съ груднымъ младенцемъ: ея глаза, обликъ, уста — все прелестно. Неподалеко отъ ней мы видимъ старика, который стоишъ здѣсь, чшобы представивъ красому совершеннаго другаго рода: прекрасная мать съ своимъ младенцемъ, представляешъ намъ жизнь; старецъ — безсмертіе.

Ужасный Еспаньелешо меня заставиль содрогнушъся: онъ представиль шѣло Св. Франциска Ассіесскаго такимъ, какимъ онъ долгое время видѣлось въ церкви посвященной ему Папою Григоріемъ IX ш. е. стоящимъ въ углубленіи стѣны, съ опверстыми, обращенными къ небу глазами. — Признаюсь, я давно не видѣль ничего, возмущившаго меня до такой степени.

Далѣе Перуджино, учитель Рафаеля — изобразиль двухъ своихъ хранищелей Святыхъ Іакова и Григорія и я увидѣль на ихъ лицахъ столько души, столько теплоты и благочеснія, чшо отъ всего

сердца, полюбилъ ихъ и охотно забылъ невѣрную рисовку художника.

Но лучшая его картина изъ всѣхъ мною видѣнныхъ и какъ увѣрялъ меня мой Чечироне, умный Французъ, побывавшій въ Италіи и Германіи, изъ всѣхъ имъ писанныхъ: *Вознесеніе*. — Лица Апостоловъ въ самомъ дѣлѣ неподражаемо выразительны: свѣжестъ цвѣтновъ чудесна: но и въ епомъ во многихъ отношеніяхъ образцовомъ произведеніи Перуджино заплашилъ дань своему вѣку: онъ окружилъ Спасителя какою-то радугою, копорая не имѣя ни малѣйшей воздушности, кажется, пропивиися Его паренію. На лицѣ Богомашери, стоящей впереди Апостоловъ что-то такое утѣшенное, увѣренное, торжествующее, любящее, чему нѣтъ названія, что можно чувствованъ и написать, но о чемъ едва ли можно въ словахъ передать понятіе. — Перуджинова Мадонна, какъ говорятъ, служила образцомъ къ славной Рафаеловой Святой Цециліи, находящейся нынѣ въ Флоренціи.

Но хотите ли вы видѣть истинное *Вознесеніе* на исбо, посмотрише на епомъ

легкій парящій еѳирный образъ Пресвятой Дѣвы работы Гвидо Рени. — Вотъ безъ сомнѣнія лучшее украшеніе Ліонской галле-рей. — Трудно, я гоговъ сказашъ — не возможно вообразить себѣ большей гармо-ніи во всѣхъ частяхъ, вѣжнѣйшаго разцвѣ-ченія и большей легкости; выраженіе ис-тинно и чисто; Божеспвенная вся уже принадлежишь небу; земныя спраданія ея исчезли и въ душу ея нисходишь блажен-ство вѣчное.

Разспаваясь съ Ліономъ, замѣчу здѣсь чудное свойство Французскихъ просполо-димовъ, придавашъ неизвѣснымъ имъ сло-вамъ знакомое для нихъ значеніе. — Наем-ный слуга, котораго взяли мы въ Ліонѣ нѣсколько разъ замѣшилъ, что А. Л., когда зовешъ своихъ людей, кличетъ: *кто тамъ?* Ему вообразилось, что ешо вѣрно имя од-ного изъ нихъ. — Однажды онъ слышишь, что зовущъ, вбѣгаешъ и говоритъ: *Il n'y a personne; votre valet de chambre кто тамъ vient de sortir!*

В. Кюхельбекеръ.

IX.

ЗАСТОЛЬНАЯ ПѢСНЬ ГРЕКОВЪ.

Кто въ міръ избралъ путь прекрасной,
 Путь трудной чести и добра,
 Тому грозитъ бѣдой напрасно
 Причудливой судьбы игра.

* * *

Исполненъ тайныхъ утѣшеній,
 Щитомъ перифѣня оградясь,
 Увѣренъ онъ, что правды Геній
 Восхититъ лавръ въ урочный часъ.

* * *

Исчезнутъ мрачны препинанья,
 Замолкнешъ грустный звукъ цѣпей,
 И совершатся ожиданья
 Отчизны истинныхъ друзей.

* * *

Свободы пѣснь благословенна
 Промчится по роднымъ полямъ,

Съ землей забытой примиренна
Аспрея возвратится къ намъ.

* * *

Тогда мы братской кругъ составимъ
И, разогнавъ тиранства тѣнь,
Опчизны свѣтлый день прославимъ,
Какъ славимъ нынѣ дружбы день!

С. Н.

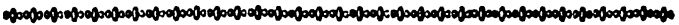
X.

КЪ НИНЪ.

Нина , Нина, догорая !
 Солнце кашится за лѣсъ ;
 Нина ! вошь луна младая
 Средь безоблачныхъ небесъ ;
 Вошь звѣзда, любви подруга
 Засверкала въ далекѣ ;
 Вѣсперъ тихой вѣсперъ съ Юга
 И играетъ на рѣкѣ. —
 Ахъ! забилось нетерпѣньемъ
 Сердце друга своего ;
 Тайнымъ, сладостнымъ томленьемъ
 Пламенѣетъ грудь его. —
 Дубъ вѣшвистый, многолѣпный
 Далъ приютъ надежной мнѣ ;
 Скороль огонекъ привѣтный
 Заблеститъ въ своемъ окнѣ ?
 Скороль? скороль?... ожидая,
 Я стою у двери въ рай :
 О подруга молодая !
 Скромный фарось зажигай !

Вспыхнулъ огонекъ желанный,
 Прилетѣлъ блаженства мигъ!
 Страстию очарованный
 Нина! я у ногъ твоихъ —
 Позабудемъ, другъ мой нѣжной!
 Свѣпъ, гоненія людей;
 Насладимся безмятежно
 Здѣсь любовію своей!

XI.

НАДПИСЬ КЪ ПОРТРЕТУ АВТОРА КРАТ- КОЙ ГЕОГРАФІИ ВЪ СТИХАХЪ.

Хромой онъ Инвалидъ
 Въ Парнасскомъ гарнизонѣ!
 Шарадами моритъ
 И ѣздитъ на Маромѣ.

ХІІ.

БЕЛЬФЕГОРЪ.

(Повѣсть изъ Макиавеля — съ Итальянскаго).

Въ древнихъ Флорентинскихъ лѣтописяхъ случилось мнѣ чинать, что нѣкопый святой мужъ, споя на молишвѣ, видѣлъ, какъ души людей въ великомъ множествѣ сходили въ адъ и всѣ, или, по крайней мѣрѣ, большая часть изъ осужденныхъ на муку жаловались на женъ и на нихъ слагали вину своего несчастія. — Минось, Радаманшъ и другіе судіи Таршара удивлялись жалобамъ и считали ихъ клеветою; но пришельцы съ земли и жалобы ихъ съ каждымъ днемъ умножались, такъ что чиновники адскіе принуждены были опнешись объ етомъ съ рапортомъ къ Плутону. Рапоршъ поданъ и весь адъ созванъ на совѣтъ.

Плутонъ съ угрюмою важностію восходити на шронъ и говорити рѣчь слѣдующаго содержанія :

„Съ тѣхъ поръ, возлюбленные мои подданные, какъ по волѣ неба, по волѣ жребія непреложнаго, царствую въ преисподней, съ тѣхъ поръ я ни кому еще не давалъ опчепа въ моихъ поступкахъ; — доселѣ приговоры мои были непремѣнны, какъ приговоры судьбы, или деспота Азіяискаго; но въ чужѣ вижу, какъ шажело должно бытъ самовласіе; по сему я рѣшилъ признашь надъ собою нѣчто высшее—законы; пусть на землѣ какъ хопишь, шакъ и поступають; но я — я хочу бытъ справедливымъ и власію подѣлишь съ подвласными. Вошь почему вы, возлюбленные мои! — призваны мною на совѣщаніе. Къ намъ поступило дѣло, шребующее внимательнаго разсмотрѣнія. Если мы рѣшимъ несправедливо—на насъ падеть пятно неизгладимое. Я жду вашего мнѣнія; вѣрьте: свободный и правый голосъ не будетъ отвергнутъ! — Души людей каждый день прилетаютъ къ намъ шолпами — мы опредѣляемъ имъ казни, они жалуются на жеспокость нашу, слагая вину несчастія, постигшаго ихъ, на шопъ полъ, — кошорый сами называютъ ушѣпеніемъ жизни — на женщинъ вообще и на женъ въ особенності. — Шовѣримъ мужьямъ? — насъ назовутъ приспрасными

и слѣдовательно несправедливыми; не повѣримъ — мы прослыдемъ жестокими — и слѣдовательно также несправедливыми.“

Благородный, свободный образъ мыслей Царя удивилъ и привелъ въ умиленіе все собраніе; и потому съ большимъ рвеніемъ занялось оно предложеніемъ Плутона. — Думали, говорили, разсуждали и наконецъ рѣшили: „дѣло изслѣдовать на мѣспѣ; ш. е. одного изъ членовъ совѣща послать на землю въ образѣ чловѣка.“ — Вызываютъ охотниковъ, охотника не сыскалось, бросають жребій и жребій падаетъ на Бельфегора, одного изъ падшихъ духовъ.

Бельфегору описано сто тысячъ дукашовъ, съ копорыми онъ долженъ явиться на землю въ образѣ чловѣческомъ, женишься и живешь съ женою десять лѣтъ, потомъ возвратишься въ адъ и принеси справедливыя вѣспи: подробной описанъ о женщинахъ о ихъ прихосяхъ; о супружествѣ вообще, выгодахъ и невыгодахъ брачной жизни. — Сверхъ того Бельфегору сказано было, что въ продолженіи сего времени онъ подвергается всѣмъ не-

пріяпносіямъ , неизбѣжнымъ на землѣ , какъ то: бѣдності, судамъ, заключенію въ темницу , словомъ , всѣмъ несчастіямъ, доспавшимся въ удѣль челоуѣку. — Впрочемъ могъ онъ, если удастся, опдѣлываться онъ бѣдъ обманомъ , хитроспійю , почно такъ , какъ-то не рѣдко и у людей бываетъ.

Принявъ условія, наснавленія и деньги Бельфегоръ идетъ на землю, запасшись изъ ада: прислугою , коляскою и лошадью ; со всею пышностію является во Флоренціи , называетъ себя Родригомъ изъ Касилии и нанимаетъ одинъ изъ лучшихъ домовъ.

Родригъ былъ прекрасной муціи лѣтъ около шридцати. Прошло нѣсколько дней, и въ городъ узнали о его богатствѣ , щедрости , умѣнн жишъ въ свѣшъ и о намѣреніи женипьяся ; — многіе изъ опличныхъ гражданъ, у которыхъ было много дочерей и мало денегъ, спарались завеспи съ нимъ знакомство.

Выборъ Родриговъ палъ на красавицу Онеспу, дочь Емерика Донаши, у котораго еще было при дочери и при сына — всѣ на возрастѣ. Донаши могъ хвалиться древ-

носпію и знаменипоспью рода, уваженіемъ гражданъ, видами на' почепныя мѣсна, но не богатствомъ — онъ былъ очень, очень бѣденъ.

Назначенъ день брака; — свадьба была великолѣпная. — Родригъ, очеловѣчившись, хопѣлъ блиспаць въ свѣшѣ; скоро желаніе почестей, славы, исканія похвалъ сдѣлались пошребноспію души его, а еша пошребность шребовала издержекъ значительныхъ.

Свыкшись съ Онеспію, онъ шакъ влюбился въ нее, что жизни былъ не радъ, когда видалъ ее скучною или, какъ нибудь не умѣлъ угодиць ей. — Онеспа же вмѣстѣ съ знаменипоспію своего рода, съ красотою принесла въ домъ Родриговъ шакую гордоспѣ, какой не бывало и у самага Люцифера; и Родригъ, испытавший на себѣ, высокомѣріе обоихъ, при сравненіи нашель, что гордая жена гораздо несноснѣе гордаго бѣса. Но любовь научила его шерпѣнію: пришворныя ласки, сладкіе поцѣлуи, горкія слезы обыкновенное орудіе женщинъ, а чаще упреки, негодование — выманивали червонцы изъ кошелька Родригова — и Родригъ все шерпѣлъ! — Объ издержкахъ на

женскія прихоти и говоришь нечего : значительная часть адских монетъ перешла въ модныя лавки — иначе и бышь не могло. Въ карнавалы, въ Ивановъ день, никто лучше Онесны не наряжался и Родригъ все шерифалъ. — Но въ семейномъ бышу часпо, едва, едва доспавало у него шерифил: отъ безпокойства, отъ гордости, отъ причудъ жениныхъ у него не могли уживаться люди ; каждую недѣлю, иногда каждый день принужденъ онъ бывалъ перемѣнять слугъ и служанокъ ; — даже самыя бѣсы, копорые даны были ему адомъ для прислуги, захошѣли лучше возвратиться въ преисподнюю и жариться у геенскаго огня, нежели служить причудливой женщиѣ.

Родригъ былъ въ опчальнѣ ; червонцы всѣ разнесло какъ вихремъ , осталась одна надежда : братья Онесны опправились — одинъ на Западъ, другой въ Левантъ съ поварями, купленными по приказанію Онесны часнѣю на наличныя, часнѣю на заемныя деньги Родриговы. „Еще подожду!“ думалъ онъ : „аюсь съ Запада и изъ Леванта придуть деньги и съ процентами!“ И дѣйствительно — онъ ждалъ

ждалъ, и чего же дождался? — Одинъ изъ шуриновъ—все проигралъ, у другаго корабль попонуль! — Узнавъ объ епомъ, заимодавцы спали было присматривать за Родригомъ; но Родригъ однажды упрямъ, шайкомъ переодѣшый сѣлъ на лошадь и — за заставу. — Заимодавцы не дремали; они за дождникомъ въ погоню. Родригъ бросаетъ лошадь, бѣжитъ проселочною дорогою въ ближайшую деревню и вбѣгаетъ на дворъ одного крестьянина, по имени Машвѣя.

„Спрячь меня — укрой отъ преслѣдователей — они грозятъ мнѣ шюрьюю — и ты не расквешься — я награжу тебя, какъ не лъзя лучше!“ — и Машвѣй не долго колебался: на дворѣ споялъ огромный косперь хворосту — туда крестьянинъ спряталъ бѣглеца. — Кредиторы съ конвоемъ слѣдившіе должника тщетно распрашивали о немъ у Машвѣя — но ничего не допытавшись, пошли далѣе.

Шумъ ушихъ и Родригъ вышедши изъ засады, благодариль избавителя своего — увѣрялъ въ неизмѣнности своего обѣщанія и въ дополненіе разсказалъ емъ всю свою исторію: какъ, на какихъ усл

вѣхъ и для чего, оставилъ онъ адъ, какъ поступила съ нимъ жена и проч. „Слушай, браншъ,“ сказалъ онъ наконецъ доброму кресстьянину: „ты очень, очень одолжилъ меня — я не хочу оспаваться у тебя въ долгу. Я награжу тебя и награжу щедро. Разснавшись съ тобою, я вселюсь въ дочь богатаго Вельможи, — многіе будущъ лѣчишь ее и никто не вылѣчишь. — Тогда смѣло иди въ городъ въ домъ бѣснующейся, шребуй награды и приступай къ лѣченію: шенни шолько на ухо больной; я услышу швой шопоть и больная будетъ здорова!“ Родригъ сказалъ и исчезъ.

Чрезъ нѣсколько времени разнесся слухъ по всей Флоренціи, что дочь богатаго дворянина Амвросія Амедеи, не давно вышедшая замужъ за Буонарроши Тебалодуччи, бѣснуется. — Мужъ, родители и родшвенники упошребили для излѣченія несчастной всѣ средства, обыкновенныя въ подобныхъ случаяхъ: и окуривали куреніями, и осыпали солью, золою, и призывали опшельниковъ, славившихся примѣрною жизнію; но Родригъ смѣлся ихъ усиліямъ, по прежнему не оспавлялъ красавицы и нарочно старался показашъ; что она одер-

жима не какою-либо болѣзнію, а именно бѣсомъ: по говорилъ онъ по Лашынѣ, по спорилъ о философскихъ предмѣсахъ, по обличалъ многихъ въ грѣхахъ: такъ напри- мѣръ рассказалъ онъ, что у какого-то смиренника уже шесть лѣтъ живетъ для прислуги женщина, одѣтая въ мужское платье; доказалъ, что одинъ писатель, слывшій погда предкимъ кришикомъ дѣ- лалъ самъ тѣ же ошибки, въ которыхъ другихъ обвинялъ; открылъ, что у многихъ красавиць — поддѣльные зубы, брови и проч. и проч. Удивленіе и негодованіе были всеобщими; Амвросію болѣе всѣхъ ешо было неприятно.

Уже перялъ онъ всю надежду на излѣ- ченіе дочери, когда вдругъ явился къ нему Машвѣй и взялся излѣчить больную за пятьсотъ флориновъ.

Торгъ слаженъ и Машвѣй, приказавъ опслужить молебень, разумѣется для виду, приближается къ бѣснующейся и шепчетъ на ухо: „Родригъ! я пришелъ за наградою— исполни обѣщаніе.“ — А! очень радъ — опвѣ- чалъ бѣсъ, — но ешаго не довольно, я хочу наградить шебя еще больше. Осшавивъ

ему несчастную, я вселюсь въ дочь Карла, Короля Неаполишанскаго, и не выду изъ нее до шѣхъ поръ, пока ты не придешь; смоприжь, бери болѣе; епо будешь въ послѣдній разъ — впередъ не безпокой меня.“ Сказаль и, къ удивленію всей Флоренціи, оставиль больную.

Не прошло еще и мѣсяца, какъ по всей Италіи заговорили о несчастіи случившемся съ дочерью Короля Неаполишанскаго; всѣ средства были бесполезны — оставалось одна надежда — Машвѣй; и дѣйствительнo, приѣхавъ въ Неаполь, онъ, послѣ нѣкоторыхъ обрядовъ, мнимо нужныхъ, изцѣлилъ больную. „Видишь ли?“ сказалъ Родригъ Машвѣю „я сдержаль слово? болѣе не безпокой меня, или я буду вредить тебѣ.“

Возвратившись во Флоренцію съ пястью спами чръвонцовъ, Машвѣй думаль спокойнo наслаждаться дарами счаспія, не помышляя, чтобы Родригъ въ самомъ дѣлѣ когда нибудь вздумаль вредить ему. — Но спокойствіе его скоро возмущено было горькою вѣстію: дочь Людовика III, Короля Французскаго — съ нѣкотораго вре-

мени одержима была духомъ. — Король Французскій, до котораго дошелъ слухъ о Машвѣ, посылаетъ за нимъ нарочнаго; Машвѣй отказывается; Король относитъ къ Правительству Флорентинскому, и бѣдняжка, нехотя, отправляется въ Парижъ. Явившись ко Двору и увидѣвъ бѣснующуюся, онъ рѣшишельно говоритъ, что больная не излѣчима; что въ нее не одинъ, а множество бѣсовъ вселилось. — Государь и слушать не хотѣлъ отговорокъ, а, въ случаѣ неудачи, грозилъ крестьянину висѣлицею. — Что было дѣлать Машвѣю? онъ приближается къ одержимой духомъ, шепчетъ на ухо, умоляетъ Родрига, напоминаетъ ему объ услугѣ своей во время опасности. — „Бездѣльникъ!“ отвѣчаетъ ему Родригъ, „развѣ я мало для тебя сдѣлалъ? ты погибнешь, если еще опважишься докучать мнѣ; тебѣ бышь на виселицѣ.“ Машвѣй рѣшился избрать другой путь для достиженія своей цѣли: „Государь: „онъ дрожащимъ голосомъ Людовику: „и последнее средство: если оно не удастся, то дѣлайте со мною, что угодно Вашему Величеству. Въ слѣдующее Воскресенье прикажите собраться на общую площадь войскамъ, гражданамъ и духовенству — съ

бубнами, лишаврами, барабанами — словомъ, со всѣми музыкальными орудіями; по окончаніи Липургіи, по совершеніи молебствія, величье привесипи большую, и когда подошеть къ ней и пощеншавъ на ухо, я махну шляпой; пустьъ въ одно мгновеніе раздадутся громогласныя пѣсни духовныя, войска при восклицаніи ударяють въ бубны, трубы, лишавры и барабаны; народъ при рукоплесканіи закричитъ въ одинъ голосъ.“

Король далъ приказъ — и все устроено, какъ должно. — Наступило Воскресенье, — площадь закипѣла народомъ. — Кончилась обѣдня: опслужень подь опкрытымъ небень; бѣснующаяся приведена двумя Епископами и многими придворными чиновниками на возвышенное мѣсто площади. — Родригъ увидѣвши споль многочисленное собраніе народа, споль пышную церемонію, изумился. — „Какъ!“ думалъ онъ про себя: „не ужели епощъ шрусъ хочешъ испугать меня симъ великолѣніемъ! глупецъ, онъ не знаетъ, что я присмотрѣлся ко всему великому на Небѣ, ко всему ужасному въ адѣ. Я его!“ Между шѣмъ Манвѣй въ послѣдній разъ пришелъ умоляшь Родрига; чтобы онъ оставилъ бѣснуюющуюся.

„Я тебя, бездѣльникъ!“ сказалъ бѣсъ, вспыхнувши отъ досады, „я тебя!“ Крестьянинъ, не теряя времени и присущивъ духа, махнулъ шляпой — и въ одно мгновеніе раздались громкіе трубные звуки, прескъ липавръ, спукъ барабановъ и пѣсни духовныя. „Что ето значить?“ спросилъ смупившійся Родригъ? — „Ахъ, Родригъ! Родригъ!“ — отвѣчалъ крестьянинъ, „пвоя жена пришла сюда—пвоя жена ищеть тебя.“ Бѣсъ не далъ договорить Машвю—опрометью бросился изъ больной и прямо въ адъ.... жена ему казалась ужаснѣе самаго шаршара.

ХІІІ.

Х А Р А К Т Е Р Ъ .

Если бы когда нибудь богиня пропировѣчій, оставя на время людскія устанавленія, обычаи, правила Словесности, Журналы, Учебники, Лѣчебники и проч. и проч. вздумала вздѣшь на себя человѣческую оболочку: она бы вѣрно предпочла образъ Аншифана всѣмъ прочимъ. Въ епомъ человѣкѣ — всѣ возможныя крайности соединяются неразрывнымъ союзомъ — Озирись и Тифонъ въ одномъ шѣлѣ.

Положимъ, что вы съ нимъ встрѣпились въ обществѣ — какимъ бы вы ни были хорошимъ фізіогномикомъ, вы не будете знать къ какому классу причислить фізіогномію Аншифана: она не принадлежитъ ни къ какому; ибо — при первомъ взглядѣ она вамъ покажется доброю, даже

слишкомъ простою , чрезъ минушу злою и насмѣшливою , потомъ опять доброю , потомъ опять злою — и такъ далѣе. — Иногда взоры его являютъ глубокомысліе , въ другое время — какое-то ребячество ; по выражаютъ привѣтливоспъ , по недоспупноспъ. — Обращеніе его еще страннѣе : между смѣлыми движеніями , прибрѣтаемыми свѣпскимъ навыкомъ , какъ будто мелькаспъ какая-то заспѣчивоспъ , и робоспъ его можно назвапъ — дерзкою.

Любопытство заставляетъ васъ спроситъ знакомыхъ о характерѣ Аншифана : одни вамъ скажутъ , что епо человекъ чрезвычайно гордый и самолюбивый ; другіе — человекъ въ полномъ смыслѣ свѣпскій , разсѣянный.

Вы подходите къ спарику , съ копорымъ не давно говорилъ Аншифанъ , спрашиваете его мнѣніе о послѣднемъ и спарикъ вамъ скажетъ , что Аншифанъ весьма много о себѣ думаетъ , позволяетъ себѣ обо всемъ судитъ рѣшипельно и , по видимому , можетъ быпъ доволенъ полько однимъ собою. — Вы оставяете спарика , подходите къ дамѣ , съ копорою Аншифанъ

о чемъ-то говоришь и кажешься, съ большимъ жаромъ — и что же слышите? подтвержденіе словъ спариковыхъ: Аншифанъ кого-то бранишь и надъ кѣмъ-то смѣешься! Вы уже хопите оставишь ешаго самолюбиваго, насмѣшливаго человѣка — но прислушиваеесь и къ величайшему своему удивленію, узнаёте, что предметъ и брани и насмѣшекъ Аншифановыхъ — самъ Аншифанъ.

Вы знакомиесь съ нимъ и при первомъ вашемъ къ нему приступѣ, увидите чрезвычайное его желаніе вамъ понравиться; но въ какую минуту вы ему попадетесь; — въ одно время онъ будетъ самъ стараться заговорить съ вами о предметѣ для васъ любезномъ и извѣсномъ, на вопросы ваши спанетъ отвѣчать какъ можно неопредѣленно, дабы, извѣдавъ вашъ образъ мыслей, не пропировѣчить вамъ; въ другое же время незабоится о васъ, будетъ стараться завести рѣчь о предметѣ будто бы для него самаго привлекательномъ и въ состояніи войти съ вами въ споръ при первой встрѣчѣ; случится, что онъ при первомъ знакомствѣ разскажетъ вамъ все то, что,

кажется, можно сказать только, по крайней мѣрѣ, черезъ годъ непрерывной пріязни, случится также, что вы опъ него на первый разъ не добьетесь ничего болѣе, кромѣ сужденія о томъ, какова погода.

Короче узнавши Аншифана, вы еще болѣе замѣтите въ немъ противорѣчій: онъ хладнокровенъ и вспыльчивъ; но кажется неспособнымъ къ нѣжнымъ чувствованіямъ, но кажется, можетъ любить съ горячностію; въ одно и то же время недоверчивъ и легковѣренъ, вы легко обмануть его можете; бранить моды и роскошь и желаетъ быть одѣтымъ въ послѣднемъ вкусѣ; насмѣхается надъ обычаями, установленіями людскими, но на вѣрное можно сказать, что ревностно имъ бы слѣдоваль, если бы не столь часто ему мѣшала въ томъ его разсѣянность; наконецъ вмѣстѣ и бережливъ и распочинеленъ.

Аншифанъ иногда любитъ блистать своими знаніями, талантами; но въ другое время, не вымолвитъ слова, не допронется до инструмента при удобномъ случаѣ показать себя; — онъ иногда щупливъ, иногда задумчивъ, но все не на долго; часто одной бездѣлицы довольно, чтобы развеселить

его, часто ничѣмъ его не можно распро-
гашь; бываетъ, что видя иногда, сколь
непріятна его сумрачность окружающимъ,
онъ какъ будто стараеися казаться весе-
лымъ; но сія напязка въ немъ пошчасъ
замѣтна: опъ сего бываетъ, что часно
слушая, будто бы со вниманіемъ какой-
либо разговоръ, кажется, не понимаетъ
его, спрашиваетъ объ томъ, что назадъ
тому говорили съ минушу; часно, желая
по видимому скрышь свою скуку, онъ вмѣ-
шивается въ разговоръ, спрашиваетъ о
чемъ-либо, ни мало шѣмъ не занимаяся и
думая со всѣмъ о другомъ, и опъ того ча-
сно удивляетъ недоспапкомъ соображенія—
такое его, если не ошибаюсь, состояніе
есть признакъ, что какое-либо огорченіе
гнѣшетъ его сердце.

Легко можно замѣпипшь, что желаніе
спокойствія — еспъ единственное, глав-
нѣйшее желаніе Анпифана хопя по ви-
димому безпокойство не престаешъ его
преслѣдовапшь, что онъ счастливъ и не-
счастливъ по мѣрѣ своего приближенія
къ сей цѣли или опдаленія опъ оной — оп-
сюда частію, но не совершенно должна
происходить его любовь къ уединенію — и

частая задумчивость. Но не жизнь съ людьми было бы величайшимъ злополучіемъ для Аншифана; кажется, онъ въ состояніи оцѣниться въ немъ, чтобы только быть въ обществѣ, и со всею его пламенною страстію къ независимости, легко можно управлять имъ. Приказаніе онъ кого бы ни было раздражаетъ его душу, бѣситъ его, но для исполненія просьбы — чьей бы то ни было — онъ готовъ пожертвовать жизнью. Замѣчаютъ, что независимость можетъ быть въ немъ испочникомъ многихъ добродѣтелей: привѣпливости, услужливости, снисходительности, склончивости — рабство же можетъ сдѣлать его скучнымъ, неуслужливымъ, гордымъ, упрямымъ, злопамятнымъ, мстительнымъ, дерзкимъ и что его гордость расщепитъ вмѣстѣ съ насиліемъ, ему дѣлаемымъ. — Словомъ, Аншифанъ въ семь случаевъ походитъ на лошадь, которая смирно идетъ тогда только, когда у ней опущены поводья, но начинаетъ горячиться, по мѣрѣ того, какъ припигивается узда ея. Но овладѣйте его душою, и тогда Аншифанъ сдѣлается покорнымъ, послушнымъ, едва ли не обожать васъ будетъ; въ семь случаевъ — на оборотъ онъ въ состояніи надѣлать

дуратесивъ тогда только , когда вы ослабите узду свою.

Одно, что можно похвалить въ Аншифанѣ есть его постоянная , непреодолимаѣ страсть къ познаніямъ; но и здѣсь какой хаосъ противорѣчій; войдя къ нему въ комнату, вы его иногда заспанете — какъ онъ читаетъ Ому Кемпійскаго, посмаивая на Вольпера; *l'Art de plaire aux dames*, изданное какимъ-то Парфюмеромъ лежитъ возлѣ Лейбницевоѣ Теодицеѣ; собраніе Французскихъ водяныхъ шуточекъ — возлѣ Ньютона и Лапласа. — Аншифанъ—авторъ; но никогда не начинаеть менѣе двухъ или трехъ сочиненій, оставляетъ одно и принимается за другое, бросаетъ и сто, чтобы приняться за шрестіе.

Не равнодушно , кажется, смотритъ Аншифанъ и на женщинъ; говоритъ о нихъ иногда съ восхищеніемъ, иногда съ отвращеніемъ. Но едва ли хопя одна женщина можетъ постоянно привязать его; всякое хорошенькое личико его плѣняетъ, но только до новаго хорошенькаго же личика, которое чрезъ нѣсколько времени, Мнемозина. Часть III. 6

къ свою очередь будешь казаться ему прищорнымъ.

Таковъ Аншифанъ! Вы удивляетесь, но собирая въ мысляхъ все про него сказанное, вспоминаете неспоянство его физиогноміи; различныя прошиворѣчащія мнѣнія о немъ его знакомыхъ; почти невѣроятную неопредѣленность, безцвѣтность его характера; вмѣстѣ вспоминаете и его любовь къ независимости и спокойствію, которая невольно въ немъ обнаруживается; вспоминаете многихъ людей вамъ извѣстныхъ, — и характеръ Аншифана, если и не переспрашиваетъ вамъ казаться страннымъ, — по крайней мѣрѣ, не кажется вамъ болѣе споль необыкновеннымъ. Ваше послѣднее замѣчаніе подтверждаютъ слова вашего знакома, который къ довершенію прошиворѣчій, по видимому, почти не имѣетъ никакихъ сношеній съ Аншифаномъ, но увѣряетъ, что лучше многихъ его знаетъ: по его мнѣнію — „характеръ Аншифана походитъ на волнующееся море, въ которомъ хоня волны и находящаяся въ безиреспанномъ разнообразіи и премѣнчивости, но вода пребываетъ одинаковою.“

Тутъ невольно рождаются въ васъ слѣдующіе вопросы : характеръ Аншифана не есть ли оболочка , подъ копорою могутъ скрываться характеры , различные до безконечности — наконецъ , не ешо ли истинный , отличительный , общій характеръ нравовъ нашего времени ?

Сколько предметовъ для размышленія!

О д в с к .

XIV.

УПОВАНИЕ НА БОГА.

~~~~~

На Бога возложу надежду!
Не Онъ ли въ миръ меня облекъ?
Не Онъ ли черную одежду,
Хулу и скорбь съ меня совлекъ?
Мои враги шоржествовали:
„Погибни!“ — ихъ вѣщаль языкъ;
Но Богъ боговъ на нихъ приникъ —
Злодѣи въ козняхъ обнищали!
Онъ правопу мою явилъ,
Какъ лучъ полуденный и чистый,
Какъ блескъ безчисленныхъ свѣпиль;
Воздвигъ меня на холмъ кремнистый
И кровомъ крылъ своихъ покрылъ!
Десницу къ звучному органу
Простру и воскрылюсь душой:
Тебя, мой Боже, славить стану!
Ты мечъ и щитъ и панцырь мой!
Глаголь въ меня съ небесъ вложенный,
Какъ громъ промчится въ времена:
Дивясь, умолкнушь племена;

Свой слухъ преклоняпть изумленный
Моря и долъ и вышина!
Гремите же, святыя струны!
Воспойте Вышняго Творца,
Раздайтесь до міровъ конца!
Лепите звучные перуны,
Разите гордыя сердца!

В. Кюхельбекеръ.

XV.

А Л Ь Б О М Ъ .

Какъ нѣжный арфы звукъ спихаетъ въ опдаленъи,
 Такъ точно память о друзьяхъ
 Слабѣетъ въ грустномъ разлученъи,
 И на Сатурновыхъ крылахъ
 Не рѣдко навсегда изъ мыслей улетаетъ;
 Но сердце нѣжностью своею дорожитъ,
 Попокъ забвенья отвращаетъ
 И чувству вѣрности даетъ надежный щипъ.
 Сморгните: тамъ рѣзецъ, тамъ кисть пропиво-
 рѣчипь
 Отсутствію давно упраченныхъ людей;
 Тамъ сводъ древесъ сплещенъ, чпобъ имъ увѣко-
 вѣчипь
 Воспоминанье милыхъ дней;
 Здѣсь долгихъ плодъ прудовъ, любовью оживлен-
 ныхъ,
 Бесѣдовавъ о сей любви не преспааетъ,
 И персень въ самый часъ прощанья обмѣненный
 Обѣпамъ свяпость придаетъ.

Но сердца нѣжнаго завѣшныя скрижали,
 Гдѣ Дружба скромная и робкая Любовь
     Еще вѣрнѣй приюсть снискали,
 Сей милый памятникъ счастливейшихъ годовъ,
     Открытыхъ чувствъ нѣмой хранитель,
 Который съ вѣтренной измѣной не знакомъ,
 И вѣчный можетъ быть измѣны опоместитель,
 Сей врагъ забвенія и другъ мой есть—Альбомъ.

С. Н.

XVI.

РАДУГА — ЦВѢТЫ — ИНОСКАЗАНІЯ.

(Индѣйское преданіе).

(Посвящено Варварѣ Ивановнѣ Ланской).

---

*Oiia toî meôáon íerî
dóois ánthróποισιν.*

HESED. THEOS.

На берегу Ганга, въ преддверіи великолѣпнаго храма сидѣлъ Браминъ, погруженный въ глубокую думу: глаза его были усмирены на небо, глава пылала, всѣ члены являли внутреннее напряженіе, воспоргъ развѣвалъ бѣлые волосы его; игривое воображеніе облекало предъ нимъ въ одежду

земную, прекрасную — испины высокія, небесныя!

Долго безмолвствовалъ онъ; вдругъ пренеть пробѣжалъ по шѣлу его, изнемогли ослабѣвшіе члены, усталая глава склонилась на грудь.... „Волшебные призраки!“ — воскликнулъ Браминь, — „какою силою подчинили вы себѣ неудержимое никакими преградами — мысль чловѣка? Гдѣ начало ваше непоспихныя? не памъ ли за седьмымъ міромъ (*), гдѣ волны злапа кипящъ, рвущя въ воздухъ и наполняющъ его благоуханіемъ, не памъ ли....“ Чудное видѣніе прервало слова его.... все небо показалось ему исполненнымъ *Дивовъ*, духовъ блаженныхъ; ихъ очи, власы, крылія — все сливалось вмѣстѣ и какъ бы пеленою неизмѣримою облекало вселенную.

Опдѣлился одинъ изъ безплошныхъ и приблизился къ Брамину.

(*) Индѣйцы вѣрящъ существованію седми міровъ, изъ коихъ одинъ окруженъ моремъ воды соленой, другой моремъ меда, наконецъ послѣдній моремъ злапа. О.

„Было время,“ вѣщаль онъ „когда на землѣ луга еще не подобились коврамъ испещреннымъ, когда разноцвѣтныя краски не различали предметовъ, звуки не потрясали воздуха и непрерывные пишина и свѣшъ упомляли взоры и слухъ смертныхъ своимъ однообразіемъ: тогда въ сонмѣ божествъ праздновали сочеланіе великаго Чивена (*) съ прелестною Парвади. Боги плавали въ невообразимыхъ увеселеніяхъ: благовонія, волнуясь вокругъ нихъ, спорили о превосходствѣ; многочисленныя, роскошныя яства оспановили бы на время ненасытный голодъ самаго Амрупа (**);

(*) *Чивенъ* или *Шивенъ* — одинъ изъ трехъ божествъ Индіи, и болѣе другихъ почитаемый; замѣчательно, что онъ имѣетъ двухъ женъ: *Парвади* — отвѣчающую Юнонѣ, которая, какъ извѣстно, была Богинею вѣрности у Грековъ (см. *Monde primitif, par Court de Gébelin t. 1*). и другую — *Гунгеи* — Богиню опрятности. Симъ хотѣли Индѣйцы выразить, что два необходимыя условія брака: съ духовной стороны — *вѣрность*, съ вещественной — *чистота*. О.

(**) *Амрутъ* — одинъ изъ сыновей Самонакодама, Бога Сіамцевъ, — славный своимъ объденіемъ. О.

минуша наслажденія въ объяпіяхъ Лешмы (*) претворялася для нихъ въ вѣчность.... Но наконецъ удовлетворились всѣ желанія, съ шѣмъ вмѣстѣ испоцилось блаженство — Боги жаждали новаго и окруженные успѣхами, скучали.... горестъ сжала сердце Чивена, слеза выкапилась изъ очей его — и что же?... въ одно мгновеніе она ниспустилась въ простраиство: поравнялась съ солнцемъ и — великолѣпная радуга опважно перегнулася чрезъ вселенную; приближилася къ землѣ и — цвѣпы одождили шаръ земный; — доспигла мышленія чловѣка и — иносказанія, спройными звуками вырвались изъ умовъ вдохновенныхъ, раздалися въ горнихъ селеніяхъ и — улыбулися небожипели.

„Такъ, когда чувство непоняшное, высокое пѣснитъ душу Пѣвца, одареннаго свыше, крылатая мечта его спремится, подобно лучу солнечному и облакается въ одѣжду звучную, разноцвѣпную—сами Боги

(*) Лешма или Лешума — Индѣйская Венера.

приникають къ нему и легкокрылые Дивы
прикованы къ его мечпаніямъ!“

Видѣніе исчезло — но спарецъ оста-
вался недвижимъ — онъ казалось все еще
внималъ небесному вѣспнику и воспоргъ
все еще развѣвалъ бѣлые власы его.

О д в с к .

XVII.

КЪ БАРОНУ РОЗЕНУ.

Въ дорогѣ жизни на мгновенье,
 Землякъ, я встрѣтился съ побой
 И полюбилъ себя душой

И грустно для меня съ побою разлученье!
 Одной подвласпны мы судьбѣ:
 Ко мнѣ она была сурова,
 Не слишкомъ ласкова къ тебѣ;
 Но что прошло, о томъ ни слова!
 А развѣ нынѣ оживлю

Минушей младости запыя наслажденья
 И ихъ спасу на мигъ опъ жаднаго забвенья!
 О милый мой, какъ я мечтать люблю
 О пышныхъ берегахъ, о рощахъ Морфоншена!
 Какъ часто уношусь я въ даль,
 Въ Сенклускіе лѣса, въ привѣпливый Версаль!
 И для тебя всегда любезна будетъ Сена:
 Когда шумѣли тамъ Славянскія знамена
 И на зарѣ своей

Ты лавръ уже успѣлъ сорвать между мечей, —

Отъ брани отдыхалъ средь новыхъ ты друзей
Въ объятіяхъ любви, средь сладостнаго мѣна!

Но не въ одномъ чужомъ краю

Съ пвоей мечтой моя должна слепашься дума:

Не оба ль помнимъ мы и здѣсь спрану свою —
Хранимую всегда отъ браней и отъ шума?

Бышь можешъ, скоро ты увидишь тѣ луга —
Луга Эстоніи и мирной и счастливой ,

Гдѣ я не зналъ, что есть тоска ,

Отъ коихъ рано насъ отпоргнулъ рокъ ревливой!
Ты скоро ихъ увидишь , другъ ,

Прекрасныхъ дѣвушекъ, паспушекъ свѣтлоокихъ!
Землякъ! когда тебя обспанешъ милыхъ кругъ

И спросишь о спранахъ далѣкихъ ,

Тебя обворожитъ рѣчей знакомыхъ звукъ, —
Забудешъ горы ты, спремнины и утесы ,

И сѣчи быспряя и сумрачный Кавказъ,

Исчезнутъ для тебя Чеченцы и Черкесы ;

Весь міръ пвой будешъ взоръ прелестныхъ, пи-
хихъ глазъ :

Землякъ , — я не сержусь , — не вспомнишь ты
о насъ!

Георгіевскъ

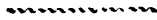
1821.

XVIII.

КАПІТЪ.

Канпъ жилъ до глубокой старости и никогда не выѣзжалъ изъ Кенигсберга; тамъ, среди льдовъ угрюмаго Сѣвера онъ проводилъ цѣлую жизнь свою въ размышленіи о законахъ ума человѣческаго. Неупомимою ревностію къ изученію пріобрѣтены имъ безчисленныя свѣдѣнія. Онъ весьма хорошо зналъ науки, языки, словесность и, не искалъ славы, копорю воспользовался очень поздно; не слыхавъ до того времени, что имя его гремѣло въ ученомъ свѣтѣ, онъ наслаждался безмолвнымъ удовольствіемъ размышленія. Въ уединеніи онъ созерцалъ свою душу; разысканіе мысли подкрѣпляло его добродѣтель и, хотя самъ никогда не подвергался пылкимъ спраснямъ, однако умѣлъ кованъ оружіе для ихъ пораженія.

Самая спрогая философская жизнь Канша, каковой не было примѣра даже у Грековъ, свидѣтельствовала о праводушіи писателя. Къ сему числѣйшему праводушію надобно еще присоединишь разборчивый, правильный умъ, бывшій судією генія, когда онъ увлекался слишкомъ далеко. Миѣ, кажется, сего довольно, чшобы судить безприсраспно о неупомимыхъ трудахъ шакого мужа.

Каншъ съ начала издалъ различныя сочиненія свои о наукахъ физическихъ (*) и въ семь родѣ показалъ шакую прозорливость, что первый усмотрѣлъ существованіе планеты Урана. Самъ Гершель, открывшій оное, признался, что Каншъ предсказалъ о томъ. Разсужденіе его о свойствахъ человеческого разумѣнія, подъ заглавіемъ: *Критика гистаго разума*, появилось почти за тридцать лѣтъ, и сіе швореніе нѣсколько времени было неизвѣстно. Когда же постигли сокровище заключающихся въ немъ идей, тогда оно произвело въ Германіи шакое дѣйствіе, что почти всѣ

(*) Георгію звѣзднаго неба.

позднѣйшіе успѣхи Словесности и Философіи произошли отъ сего творенія.

За разсужденіемъ о человѣческомъ разумѣніи послѣдовали *Критика дѣятельнаго разума*, заключающая нравспвенность, и *Критика разсудка*, копорой предметомъ было изящное. Симъ шремъ разсужденіямъ, объемлющимъ законы ума, правила добродѣтели и созерцаніе красотъ природы и искусствъ, служилъ основаніемъ одинакая теорія.

Я постараюсь изобразить главныя идеи сего ученія; но предувѣдомлю, что сколь ясно не изложу ихъ, однако уразумѣть попребно большое вниманіе. Чтобы понять какую либо теорію, необходимо нужно вникнуть въ то, что привело самаго Автора къ заключеніямъ, копорыя онъ представилъ.

Философія матеріялишовъ завлекла умъ человѣческой въ область внѣшнихъ предметовъ, нравспвенность къ личной выгодѣ, а изящное ограничивалось только пріятнымъ. Кантъ старался утвердить коренныя истины и самопроизвольную дѣятель-

ность въ душѣ, совѣсть въ нравственности, идеаль въ искусствахъ. Теперь рассмотримъ, какимъ образомъ онъ достигъ своей цѣли.

Когда появилась *Критика гистаго разума*; тогда объ умѣ человеческомъ существовали только двѣ системы: Локка, которая опъ ощущеній производила всѣ наши идеи; Декарта и Лейбница, справшихся исполковать духовность и дѣятельность души, свободу воли, словомъ все ученіе идеалистовъ; но сіи два философа утверждались на опытахъ совершенно умозрительныхъ. Въ предыдущей главѣ изложены неудобства, происходящія опъ усилій опвлеченія, которое подавляетъ, пакъ скажешь, чувства наши, чшобы дѣйствовали одни умственные способности. Алгебраическій способъ изслѣдовать предметы, непоспигаемые однимъ разсудкомъ, не оставляешь въ умѣ никакого продолжительнаго впечатлѣнія. Между тѣмъ, какъ читающъ сочиненія о высокихъ философскихъ понятіяхъ, думающъ, чшо постигаютъ ихъ и вѣрящъ имъ, но доводы, казавшіеся убѣдительными, вскорѣ забываются.

Если человекъ, утомленный паковыми усилиями, ограничивъ знанія свои только пѣмъ, что подтвержено чувствамъ, то для души его все будетъ гореспно. Получивъ ли онъ идею о безсмертіи, когда предшественники разрушенія столь глубоко напечатлѣны на лице смертныхъ, и когда все живущее безпрестанно обращается въ прахъ? Если всѣ чувства говорятъ о смерти, какая надежда остаётся на возрожденіе? Если бы вопрошали только ощущенія, то какая составила бы идея о верховной благости? Въ жизни нашей бываетъ столько горестей, природа обезображивается только гнусными предметами, что несчастное твореніе сто разъ злословитъ бытіе прежде, нежели испуститъ послѣднее дыханіе. Напробивъ того человекъ, отвергнувшій свидѣтельство чувствъ, чѣмъ будетъ руководствоваться въ сей жизни? Если же онъ будетъ вѣривъ только имъ, какой энтузіазмъ, какая нравственность, какая религія проивустали бы безпрестаннымъ нападеніямъ, причиняющимъ то горестъ, то удовольствіе?

Въ сей безмѣрной неизвѣстности блуждало размышленіе, когда Кантъ осмѣлился

начертать предѣлы двухъ обласпей — чувствъ и души, вещественной и духовной природы. Можеть бышь сила разсужденія и благоразумія, какія онъ оказалъ при означеніи сихъ границъ, до него не имѣли примѣра: онъ неспарался проникнуть въ шайну шворенія; онъ позналъ предѣлы ума въ ошношеніи къ сверхчувственному, и для знающихъ Канша только по наслышкѣ, можеть бышь, покажется новымъ, чпо не было ни одного философа, который въ споль многомъ былъ бы противникомъ Метафизикѣ. Онъ углубился въ сію науку для того, чтобы унопробитъ тѣ же средства, которые служатъ доказательствомъ ея недоспапковъ.

Локкъ поржественно воспавалъ противъ ученія о врожденныхъ идеяхъ, которые по его мнѣнію происходили опъ опыта. Онъ не обращалъ вниманія на изслѣдованіе чистаго разума, ш. е. коренныхъ способностей, изъ коихъ образуется умъ. Лейбницъ, какъ сказано выше, провозгласилъ сію превосходную аксіому: „Все шо, чпо заключается въ разумѣніи, происходитъ опъ чувствъ, кромѣ самаго разумѣнія.“ Каншъ, также какъ Локкъ, не признавалъ врожден-

ныхъ идей; но онъ рѣшился проникнуть въ смыслъ Лейбницевой аксіомы и разсмотрѣть, какіе законы и чувствованія независимо отъ всякой опытности составляютъ сущность человѣческой души. *Критика гистаго разума* показываетъ въ чемъ состоятъ сіи законы, и къ какимъ предметамъ могутъ они относиться.

Скептицизмъ, къ которому ведетъ всегда система материализма, распространился столь далеко, что Гюмъ, изыскивая доводы противъ аксіомы: „нѣтъ дѣйствія безъ причины,“ попрысъ даже самое основаніе разсужденія. Природа человѣческая, безъ источника душевнаго убѣжденія, столь непостоянна, что невѣріе, начиная ополченіемъ противъ существованія нравственнаго міра, разрушаетъ употребленное прежде для сего собственное орудіе — міръ вещественный.

Кантъ хотѣлъ знать, способенъ ли умъ человѣческой достигнуть совершенной увѣренности, и нашелъ ее въ необходимыхъ понятіяхъ, п. е. въ законахъ нашего разумѣнія, безъ представленія которыхъ мы ничего постигать не можемъ.

Первая степень главныхъ формъ ума нашего суть пространство и время. Кантъ доказываетъ, что всѣ понятія наши подлежатъ симъ двумъ формамъ. Онъ заключаетъ изъ того, что онѣ находящяся въ насъ самихъ, а не въ предметахъ, и что по сему отношенію разумніе наше даетъ законы внѣшней природѣ, вмѣсто того, чтобы онѣ ей принимали ихъ. Геометрія, измѣряющая пространство, и Арифметика раздѣляющая время, суть науки совершенно точныя, потому что онѣ утверждаются на необходимыхъ понятіяхъ нашего ума.

Истинны, пріобрѣтенныя опытомъ, не доставляютъ никогда совершенной увѣренности; говоря: *солнце каждый день восходитъ, всѣ люди смертны* и проч., воображеніе могло бы представить исключеніе для сихъ истинъ, которыя единый опытъ заславляетъ почитать несомнѣнными; но самое воображеніе не въ состояніи ничего противупоставить времени и пространству. Сія формы мысли, кою мы подвергаемъ вещи, не лзя принимать за слѣдствіе привычки, ш. е. за постоянное повтореніе одинакихъ явленій; ощущенія мо-

групъ бытъ сомнительны , но призма , посредствомъ коей ихъ видимъ , непреложна.

Къ первоначальной очевидности пространства и времени , должно присвокупить , или лучше принять за основаніе начала разсужденія , безъ коихъ мы ничего не можемъ понимать и кои суть законы нашего ума. Кантъ почитаетъ необходимыми понятіями сцепленіе причинъ и дѣйствій , единство , множественность , необходимость и проч. (*) и возводитъ на степень наукъ только непосредственно основанныя на понятіяхъ нашихъ , потому что въ нихъ единственно можетъ существовать увѣренность. По формамъ разсужденія выводятся слѣдствіе только въ приравленіи ихъ къ внѣшнимъ предметамъ , да и въ семъ приравленіи они подвержены заблужденію ; однако сами по себѣ они такъ необходимы , что при всѣхъ нашихъ размысленіяхъ безъ нихъ не лзя обойтись. Мы ничего не можемъ вообразить безъ соотношенія причинъ и дѣйствій , возможнаго , качества и

(*) Кантъ называетъ *категорію* различныя необходимыя понятія разумнія , которыхъ онъ представляетъ картину.

проч.; и сіи понятія также неразрывны съ нашимъ разумѣніемъ, какъ пространство и время. Мы все постигаемъ только по непреложнымъ законамъ способа нашего разсуждашь; слѣдовательно законы сіи заключающа въ насъ самихъ, а не внѣ насъ.

Въ Нѣмецкой философіи называются *субъективными* (*) идеями тѣ, которыя происходятъ отъ ума нашего и его способностей, а *объективными* (**) тѣ, которыя возбуждаются ощущеніями. Впрочемъ какое не было бы ихъ наименованіе; но мнѣ кажется, изслѣдованіе нашего ума согласно съ главною мыслию Канта, т. е. съ оплечіемъ формъ нашего разумѣнія отъ предметовъ, которыя мы познаемъ сообразно симъ формамъ, и принаровливаетъ ли онъ ихъ къ понятіямъ опвлеченнымъ, или опносивъ, въ религіи и нравственности, къ ощущеніямъ, по мнѣнію его, также независимымъ [отъ опыта, нѣтъ ничего яснѣе границы, проведенной имъ между тѣмъ,

---

(*) *Идея субъективная* есть понятіе о нашей личности. Примѣч. Перев.

(**) *Идея объективная* есть понятіе о внѣшнихъ предметахъ. Прим. Пер.

что происходить опять чувствъ , и шѣмъ ,
 что зависить опять самопроизвольнаго дѣй-
 ствія нашей души.

Нѣсколько словъ изъ Кантова ученія ,
 худо переполкованныхъ , подали случай за-
 ключають , что онъ принималъ познанія
 à priori , т. е. шѣ , которыя начер-
 таны въ душѣ нашей прежде , нежели
 мы увѣряемся въ нихъ опытомъ. Про-
 чіе Нѣмецкіе философы , ближайшіе къ
 системѣ Платона , думали , что предначер-
 таніе вселенной находится въ умѣ человѣ-
 ческомъ , и что человѣкъ не могъ бы по-
 няшь ее , если бы въ немъ не былъ вро-
 жденъ ея образъ ; но Кантъ со всѣмъ не
 говорилъ о семъ ученіи : онъ умственныя
 науки заключають въ предѣлы Логики , Ме-
 тафизики и Математики. Логика сама по
 себѣ ни чему не научають , но будучи осно-
 вана на законахъ нашего разума , она неос-
 порима въ опвлеченныхъ ея правилахъ ; сія
 наука ведетъ къ истицѣ шолько по прина-
 ровленію ея къ понятіямъ и вещамъ ; начала
 ея врожденны ; а принаровленіе зависить
 опять опыта. Относительно Метафизики ,
 Кантъ опвергаетъ ея существованіе : ибо
 онъ думаетъ , что разсужденіе можетъ до-

пущено быль только въ области опыта. Ему казалось, что одна Математика ведеть непосредственно къ познанію пространства и времени, т. е. законовъ нашего разумѣнія, предшесвующихъ опыту. Онъ старался доказать, что Математика не есть простое искусство разрѣшать задачи; но наука систематическая, положительная, творческая и столь досповѣрная сама по себѣ, что для убѣжденія въ ея истинѣ нѣтъ нужды прибѣгать къ опыту. Въ книгахъ Канпа можно найти доказательства, на которыхъ основаль онъ сіе мнѣніе; по крайней мѣрѣ справедливо, что нѣтъ человека, который болѣе его проотивурѣчилъ бы мечпаніямъ и болѣе имѣлъ бы склонности мыслишь сухимъ и учебнымъ образомъ, хотя цѣлю ученія его было возвысить родъ человѣческой, который униженъ материалистами.

Канпъ, не опвергая опыта, почишаетъ все житейское дѣйствіемъ нашихъ врожденныхъ способностей на вѣрнія понятія. Онъ думаетъ, что опытъ безъ законовъ разума былъ бы только хаосомъ; а законы разума имѣють предметомъ начала, доспавляемые опытомъ. Изъ сего слѣдуетъ, что

за его предѣлами Метифизика ни чему не можешъ научить и что чувствованію должно приписатьъ все знаніе и убѣжденіе въ то, что не заключается въ міръ видимомъ.

Утверждаешъ божественныя истины единымъ разсужденіемъ, значить употребляешъ зыбкое во всемъ смыслѣ орудіе, которымъ равно можно защищать и опровергать ихъ; ибо въ семъ отношеніи нельзя найти въ опытѣ никакого оплота.

Кантъ выводилъ равносильныя доказательства въ опроверженіе и подтвержденіе человѣческой свободы, безсмертія души, временнаго и вѣчнаго продолженія свѣта; а перевѣсь, по мнѣнію его, зависилъ только отъ чувствованія, потому что метафизическіе доводы той и другой стороны, кажущаяся ему въ одинаковой силѣ (*). Можешъ быть онъ и несправедливо распространилъ до такой степени скептицизмъ разсужденія; но сіе нужно для того, чтобы

(*) Доходы сіи, противоположныя великимъ метафизическимъ вопросамъ, названы Кантомъ *антиноміями*.

вѣрнѣе его уничтожишь, опклоняя досто-
вѣрными вопросами опвлеченные споры,
ошъ него происпекающіе.

Несправедливо было бы подозрѣвать
чисное благочестіе Канпа, пошому что
въ великихъ вопросахъ сверхчувственной
Метафизики онъ сравнилъ разсужденія про-
тивныя и подтверждающія. Но мнѣ, ка-
жется, что сіе мнѣніе доказываетъ чи-
спошу его сердца. Такія разсужденія по-
нимають не многіе способны, но и шѣ такъ
склонны къ спорамъ, что гораздо лучше
было бы для вѣры, если бы изгнали изъ
Метафизики всѣ вопросы, касающіеся до
сущесшвованія Бога, свободной воли, на-
чала добра и зла.

Нѣкоторые почпешные мужи говорили,
что никакимъ оружіемъ пренебрегать не
должно, и что Метафизическіе доводы хо-
роши только для убѣжденія шѣхъ, копо-
рые ихъ уважающъ; но доводы сіи ведутъ
къ спорамъ, а споры къ сомнѣнію.

Лучшія собышія рода человѣческаго во
всѣхъ временахъ были шѣ, коихъ истину
никогда извѣстнымъ порядкомъ не оспори-

вали ни словесно, ни письменно. Спроси могли влечь къ дѣяніямъ, заслуживающимъ наказаніе, но никто не сомнѣвался въ самой религіи, какую бы онъ не исповѣдывалъ. Софизмы всякаго рода, злоупотребленія Философіи въ различныхъ временахъ и вѣкахъ разрушали сію благородную, пвердую вѣру, источникъ геройскаго обладанія самимъ собою. И такъ сіе не подаешь ли философу прекрасной мысли опровергать науку, имъ самимъ преподаваемую, и употреблять всю силу опвлеченія для доказательства, что естъ такія науки, изъ которыхъ она должна бытъ изгнана?

Деисмы и фанатики препяпспвовали чловѣческому разуму изыскивать нѣкоторыя предметы, но разумъ всегда освобождался отъ сихъ несправедливыхъ препонъ. Предѣлы, въ которыхъ онъ заключалъ себя, придавали ему новую силу, происходящую отъ произвольныхъ законовъ.

Глухо-нѣмый, еще до воспитанія Аббапомъ Сикаромъ, могъ имѣть внутреннее убѣжденіе въ существованіи Божества. Многіе столь же далеко опспоятъ отъ глубокихъ мыслипелей, какъ глухо-нѣмые

опть зрячихъ , однако они не менѣе способны пишать въ самихъ себѣ , такъ сказашь , первоначальныя истины , попому что сіи истины суть пружина чувствованія .

Врачи , въ естественномъ ученіи о чловѣкѣ познають начало , его одушевляющее , однако ни одинъ не знаетъ , что такое жизнь , и если кто спанетъ разсуждать о семъ , то подобно нѣкоторымъ Греческимъ философамъ можетъ доказашь людямъ , что они не живутъ . То же бываетъ при сужденіи о Богѣ , совѣсти и свободной волѣ . Надобно вѣришь имъ , ибо ихъ чувствуютъ ; всякое доказательство будетъ всегда ниже самага предмета .

Въ Анапоміи не лзя разлагашь шѣла , не подвергнувъ его разрушенію ; при раздробленіи , испытывая невидимыя истины , обезображиваютъ ихъ даже шѣмъ , что разрушаютъ ихъ единство . Надобно раздѣляшъ душу на двѣ части , чтобы одна половина насъ самихъ наблюдала другую . Какъ бы не былъ сей раздѣлъ , онъ лишаетъ существо нашего высокаго шожества , безъ коего мы неспособны вѣришь тому , что можетъ утверждать единая совѣсть .

Соберите множество людей и предложите имъ какую либо логическую истину, какую либо общую идею, и вы тотчас услышите сколько различныхъ мнѣній, сколько будетъ лицъ. Если же изобразите черты величія души, если расскажете о благопшворныхъ поступкахъ; то единодушный восторгъ покажетъ вамъ, что вы проникли въ сіе врожденное побужденіе души, столь же живое, столь же сильное, какъ врожденное побужденіе, сохраняющее бытіе наше.

Приписывая познаніе общихъ истинъ чувству, недопускающему сомнѣнія, и стараясь доказать, что разумъ силенъ только въ кругу ощущеній, Кантъ не почиаетъ силу чувства мечшою; напротивъ онъ возводитъ ее на первую степень природы человѣческой. Онъ представляетъ совѣсть врожденнымъ началомъ нравственнаго существованія; а чувство истиннаго и ложнаго, по мнѣнію его, есть коренный законъ сердца, какъ пространство и время, есть коренный законъ ума.

Человѣкъ, помощію разсужденія, не отвергаетъ ли свободной воли? Однако

онъ такъ убѣжденъ въ томъ, что самымъ почтеніемъ и презрѣніемъ живописныхъ доказываешь, сколь вѣришь произвольному выбору добра и зла во всѣхъ существахъ.

Чувство удостоверяетъ насъ въ свободѣ нашей, а свобода есть основаніе ученія о должностяхъ: ибо, если человекъ свободенъ, то онъ долженъ самъ шворить для себя сильнѣйшія побужденія, которыя сопротивляются дѣйствію внѣшнихъ предметовъ и разрѣшаютъ егоизмъ. Долгъ есть доказательство и порука метафизической независимости человека.

Въ слѣдующихъ главахъ мы рассмотримъ доводы Канпа противъ нравственности, основанной на личной выгодѣ, и высшую теорію, которую поставляетъ онъ на мѣсто сего лицемернаго софизма, или сего превратнаго ученія. Первое швореніе Канпа, *Критику гистаго разума*, можно разбирать съ двухъ споронъ; признавая умствованіе недоспапочнымъ и проширѣвающимъ, онъ долженъ былъ ожидать того, что противъ него употребили; но мнѣ кажется невозможно чинать безъ уваженія его *Критику дѣятельнаго разума* и различныхъ сочиненій о нравственности.

Правила нравственности Канпа не только строги и чисны, какъ должно ожидать сего отъ философской непреклонности, но еще ясно изображаютъ связь сердца съ разумомъ. Онъ желалъ свою отвлеченную теорію о свойствахъ ума сдѣлать оплотомъ самыхъ простыхъ и сильныхъ умствованій.

Совѣсть, которая происходитъ отъ ощущеній, можетъ уничтожать самого себя и унижаетъ цѣну долга, подчиняя его внѣшнимъ предметамъ. Канпъ безпрестанно доказываетъ, что глубокое чувствованіе сей цѣны есть необходимое основаніе нашего нравственнаго бытія — законъ, на коемъ оно зиждется. Сила ощущеній и худыя дѣйствія, отъ нихъ происходящія, не могутъ разрушить въ насъ понятія о добрѣ или злѣ точно такъ, какъ погрѣшностями принаровленія не возможно измѣнить понятія о пространствѣ и времени. Во всякомъ положеніи бываетъ всегда сила, противудѣйствующая обстоятельствомъ, которыя истекаютъ изъ глубины души. Весьма ясно, что законы разумѣнія, нравственная свобода и совѣсть рождаются не отъ оныша.

Какъ въ трактатѣ о высокомъ и изящномъ, подъ заглавіемъ : *Критика разсудка*, приспособляется онъ къ удовольствіямъ воображенія шуда сисшему, копорую извлечь изъ столь плодотворныхъ открытій въ области ума и чувствованія, или, лучше сказать, шу же душу, копорую разбираетъ и копорая является въ наукахъ, нравственности и изящныхъ искусствахъ. Капитъ изображаетъ, что въ Поезії и Словесности есть два рода красоты: одинъ можетъ относиться ко временному, т. е. житейскому; другой къ вѣчному, или неопредѣленному.

Не должно утверждать, что безконечное и вѣчное непостижимы; напрошивъ конечное и временное чаще можно почестъ мечпаніемъ : ибо мысль не можетъ определить несуществованія, потому что бытіе прошивуръчитъ ничтожеству. Даже не лзя углубляться въ точныя науки, не воспрѣшивъ въ нихъ безконечнаго и вѣчнаго, коимъ самыя положительныя вещи, по нѣкопорымъ отношеніямъ, принадлежатъ сколько же, сколь чувство и воображеніе.

Изъ сего приравненія чувствованія безконечнаго къ изящнымъ искусствамъ долженъ произойти идеаль, п. е. *изящное*, принимаемое не какъ соединеніе и подражаніе тому, что есть лучшаго въ природѣ, но какъ осуществленный образъ того, что представляется въ нашей душѣ. Философы материалисты судятъ о изящномъ по пріямному впечатлѣнію, и полагають его въ области ощущеній; Философы спиритуалисты, относящіе все къ уму, видятъ въ изящномъ совершенное, и находятъ въ немъ нѣкоторое сходство съ полезнымъ и прекраснымъ, которые суть первая степень совершенства. Кантъ опровергнулъ оба сіи изъясненія.

Если изящнымъ почипаетъ можно пріямное, то оно заключится въ сферѣ ощущеній, и слѣдственно будетъ зависѣть отъ различія вкусовъ, а не отъ всеобщаго одобренія, которое принадлежитъ истинной красотѣ. Но если изящное совершенно; мнѣніе о немъ должно быть равно тому уваженію, какое внушается самымъ уваженіемъ: ибо воспорть, произведенный изящнымъ не относится ни къ ощущеніямъ, ни къ сужденію: онъ есть врожденное распо-

ложеніе подобно чувствованію долга и необходимымъ понятіямъ разумнія. Мы познаемъ красоту, когда видимъ ее, потому что она есть наружный образъ идеала, котораго начертаніе впечатлѣно въ нашемъ умѣ. Различіе вкусовъ можетъ принаровляться къ тому, что пріятно: ибо ощущенія суть источникъ сего рода удовольствія; но люди должны удивляться изящному или въ искусствахъ, или въ природѣ, потому что въ душѣ ихъ находятся чувствованія небснаго начала, которое красота пробуждаетъ и которымъ заставляеть ихъ наслаждаться.

Опъ теоріи изящнаго переходитъ Кантъ къ высокому, и сія вторая часть его *критики разсудка* замѣчательнѣе первой: онъ почиаетъ высокимъ нравственную свободу, по мѣрѣ борьбы съ природою или судьбою. Безпредѣльное могущество насъ устрашаетъ, величіе опягчаетъ, однако силою воли мы преодолеваемъ чувствованіе нашей естественной слабости. Власть судьбы и неизмѣримость природы находятся въ безконечной прошивуположности съ жалкою зависимостію земнаго творенія; но искра священнаго огня въ груди нашей

шоржеспвуетъ надъ вселенною : ибо достаточно сей искры , чшобы прошивуспоить тому , чшо силы міра могли бы опъ насъ претовашъ.

Первое дѣйствіе высокаго состоить въ томъ , чшобы обременить челоуѣка , а второе , чшобы возвышатъ его . Когда мы созерцаемъ бурю , воздымающую валы морскіе и , кажется , угрожающую землѣ и небсамъ ; то при семъ зрѣлищѣ ужась обладаешъ нами , хощя бы не предспояло намъ никакой личной опасности ; но когда облака сгромоздятся , когда вся природа является въ ожесточеніи , тогда челоуѣкъ чувспвуетъ внушреннюю силу , которая волю , или преданіемъ себя во власпъ божеспва , употребленіемъ или опшверженіемъ нравспвенной свободы можетъ освободить его опъ всякаго страха ; а познаніе самаго себя одушевляешъ и одобряешъ его .

Когда повѣспвуютъ намъ о великодушномъ дѣйствіи , когда рассказываютъ , чшо люди подвергались неслыханнымъ мученіямъ за упорство въ мнѣніи своемъ даже до малѣйшихъ его опшѣнковъ ; то изображение наказаній , ими претерпѣнныхъ , сначала

смущаешь наши мысли; но постепенно мы ободряемся, и сочувствіе наше съ величіемъ души заспавляетъ насъ думать, что мы также умѣли бы воспоржеспвовать надъ слабыми ощущеніями сей жизни и до послѣдней минушы пребышь истинными, благородными, гордыми.

Наконецъ никто не въ состояніи опредѣлишь того, что находишь, такъ сказать, превыше нашего бытія. *Въ отношеніи къ намъ самимъ мы только возвышены, то и понять себя не можемъ*, сказалъ Св. Августинъ. Сколь бѣдно было бы воображеніе того, кто думалъ бы испоцитъ размышленіе, при разсмашириваніи самага проспнаго цвѣта; и такъ какимъ образомъ доспигнуть до познанія всего, что заключаетъ идею высокаго?

Для соглашенія опытной философіи съ идеальною, Кантъ не подчинилъ одну другой; но каждой изъ нихъ отдѣльно умѣлъ дать первую силу. Германія успрашилась сего сухаго ученія, которое всякій энтузіазмъ почиаетъ заблужденіемъ, и всѣ чувспвованія, услаждающія бытіе, помѣспило въ числѣ предразсудковъ. Люди, вмѣспилъ

Философы и Поемы, споль способные учинься и парить, съ живымъ удовольствіемъ видѣли сколь почно опвлечеными разсужденіями защищались прекрасныя склонности души. Сила ума не можеть долго бытъ отрицательною, п. е. главнѣйше соспоятъ въ помъ, чему не вѣрять, чего не понимають и къ чему чувспвуютъ опвращеніе. Для насъ необходима философія вѣры, — философія, которая подшверждаетъ разумомъ то, что возвышаетъ наше чувспво.

Противники Канта обвиняли его въ помъ, что онъ повпорялъ только доводы древнихъ идеалистовъ: они упшверждали, что ученіе Нѣмецкаго философа было не что иное, какъ древняя система, изложенная новымъ языкомъ. Упрекъ сей неоснователенъ. Ученіе Канта опличается не только новыми идеями, но и особеннымъ свойспвомъ.

Оно опзывается философіею XVIII сполѣтія, хотя и опредѣлено для ея опроверженія: человекъ свойспвенно плашитъ дань духу своего времени даже тогда, ко-

гда онъ хочеть воспавать прошивъ него. Философія Плапона имѣеть болѣе Канповой піипическаго, а философія Малекбранша имѣеть болѣе набожнаго; но Нѣмецкій философъ оказалъ великую услугу возвышеніемъ нравственнаго достоинства, положивъ ему въ основаніе, сверхъ всего, что есть изящнаго въ сердцѣ, теорію, ушвержденную на сильныхъ доказапельствахъ. Пропивуположность, которую хотѣли поставитъ между разумомъ и чувствомъ, ведеть необходимо разумъ къ егоизму, а чувство къ нелѣпости; но Кантъ, призванный, кажепся, совершитъ великія умственные соединенія, собралъ всѣ способости въ душѣ, въ которой они согласуются между собою.

Спорныя творенія Канта, въ которыхъ онъ вооружается прошивъ философіи материалистовъ, превосходны и совершенны. Сія философія глубоко пуспила корни въ умъ нашемъ и произвела сполько безвѣрія и егоизма, что должно почипать благодарностями даже тѣхъ, которые ничего болѣе не сдѣлали, какъ воспавали прошивъ сей системы и возобновили мысли Плапона, Декарта и Лейбница; но философія цоцой

Нѣмецкой школы имѣеть много собствен-
ныхъ идей; она основана на обширнѣйшихъ
познаніяхъ, ежедневно возрастающихъ, и
на способѣ умствования чрезвычайно оп-
влеченномъ и логическомъ. Хотя Кантъ
порицаетъ употребленіе сихъ умствованій
въ изслѣдованіи истинъ, выходящихъ за
предѣлы опыта; однако въ его твореніяхъ
видна сила метафизики, которая поста-
вила его на первую степень мыслителей.

Нельзя опровергать, чтобы слогъ Канта,
въ его *Критикѣ чистаго разума*, не заслу-
живалъ почти всѣхъ упрековъ, сдѣланныхъ
его противниками. Онъ употребилъ пер-
минологию весьма трудную для понятія, и
ввелъ новыя слова, самыя тяжелыя. Онъ
жилъ одинъ съ своими мыслями и вообра-
жалъ, что для новыхъ идей нужны и слова
новыя, хотя бы ихъ и для всего было до-
статочно.

Кантъ, въ изысканіи яснѣйшихъ пред-
метовъ, часто приводитъ къ самой темной
Метафизикѣ, а посреди мрака мыслей при-
носитъ блистательный свѣщильникъ. Онъ
напоминаетъ симъ о народѣ Израильскомъ,

копорому были пупеводипелями ночью сполбъ огненный, а днемъ облачный.

Во Франціи никто не спалъ бы чипашъ пвореній, изобильныхъ прудноспями, подобно Каншовымъ; но онъ писалъ для чипашелей перпѣливыхъ и поспоянныхъ. Безъ сомнѣнія ешо не даетъ еще права упопрелять во зло расположеіе другихъ; но можетъ бышь Канпъ не споль глубоко проникнулъ бы въ познаніе челоувѣческаго разумѣнія, если бы полагалъ бѳльшую важность въ выраженіяхъ, приняпыхъ имъ для изьясненія. Древніе философы раздѣляли ученіе свое на двѣ части; одну сохраняли они для *избранныхъ*, а другую преподавали всенародно. Канпъ писалъ теорію свою со всемъ различно съ обьясненіями его на сію теорію.

Въ метафизическихъ его сочиненіяхъ онъ беретъ слова за цыфры, и назначаешъ имъ произвольную цѣну, не занимаясь всѣми приняшою. Но я считаю сіе великою погрѣшностію: ибо вниманіе чипашеля, успрямленное для поняпія языка, испощается прежде, нежели достигнетъ до

идей, и неизвѣстное никогда не служило нупемъ, ведущимъ къ извѣстному.

По крайнѣй мѣрѣ, Канпу, когда онъ оставляетъ свой глубокоученый языкъ, какъ писателю, должно отдать справедливостъ, имъ заслуженную. Говоря о искусствахъ, особенно о нравственности, слогъ его, почти всегда, совершенно ясенъ, силенъ и простъ. Тогда сколь удивительнымъ кажется его учение! Какъ выражаетъ онъ чувство изящнаго и повиновение долгу! Съ какою силою онъ отдѣляетъ отъ нихъ всѣ расчеты своекорыстія и личной выгоды! Какъ облагораживаетъ дѣйствія, оцѣняя ихъ по происхожденію, а не по успѣхамъ. Какого нравственнаго величія не приписываетъ онъ чловѣку, когда разсмаприваетъ его самаго, или наблюдаетъ внѣшнія его отношенія; чловѣку, сему изгнаннику неба, плѣннику земли, споль великому, какъ изгнаннику, споль ничтожному, какъ плѣннику!

Изъ швореній Канпа можно извлечь множество блистательныхъ идей о всѣхъ предметахъ, и даже, можетъ быть нынѣ шолько одно сіе учение содержишь въ себѣ.

черты новыя и замысловатыя : ибо материалисты во всѣхъ вещахъ не представляють болѣе ничего занимательнаго и оригинальнаго. Колкія насмѣшки надъ важнымъ, благороднымъ и божественнымъ обвѣщали. — Не возвратился уже юность человеческого рода прежде, нежели философія не возвратитъ его къ религіи, а разумъ къ чувству (*).

А. Боровковъ.

(*) Изъ сочин. Спаль-Големейнъ о Германіи.

XIX.

СЛѢДСТВІЯ САТИРИЧЕСКОЙ СТАТЬИ.

(Отрывокъ изъ Романа).

(Нужнымъ почитаю здѣсь помѣстить нѣсколько словъ изъ Предисловія къ Роману, который скоро весь представится на судъ публики и изъ котораго взять сей отрывокъ: „До сихъ поръ я сколько былъ несчастливъ, что во всѣхъ моихъ Сатирическихъ сочиненіяхъ, разсѣянныхъ по Журналамъ, люди злонамѣренные хотѣли находить отношенія къ лицамъ, въ самомъ дѣлѣ существующимъ и многія изъ моихъ отрывковъ, давно уже достойныхъ совершеннаго забвенія, не переспаютъ нѣкопорымъ образомъ вредить мнѣ. Впрочемъ такова была участь почти всѣхъ Сатириковъ и дурныхъ и хорошихъ: самолюбивое слабоуміе опъ начала

вѣковъ не перпѣло зеркала истины и если не могло разбишь самага зеркала, по по крайней мѣрѣ спаралося оскорбляшь пѣхъ, кошорые имъ вооружалися. — Привычка моя почти подъ всѣми моими сочиненіями подписываешь имя, кажется, должна была бы избавишь меня опъ подобныхъ толковъ, неимѣющихъ никакого основанія; но со всѣмъ пѣмъ считаю необходимымъ порже-спвенно объявишь, что какъ въ семь сочи-неніи, пакъ и въ другихъ, не имѣль и не имѣю ничего другаго въ виду, кромѣ обы-кновенныхъ матеріаловъ Сапирика — спра-спей и пороковъ, общихъ всему человѣче-спву.“)

*Humani generis mater, natrixque profecto
Stultitia est . . . .*

. . . . Такимъ образомъ все благопріят-спствовало Графу Двинскому: бракъ Лизы съ Мушкинымъ опложенъ на при недѣли; Лиза согласилася избавишья опъ деспотической власпи Книгини Рядиловой и въ обяпіяхъ Ипполита забышь свѣпскія толки о ея не-благодарности, о побѣгѣ и замужспвѣ про-

пивъ воли своей благодѣшельницы (*). Но доставало Двинскому одного шолько, одного, что своею брэнноснію часто оспанавливаетъ величайшіе замыслы геніевъ—денегъ: безъ нихъ не лзя было и думатьъ объ увозѣ прекрасной Лизы : надлежало подкупать нянекъ , мамушекъ , горничныхъ , лакеевъ е кучеровъ , весь ешопъ народъ , кошорый подобно прочимъ людямъ , преданъ душою до шѣхъ поръ шолько , пока слышишь звонъ въ кошелькѣ. Правда , карманная книжка Графа не спрадала чахопкою , но—имѣла другую болѣзнь , увы ! не менѣе опасную — *водяную* , п. е. наполнена векселями , по кошорымъ шрудно было ожидать уплаты. Одна надежда Графа оставалась на пешку , кошорая шакъ хорошо была расположена къ нему и еша надежда казалась ему необманчивою. — Но что вѣрно въ сей жизни ! — Случай , кошорый я теперь разскажать намѣренъ чуть было со всѣмъ не распроилъ предпріятій Двинскаго :

(*) Лиза — въ кошорую влюбленъ Графъ , воспитывается въ домѣ Княгини , кошорая по неволѣ хочеть ее отдать за Мушкина , человекъ безъ ума и воспитанія.

Занимаясь приготовлениями къ своей женидѣбѣ, Ипполитъ не оспавлялъ и Литературныхъ занятій.

Я забылъ сказать, что онъ уже нѣсколько былъ извѣстенъ въ ученномъ свѣтѣ: нѣкоторыя его опыты, были счастливо приняты публикою — и обруганы Журналистами, другіе были расхвалены въ Журналахъ — и оспалися на верхнихъ полкахъ книгопродавцевъ. Журналисты сердились на Публику, Публика на Журналистовъ, — книгопродавцы на Автора, Журналистовъ и Публику вмѣстѣ, — а Ипполитъ — ни на кого; мало нуждаяся въ брани или похвалѣ Журнальной, какъ равно и чипающей черни — онъ смѣялся надъ шѣмъ и другимъ; писалъ — потому что писалось и едва ли изъ всѣхъ судей-самозванцевъ — не былъ лучшимъ цѣнителемъ своихъ произведеній.

Между шѣмъ пакія занятія доставили ему въ М** новыхъ знакомцевъ, новыя связи. Живучи въ семь городѣ, онъ невольно замѣтилъ, что всѣ М * * скія общества можно раздѣлить на три класса, различныя ме-

жду собою — почти до невѣроянности: 1-й классъ состоишь изъ пѣхъ, кои осмѣлись покинуть *цнныіе* и *сладострастіе*, разогнашь густыя *туланы*, забышь о *лунѣ* и занимаешься своимъ совершенствованіемъ, въ полномъ смыслѣ ешаго слова (само собою разумѣется, что ешотъ классъ самый маленькій); 2-й, изъ пѣхъ, которые глазъ не сводяшь съ *туланный дали*, читали Парни и Мильвуа — и почитаюшь ихъ величайшими Поешами, — не читали Башпе — и называюшь его величайшимъ философомъ; къ сему же классу принадлежишь довольно многочисленная дружина переводчиковъ, которые благоговѣюшь передъ каждымъ листкомъ, напечатаннымъ Французскими буквами, ахаюшь, увидѣвши *les Contes à ma fille, à mon fils, à ma soeur, à ma tante, à mon oncle, à mon neveu* и проч. и проч., при появленіи же какого нибудь бульварнаго Французскаго Водевиля, дюжинами хватаюшься за него — и съ благоговѣніемъ переводяшь; хопя про сихъ вишязей и говорилъ Ипполишь, что они величественны какъ парящія вороны, легкокрылы какъ моль и сполько же полезны, но признавался, что ешотъ классъ — все таки красное солнышко предъ шрепшимъ и къ

Мнемозина. Часть III. 9

несчастію многочисленнѣйшимъ : соспавляюціе оный, покинувъ проспону прежнихъ нравовъ и не достигнувши Европейской образованности, остановились на какой-то безобразной срединѣ : ѣздятъ повсюду ; повсюду скучны себѣ и скучны другимъ ; епи люди до сихъ поръ не подозрѣвають , что есть на Руси Императоры , спрашиваютъ кто сочинялъ Руслана и Людмилу и читають — Дамскій Журналь (*).

Сей послѣдній классъ прежде всего извѣстнѣе былъ Ипполиту , но когда онъ познакомился ближе съ двумя первыми , то разнообразіе оныхъ доставило ему необыкновенное удовольствіе , хопя увы ! не негорькое.

Но хорошо если бы , оставивши свѣпъ , Ипполитъ оставилъ и свой швердый , правдивый характеръ , копорый навлекъ на него хлопотливую злобу благородной черни и съ копорымъ вездѣ худо !

Привыкши независимо обнаруживать свои мнѣнія , Ипполитъ съ негодованіемъ

(*) Франкфуртскій.

смопрѣль, какъ многіе припадали предъ модными писателями — и выше ихъ едва ли и самихъ себя спавили. Всякое незначущее выраженіе, всякая ошибка человѣка съ талантомъ — имъ казались прелестію; они брали ее за образецъ и распроспраняли въ **Періодическихъ Изданіяхъ** свою бездушность и безвкусіе. Такое раболѣпство надоѣло Ипполиту; онъ собрался съ духомъ и въ одномъ изъ **Періодическихъ Изданій** напечаталъ статью, въ которой высказавъ свое безпристрастное мнѣніе о разныхъ Писателяхъ, порядочно посмѣялся надъ слѣпыми ихъ подражателями.

Видали ли вы, какія хлопоты производишь въ муравейникѣ — небрежный полчокъ ноги безпечнаго пѣшеходца: онъ прошелъ уже далеко и едва замѣтилъ скопище пресмыкающихся насѣкомыхъ, а они между пѣмъ выходятъ изъ себя опъ гнѣва, — выпускають маленькія жалъца, собирають свои былинки, — и кажется молкуютъ, что пѣшеходець не иначе, какъ изъ зависти нарушилъ незамѣнные пруды ихъ. — Такое точно дѣйствіе произвела статья Ипполитова надъ счастливою посредственностію: развозились липературные насѣ-

комые; каждое изъ нихъ почло себя обиженнымъ въ лицѣ людей съ талантомъ, о коихорыхъ Ипполинъ говорилъ съ почтеніемъ, но и безприсраспно. Одно изъ нихъ, чрезмѣрно полское и безобразное наминало, что не разъ подчивало Ипполина своимъ обѣдомъ; другое — что не разъ хвалило его въ общесивахъ и въ Журналахъ; шрешіе — что даже читало свои произведенія Ипполину; — градомъ сыпались на него добрыя Епиграммы.

Узнавши объ епомъ жузжаньи, Ипполину любопытнымъ показалось узнать, какое дѣйствіе произведетъ онъ надъ своими смѣшными противниками, вспрѣшившись съ ними въ общесивѣ.

Для сего онъ избралъ вечеръ, когда въ домъ одного М**скаго Мецената, собирались всѣ Литературные Переписчики, величашъ другъ друга названіемъ Писателей.

Къ несчастію, въ епомъ вечеръ, хозяинъ —, замѣчательный шѣмъ, что въ немъ толщина спорила съ непомѣрною вышиною и кажется, не безъ успѣха, — приготовился прочесть своимъ приятелямъ переводъ, надъ коиморымъ онъ нѣсколько мѣсяцевъ

шрудился — переводъ двухъ водяныхъ писемъ Севинье (*) — и одного плаксиваго Графиньи (**).

Какъ сіе засѣданіе было приватное, поему надлежало происходить въ кабинетѣ; шупъ уже все было приготоовлено для Липерапурнаго маскарада : шкафчикъ съ книгами какъ бы ненарочно распворенъ ; изъ него выглядывали сочиненія Жанлисъ, Дюкре-Дюминилля и неисчислимое множесство Notices, Remarques, Apperçues, Resumés, Quelques mots и другихъ книгъ въ родѣ : Philosophie , enseignée en deux leçons и l'Art de penser réduit à trois mots и проч. и проч.; на большемъ письменномъ столѣ, между дюжинами спклянокъ, банокъ, зрительныхъ шрубокъ, лорнетовъ, щепокъ, щепочекъ и другихъ бездѣлушекъ, коими обыкновенно цокрываются дамскіе столики, смиренно

(*) Многіе до сихъ поръ восхищаются письмами Г-жи Севинье, хотя оболочка слога, копораго красота понятна однимъ Французамъ едва ли выкунаешъ пустоту ихъ содержанія. *Сот.*

(**) Г-жа Графиньи написала много сочиненій; замѣчательнѣйшее изъ нихъ: *Aza ou les lettres d'une Peruvienne.* — Трудно подѣ такимъ множесствомъ словъ скрыть такъ мало мыслей.

лежали щесть или семь крошешныхъ помиковъ нѣкопорыхъ Французскихъ Писателей, коихъ достоинство не превосходило величины формата; возлѣ нихъ бронзовой Амуръ — одною рукою держалъ едва примѣтную чернильницу и колчанъ съ вороньими, шонко очиненными перушками, а другою слѣдующую надпись:

Que leurs tendres écrits, par les Grâces
dictés
Ne quittent point vos mains, jour et nuit
feuilletés....

пущь же кспаци находились часы, измѣрившія время, посвящаемое дѣятельному бездѣйствію; нѣсколько ближе къ поршфейлю, гдѣ скрывались шворенія самага хозяина, было раскидано въ искусственномъ безпорядкѣ богатое издание Лагарпа, съ премножествомъ опмѣтокъ, будпо бы показывавшихъ необыкновенное вниманіе читателя, — ибо Мусоринъ (*) между нами будь сказано былъ — *Классикъ* (**).

(*) Имя хозяина.

(**) Само собою разумѣется, что здѣсь подѣ словомъ *Классикъ* я понимаю не тѣхъ людей, копорые погружаясь въ глубокія изслѣдованія, спремятся привести къ одному началу всѣявленія въ области духа человеческого, но тѣхъ

Далѣ возлѣ Вольперовскихъ кресель споялъ споликъ покрышый краснымъ ковромъ: съ сахарною водою для смягченія грубыхъ нелѣпостей Орапора и Шампанскимъ— для вспоможенія похвалямъ, долженспвовавшимъ выходить изъ успѣ слушателей.— Между сими припасами споль необходимыми для Липерапурнаго Общества находилося рукописное собраніе шрудовъ, хозяина на прекрасной бумагѣ, съ величайшимъ шщаніемъ переписанное и переплешенное въ сафьянной переплешъ съ золопыми заспежками. — Тупшъ же спояли двѣ восковыя свѣчи въ бронзовыхъ подсвѣшникахъ съ зоншиками.

Уже начали собиращься; каждый изъ Переписчиковъ - Липерапуровъ говорилъ комплементъ своему поваришцу и въ слѣдъ за шѣмъ какъ бы невольню срывалось у него съ языка имя Двинскаго; правда они говорили о немъ какъ о человекѣ, не имѣющемъ вкуса, желающемъ опличиться спранностію, чеспили даже его названіемъ

которые думаютъ, что далѣ Ешенбурга и Лагарпа шагу спунить не лъзя. Послѣдняго рода Классики стояшгъ нашихъ Самозванцевъ-Романшиковъ. *Соз.*

сумасшедшаго и подпверждали свое мнѣніе значипельною самодовольною улыбкою; но видно было повсему, что Двинскій задѣлъ ихъ за живое — и что они его, какъ огня боялись.

Въ числѣ приглашенныхъ слушателей находился и Видефъеръ, попъ Французскій Профессоръ, копорый въ домѣ шепки Двинскаго игралъ столь важную ролю. — Надобно знашь, что онъ за дорогую цѣну чипалъ привашныя лекціи Французской Словесности; умѣлъ нравиться дамамъ; бышь поварещемъ молодыхъ людей въ ихъ шалоспяхъ; умѣлъ поддѣлывашься къ знапнымъ, копорыхъ увѣрялъ, что знаешъ Русскій языкъ лучше многихъ Русскихъ Липерапоровъ, въ чемъ можешъ бышь не ошибался—и повсему ешому былъ Оракуломъ М**скихъ обществъ. Ничего не можешъ бышь смѣшнѣе и жалче Французовъ нашего вѣка, которые думающъ, что еще не прошло то счасливое время, когда они пользовались Липерапурною славою, столь неправедно ими приобрѣшенною; когда Вольперъ кружилъ всѣмъ головы, а Буало и Лагарпъ почитались верховными самодержавцами Парнасса; впрочемъ они не виноваты въ шомъ: еще многіе поддерживающъ ихъ въ семъ заблужденіи, бошо-

рое тогда только совершенно уничтожился, когда умствование глубоки, освещаемы пламенником истины — воспоржесивуетъ надъ обвешшалами предразсудками.

На лекціяхъ Видефъера не было и помину объ епомъ, тамъ толковали о дѣлахъ гораздо важнѣйшихъ: тамъ съ почтеніемъ внимали слушатели глубокиа разсужденія о причинахъ, почему Буало въ своей наукѣ Стихопворства не упомянулъ о Лафонпенъ; отъ чего Расинъ не имѣлъ счастья нравиться Госпожѣ Севинье; отъ чего Академія не согласилась послушаться Вольтера и писать аі — вмѣсто оі; отъ чего существовала вражда между Аруепомъ и Пирономъ; тамъ еще повпорялись съ воспоргомъ неблагопристойныа шушки любимиць Людовика XIV; тамъ еще изумлялись смѣлости Лабрюйера, дерзнушаго хвалишь живыхъ Академиковъ (*).

(*) Извѣстно, что въ Парижской Академіи до Лабрюйера надлежало вступившему члену произнесши 1-е благодарность за принятіе; 2-е похвалу члену, котораго мѣсто заступаешь; 3-е похвалу Кардиналу Ришелье и Лудовику XIV. Это нечѣное обыкновеніе, которому и Лабрюйеръ долженъ былъ подвергнушьсѣ далю ему мысль — хвалишь живыхъ Академиковъ.

„Не правда ли, это это мысль прекрасней?“ сказала Видефьерь одному из Лицерапоровъ, показывая на висящую въ рукахъ Амура надпись, — „я его рекомендовалъ Господинъ Мусорину!“

— O! charmant! et très à propos! il est amateur de la bonne Litterature! — опивчалъ Русскій Лицерапоръ со всѣми возможными Французскими ужимками.

„C'est celle de nos grands maitres — ne c'est pas? — O! онъ ильтъ къ нимъ большой почитанье! — Я ему рекомендовалъ еще перевести то, что нинге будете слышать — и онъ послушался. Прекраснiя переводъ! самая чистiя Русскiя языкъ! — Я вамъ ручаюсь.“

— O вы въ состоянiи то судить! — — Не слышали ли чего нибудь о Двинскомъ? — прибавилъ невольно Лицерапоръ.

Иной удивился такому скачку отъ одного предмета къ другому; примется опыскивать въ Логикѣ причины отношенiй идей между собою, ихъ взаимнаго возбужденiя — труды напрасныя! — Наши Пар-

нассники — превеликіе маспера на сальпоморшали и поспигнушь связь ихъ идей всего пруднѣе. Читаешь о піишическомъ вѣкѣ Аѳинъ, а шупъ какъ разъ явишся Французъ вѣка Лудовика XIV распудренный, раздушенный; — въ образованную Германію сажаюшь — Гопшеншопа; а древняго Славянина заспавлиюшь орапорспвовашь, какъ Англинскаго Лорда въ Парламентѣ. Говоришь ли объ учебникахъ, о нашихъ правилахъ Словесности — нѣшь, избави Богъ — какой желудокъ сваришь епу olla podrida.

— Двинскій не въ Москвѣ — опвѣчалъ Видефьеръ и еще долго не будетъ.

Многіе изъ Парнасниковъ показали видъ будшо бы не слышали Видефьеровыхъ словъ, но едва могли скрышь свою радосшь; у Мусорина же какъ гора съ плечь свалилась :

„Такъ спало Графъ Двинскій не будетъ къ намъ сего дня,“ сказалъ онъ съ прищворнымъ сожалѣніемъ — „а я полько его и дожидался; пеперь всѣ наши общіе друзья здѣсь; нѣчего мѣшкань — следемте.“

Всѣ чинно усѣлись ; дружелюбно придвинулись къ столу. *Круговая гаши* обошла нѣсколько разъ безпечныхъ спутниковъ жизни, они еще подвинулись и внимательное ухо къ словамъ Мусорина приклонили — — *Inde toto pater . . . .* Тогда разверзлись описанія уста Орапора ; санпименпальныя , кудрявыя фразы уже готовы были испекашь изъ его чудовищнаго пуловища ; уже къ верху поднялся подбородокъ вмѣстѣ съ глазами , ничего не выражающими ; уже вздулися пухлыя щеки... какъ вдругъ опворяешся дверь и входишь—Графъ Двинскій.

Не лзя описать какое смяпеніе произвелъ нечаянный прїездъ его : всякой невольно схватился за шляпу ; Мусоринъ хотѣлъ вспашь и привѣлспвовашь гостя обыкновенною свѣпскою учливостію , но внутреннее волненіе сковало языкъ его ; пѣлесная пятгосшь не позволяла приподняшься ; ноги зачупались между ножками стола ; — Мусоринъ собираетъ всѣ свои силы , кресла шапающся ; онъ теряетъ равновѣсіе и падаетъ , уронивъ столъ со всѣми припасами на Видефъера ; Видефъеръ желая опспоронишься , даетъ сильной шолчокъ своему поварищу — Жур-

напису Вампирову; Вампировъ падаетъ на сосѣда Мушкина, который въ свою очередь роняетъ художаваго Ахалкина и покрываетъ его всею огромностію своего чрева. — Шумъ, крикъ, прескы изломанныхъ мебели, спукъ разбитыхъ бушелокъ и рюмокъ — раздалися по цѣлому дому.

Двинскій пораженный такимъ страннымъ пріемомъ оспанавливается, какъ окаменѣлой. — Между тѣмъ въ углу происходитъ ужасное сраженіе: Гекторъ, Датская собака Мусорина, испуганная всеобщимъ смятеніемъ, по какой-то анспипаши или симпаши — не знаю, бросилась на Вампирова, въ то время какъ онъ опъ полчка Видефьерова и опъ винныхъ паровъ свалился со стула; бросилась, начала шормошить фалды его плашья и упацила корекпурный листокъ Журнала, бывшій въ карманѣ Журналиста; — Вампировъ, успремился на собаку со всею Журнальною яростию, разбилъ свои зеленые очки, но щепно.... въ первой разъ въ жизни онъ сражался съ достойнымъ себя непришелемъ—собака самому Вампирову въ злосши не усшупала и никакъ не хотѣла уступить

своей добычи; — но наконецъ прибѣжавшіе лакеи опбили ее, а Вампировъ съ умиленіемъ спряпалъ въ карманъ обгрызенные ошпашки своего недѣльнаго вздора; Мусоринъ приподнялся, Видефьеръ также — все ушихло, какъ вдругъ изъ-за угла раздался жалобный спонъ — подходящъ и что же? — видящъ несчастнаго Мушкина на чешверенькахъ, при послѣднемъ издыханіи: барахпаясь съ Ахалкинымъ онъ попался въ ущелину между библиотеккой и диваномъ; одурѣвши опъ упавшаго ему на голову сошкапа Лексикона, онъ не могъ пошевелиться. Двинскій первый подаль руку помощи своему несчастному сопернику.

Между шѣмъ все пришло въ порядокъ: Мушкинъ причесаль подкрашенные свои волосы, распрямиль галсшукъ и спаль снова молодець молодцомъ; Видефьеръ расправиль измявшіяся манжеты, опуспиль руки въ карманъ и уже гошовъ былъ по прежнему оппускашь свои выпшверженныя фразы; — Ахалкинъ распустиль банпгъ розоваго платочка больше прежняго; расспавили спулья, сполики . . . . Но увы! какое зрѣлице поразило опшеческія взоры Мусо-

рина! рукописное собраніе его твореній съ такимъ тщаніемъ, сполько лѣшъ собираемое — до половины было созжено упавшею свѣчею во время превоги....

„Боже милосердый!“ — воскликнулъ Мусоринъ не могши удержаться опъ ужаса, перебирая оспашки опъ сгорѣвшей рукописи — „все: и списхи мои къ *Ней* и мадригаль на *вопросъ Деліи*, даже письма Севиньи и Графиньи — все сдѣлалось жерпвою пламени....“

Но Мусоринъ скоро спохватился, что не хорошо такъ явно показывать свою родипельскую нѣжность — спараясь принять видъ хладнокровный, онъ — — попросилъ всѣхъ садиться — лучше онъ ничего не могъ выдумать.

Усѣлись: разговоръ само собою разумѣется обратился прежде всего на случившееся происшествіе, въ продолженіи коего Мусоринъ со вздохомъ, невольнио заговаривалъ о своей потерѣ и умолкалъ, взглядывая на *Двинскаго*.

Разговоръ переходилъ опъ предмета къ предмету: судили, рядили — и между про-

чимъ Ипполитъ замѣнилъ Мусорину, что судьба, испробивши его переводы изъ Севиныи и Графиньи какъ бы хотѣла дань ему знать ешимъ, что съ переводами не далеко уйши можно. Тутъ разговоръ обратился на пользу и вредъ переводовъ. Двинскій доказывалъ, что прошла для Русскихъ пора восхищаться всякимъ бредомъ, печатаемомъ во Франціи и что намъ время кинуть раболѣзное подражаніе и производить самимъ, не справляясь съ Башше и Лагарпомъ.

Видефьеру не понравилась еша мысль: онъ принялся спорить и доказывать превосходство Французской Словесности надъ всѣми прочими; особенно поражала его недовѣрчивость Двинскаго къ правиламъ Французской Литературы — епо превосходило его понятіе; — но тщетно онъ кричалъ, горячился! не могши ничего доказать, онъ постарался, по уѣздъ Двинскаго опмснить ему шуткою: „Еши люди,“ сказалъ онъ по Французски, съ самодовольною улыбкою, „осмѣливающіеся восспавать пропиви правилъ, освященныхъ нашими великими учителями — настоящіе Карбонаріи въ Литературѣ; они и шутъ также вредны какъ въ Политическомъ обществѣ.“

Ета шупка чрезвычайно понравилась Русскимъ Парнасникамъ , которые видѣли въ Видефьерѣ не только Аполлона, но даже самаго Лагарпа и всякое слово его повторяли съ восхищеніемъ. Мудрено ли послѣ того, что на другой же день она разнеслась въ цѣломъ городѣ съ различными прикрасами и имя Двинскаго не иначе спало произносится , какъ съ прибавленіемъ слова : *Карбонарій.*

Двинскій, ничего не зная о происходящемъ, чрезъ нѣсколько дней отправился къ своей шепкѣ , съ швердою увѣренностію что получишь себѣ отъ нее помощь; — его принимають сухо, сожальють о его положеніи и отказываются помогать ему; оскорбленный такою неожиданною переменою, Ипполитъ раскланивается и уѣзжаетъ; когда онъ проходилъ мимо дверей, ему показалось, что шепка его съ досадою вымолвила: *Карбонарій*, — впрочемъ онъ на это не обратилъ вниманія.

„Что за диво“ думаетъ онъ— „чѣмъ заслужилъ я такое обращеніе? — О шепка конечно не въ духѣ — Московская дама!“

Прівзжаешъ въ другой, претій, чет-
пвертый разъ — та же испорія! Куда не
явился, — всѣ бѣгутъ опъ него, какъ опъ
язвы, никто не хочешъ и слушашъ его.

Между шѣмъ время проходило и срокъ,
назначенный Лизою уже оканчивался — на-
добно было спѣшить — но что могъ пред-
приняшъ бѣдный Графъ безъ денегъ, безъ
помощи, безъ друзей. Онъ уже былъ въ
опчаяніи, какъ вдругъ нечаянный случай
вывелъ его изъ сего затруднительнаго по-
ложенія.

Мы сей случай увидимъ въ слѣдующей
главѣ, а окончивая епу, какъ не воскликнушъ:

„О юноши! не пишете Сапирическихъ
спашей и пуще всего не говорите ис-
пины; не выходите изъ шѣснаго круга, въ
которомъ заключила себя посредствен-
ность — иначе Вампировы, Мусорины,
Мушкины, Ахалкины не дадутъ вамъ по-
коя... Правда, не опасны язвы ими наноси-
мая; но что можетъ быть несноснѣе до-
кучливыхъ насѣкомыхъ? — О юноши! не
пишите спашей Сапирическихъ!!“

О д в с к .

То, вдругъ ошановясь, коварно неподвижны...
 То снова грянуть въ бой! — Ударъ ихъ каждый
 взмахъ

И въ каждомъ ихъ ударѣ рана!...

Но пѣни праотцевъ хранили Оссіана :

Ельморъ сраженъ — и съ шумомъ падъ во
 прахъ.

Десницей слабою сжалъ мечъ осиротѣлой ,

Къ опчизнѣ очи обратилъ

И милую призвавъ, съ улыбкою веселой,

Взоръ угасающій закрылъ....

Такъ полная луна плыветъ надъ Океаномъ,

Свинцовые хребты зыбей его злапшъ,

Въ пустынномъ воздухѣ горшъ

И гаснетъ въ вышинѣ за ушреннымъ пуманомъ.

* * *

Вечерній вѣспръ шумшъ въ лиспахъ древесъ

И дымъ съ кѣспра волнами подымаешъ.

Угрюмой ночью полонъ лѣсъ.

Лишь изрѣдка браздой огнь мраки раздираешъ ,

Какъ славныя дѣла нѣмую мглу вѣковъ....

Убишый на щшпѣ, вблизш его убшйца ,

Окрешъ Локлина Царъ и сонмъ его сыновъ.

Пылающъ месшью грозны лица

И взоры мрачныя вѣщающъ Барду казнъ.

Но смѣлый Бардъ въ цѣбшяхъ спокойствшемъ укра-
 шешъ ;

Печаленъ взоръ, но духъ безстрашенъ ;
Унынье въ еердцѣ, не боязнь.

По арфѣ пробѣжалъ могучими перстами ;

Привычный звукъ отвѣтствуетъ перстамъ ;

Пѣснь смертная промчалась по струнамъ

И отзвѣвъ, пробужденъ, отгрянулъ за горами....

„О арфа, пробуди уснувшій гласъ въ струнахъ !

Воспой Ельмора прежни бои !

А вы, отжившіе Герои ,

Внемлите мнѣ, покоясь въ облакахъ !....

Возспалъ Ельморъ, облекся пажбой мѣдью

Возспалъ на смерть своимъ врагамъ ;

Сыны Морвена будутъ снѣдью

Локлина гибельнымъ мечамъ.

Стенали вы, скалы моей отчизны ;

Какъ подъ ладьями ихъ понтъ пѣною кипѣлъ ;

Когда съ побѣдой онъ на вашъ хребетъ взлетѣлъ

И въ немъ слѣды врага втоптали укоризны....

Повсюду вихремъ онъ протекъ ,

Исполнивъ землю браннымъ слухомъ ;

Означилъ смертью грозный бѣгъ....

И ты, Фингалъ, и ты смупился духомъ !....

Морвенцы смертію спасались отъ оковъ ;

Убитыхъ зрѣли ихъ, не зрѣли побѣжденныхъ ;

И не считалъ Ельморъ сразившихся враговъ,

Считалъ враговъ сраженныхъ.

Подвигся местию на него

Полночный исполинъ, могучій мой родитель.

Фингалъ остался побѣдитель....

Но заплашилъ за торжество.

Насытился Локлинъ добычею Морвена,
 Браги — прелестныхъ дѣвъ чрезъ море увлекли
     И холмы вражеской земли
     Опозвались на споны плѣна.“
 Умолкъ... Унылый звукъ по спрунамъ пробѣжалъ,
     Но сладокъ былъ сей звукъ Царю Локлина:
     Плѣненный врагъ опцу воспоминалъ
 Вѣнчаннаго спокрапъ побѣднымъ лавромъ сына,
 Съ опцовскаго чела изгладилась тоска;
 Лишь одинокая слеза въ очахъ дрожала
     И долго — праздная рука
     Забытый мечъ невольно обнажала,
     Казалось, въ душу съ пѣснью сей,
     Вшѣснился рой родныхъ воспоминаній;
 Казалось, въ памяти дряхлѣющей своей
 Онъ оживилъ полны побѣдъ, завоеваній,
 И славу бурную давно-минувшихъ дней,
 Когда онъ самъ гремѣлъ, какъ горніе перуны...
     Но вновь ударъ по смолкнувшимъ спрунамъ—
     И застонали спруны
 И новой пѣснью отвѣтствуютъ перстамъ.
     „Давно ль ты цвѣлъ? Давно ль благоуханьемъ,
     Прелестный цвѣтъъ, долины услаждалъ?
 Тебя лелѣялъ день опеческимъ сіяньемъ
 И вечеръ хладною росю напоялъ.
     Но вѣтръ дохнулъ губительнымъ дыханьемъ
     И ты безвременно увялъ!
 И ты, во цвѣтѣ лѣтъъ кончиной пораженный,
     Ты рано кончилъ быстрый бѣгъ.
 О юноша! Прекрасенъ былъ швой вѣкъ ,

Гремящій, какъ перунъ, какъ молнія—мгновенный!
 Не будетъ жребій царствъ пвой грозный мечъ
 рѣшать;

Твой щипъ не воззоветъ къ Локлинцу звукомъ
 брани;

Твой голосъ, повѣстью пвоихъ завоеваній,
 Не будетъ жадный слухъ родишеля ласкать.

А ты, прекрасная, любившая Ельмора,
 Тебѣ не осушашь плѣнительныхъ очей.

Ты свѣслаго его не встрѣпишь болѣ взора
 И пвой отвыкнешь слухъ отъ сладостныхъ рѣчей.

Не будетъ милый пвой свиданьемъ

Тоску разлуки прогоняшь

И спрашнымъ, медленнымъ, помпительнымъ лоб-
 заньемъ,

Блаженство въ душу проливать.

Вопще, пришедъ на брегъ, прославленный Ель-
 моромъ,

При шумѣ сладостномъ блестящихъ пѣной водъ,
 Звать будешь милаго душой, словами, взоромъ;

Вопще: пвой милый не придетъ!“

И эхо вторило печально: *не придетъ!*

На Царское чело возсѣли мрачны думы:

Всю цѣну познавалъ потеря онъ своей

И слезы медленно капилась изъ очей....

Предъ нимъ, склоняся на лезвія мечей,

Стояпъ его сыны, безмолвны и угрюмы....

Безслезны очи ихъ; въ бунпующихъ сердцахъ

Пылаетъ жажда мщенья

И отражается въ сверкающихъ очахъ.

Казалось, ждутьъ они опъ спарца повелѣнья

Упиться кровію пѣвца

И жизнь его принесть Ельмору въ даръ надгробной;

Ихъ взоры пребуютъ лишь знака опъ опца...

Но скованъ ихъ отецъ печалію безмолвной...,

Какъ громъ ударилъ Бардъ по дремлющимъ спру-
намъ ;

Дубравы звукомъ потряслися ;

Раздался опзвъ по горамъ

И пѣсни вихремъ понеслися :

„Смотри: Ельморъ плывесть на грозныхъ облакахъ!

На немъ доспѣхъ, изъ молній соплешенный ;

Шеломъ, сіаніемъ зарницы оперенный ;

Мечъ радужный блеспитъ въ его рукахъ.

Средь облачныхъ долинъ, еленей поражаетъ

Онъ мепкою, пернапою спрѣлой.

Чась опдыха насталь—онъ мертвыхъ услаждаетъ

Разказами страны родной;

Вѣщаетъ имъ гремяція побѣды,

Набѣги быстрые на Сѣверныхъ моряхъ

И дружнія, веселыя бесѣды

При стукѣ звонкихъ чашъ, при плѣющихъ дубахъ.

Спокоенъ будь, Герой!—Въ наследный даръ Локлину

Свои дѣла ты завѣщаль.

Гласъ Бардовъ освятитъ великаго кончину ;

Предастъ ее вѣкамъ средь плесковъ и похвалъ.

Ихъ пѣснь въ подлунной пронесетъся,

Въ страны далекія, чрезъ темны времена

И сердце храбраго на гласъ ихъ опзоветъся,

Какъ звукомъ радости дрожащая спруна!“

Гремятъ торжественныя струны!....

Локлина Царь забылъ печаль и бремя лѣтъ ;

Онъ мнилъ, что вѣщіе перуны

Опъ сына радостный несли ему привѣтъ ,

Надежду скорого свиданья ,

Надежду сладкую дѣлами жить въ вѣкахъ!....

Сыновъ его помятъ геройскія желанья

И гаснетъ мщеніе въ желѣзныхъ ихъ сердцахъ.

Забыша скорбная упрата!

Одною жаждою волнуется ихъ грудь :

Устать побѣдами, на лаврахъ отдохнуть ,

Иль смертію купить завидный жребій брата.

Не скрылись опъ пѣвца воспорги ихъ сердець ,

Изъ груди плѣнника испоргся вздохъ печальный ;

И съ арфой вновь бесѣдуетъ пѣвецъ —

И тихо пролетѣлъ по арфѣ звукъ прощальный:

„Свершилось! Райній гробъ мнѣ грозно предстоитъ!

Я встрѣчу смерть въ спранѣ опъ родины далекой;

Мой прахъ унылый, одинокой,

Лишь вѣпръ пустынный посѣпитъ.

Гдѣ жъ вы, о смѣлыя надежды жизни юной,

Съ копорыми я шелъ во срѣшенье вѣнцовъ,

Пѣлъ биввы, красоту, на арфѣ звонкострунной

И мнилъ по смерти жить въ преданіяхъ пѣвцовъ?

Не закипятъ во мнѣ воспорги пѣсней ;

Опъ взора милого не вспыхну я душой....

О слава, жизнь, любовь, помедлите со мной:

Въ часъ смерти вы предспали мнѣ прелест-
нѣй!

Не жди на шумный пиръ, не жди къ себѣ, Фингалъ,

Сообщника своимъ бесѣдамъ;

Сотрудника шрудамъ, пѣвца своимъ побѣдамъ;

Тебѣ среди торжествъ всѣ скажущь: сынъ швой
паль!

И радость замолчишь въ душѣ, дополь веселой;

Унынье вкрадется въ нее;

И взглянешь съ думою тяжелой

На мѣсто праздное мое!

И вы, о вѣспники всѣхъ чувствъ моихъ, желаній;

Которымъ повѣрялъ я славу громкихъ дѣлъ,

О струны, пѣвшія великихъ въ полѣ брани,

Простите! Вашъ пѣвецъ спяжалъ другой удѣлъ!

Простите! Оссіанъ въ послѣдній съ вами пѣлъ!«

Умолкъ.... и арфа заснонала;

Казалось, съ пѣснію душа въ нее вошла;

Казалось, мертвая о Бардѣ посковала

И жалость въ юношахъ невольню родила.

Спѣшилъ, рыдая, Царь Локлина

Оковы снятъ съ прощеннаго пѣвца;

И побѣдилъ пѣвецъ мечемъ геройство сына

И арфой мщеніе опца.

Писаревъ.

XXI.

С В И Д А Н І Е.

*Е л е г і я.**Di meliora ferant!*

TIBULLUS.

Не щещно возсылалъ моленья къ небесамъ,
 Не щещно преклонялъ колѣна передъ вами:
 Вамъ былъ угоденъ мой, о боги, еиміамъ —
 И вы распроганы молодой любви слезами!
 И Церберъ милоспивъ и Аргусъ усыпленъ,
 Брапа ревнивыя безмолвно отворились:
 О Хлоя, о мой другъ, прерви свой легкій сонъ,
 Разсѣй мечтанія — онѣ осуществились!
 Пусшь угнѣшенную печалью скрышой грудь,
 Утѣшишь сладкое блаженства шрепетанье!
 Страшись и мыслию Зевеса упрекнуть:
 Онъ къ облегченію разлуки далъ свиданье!
 Ни вздоха прежнему, ни слова о слезахъ,
 Въ безмолвіи ночей опчаяньемъ внушенныхъ!
 Любви возвышенной чего искашь въ словахъ?

И звуки ли языкъ на холмахъ возвышенныхъ , *
 Гдѣ Громовержець Дій изъ урны роковой
 Любовь, какъ даръ небесъ на землю посылаетъ?
 Любви поняшенъ вздохъ, поняшенъ взоръ простой
 И мысль души швоей — моя душа чипаетъ.
 Дай руку съ ласкою привѣпливой своей:
 Печаль швою давно измѣрилъ я спраданьемъ,
 И гаснулъ рано свѣшъ моихъ весеннихъ дней;
 Но оживлялся вновь о милой вспоминанемъ.
 И, можно ли груспить, о свѣшъ моихъ очей! —
 Любовь невинную въ глазахъ швоихъ чипая,
 Въ глазахъ задумчивыхъ... но ясностью своей
 Столь чистыхъ, какъ небесъ прозрачность голу-
 бая?

Но Хлоя! ошъ чего моя шрепещетъ грудь
 И на челѣ швоемъ боязнь изобразилась?
 Гдѣжь счастье любви? ея печалень пущъ,
 Когда земли она законамъ покорилась! —
 Я слышу... Хроноса погибельный полешъ
 Разлуку скорбную намъ снова возвѣщаетъ:
 И спонешъ горлица и соловей поешъ,
 И ранній вѣтерокъ съ листочками играетъ:
 Рѣдешъ неба мракъ; и свѣжеспъ и краса
 Дружащя радостно съ природой пробужденной;
 Но мы разлучены... и горькая слеза
 Привѣтшпвуешъ тебя, о Геліосъ священной! —

— й —

XXII.

РАЗГОВОРЪ СЪ О. В. БУЛГАРИНЫМЪ.

Sine ira et studio.

Не знаю, кто первый у насъ началъ облакать Полемику въ оспроумную одежду разговоровъ: Марлинскій ли, жипель ли Васильевскаго оспрова, другъ ли его жипель Пепербургской спороны, Лужницкій ли Спарецъ или другой, подобный имъ великій писатель, дѣлающій честь нашему вѣку; но только не О. В. Булгаринъ. Впрочемъ издатель Сѣвернаго Архива и Липштературныхъ листковъ неоднократно весьма удачно пользовался симъ важнымъ опкрышіемъ: разговоры Господина Булгарина съ Ванюшею, испыпанія, копорымъ онъ подвергаетъ сего любезнаго опрока и проч. и проч. остались и долго останутся

въ памяти всѣхъ просвѣщенныхъ любителей Россійской Словесности. — Сравнись съ нимъ не надѣюсь, не смотря на излишнюю самонадѣянность, въ которой обвиняешь меня Господинъ Булгаринъ; повторяю (у насъ любятъ повпоренія!) — сравнись съ нимъ не надѣюсь, хотя почтенный издапель Липпературныхъ листковъ и чистосердечно признается, что онъ съ удовольствіемъ бы подписалъ свое имя подъ каждою изъ шрехъ Аншикрипикъ, помѣщенныхъ нами въ концѣ второй части Мнемозины. — Рѣшаясь подражать Г. Булгарину и его предшественникамъ, т. е. вступишь съ нимъ самимъ въ небольшой дружескій, Полемическій разговоръ, опъ всей души жалью, что не могу оплачить ему за упомянутое чистосердечное его признаніе равносильнымъ и столь же чистосерднымъ: съ моею излишнею самонадѣянностію (спранное прошивурѣчіе!) сопряжена робость, иногда неодолимая; я бы боялся подписать свое имя подъ большою часшію спашей Господина Булгарина! — Но дѣло не о томъ: мы начнемъ свою бесѣду. — Оадея Венедикповича только попрошу повторить то, что онъ уже напечаталъ касательно второй части, издаваемой Кня-

земь Одоевскимъ и мною Мнемозины; самъ я осмѣлюсь, сколько умью опвѣчать на его возраженія.

Б. Начнемъ съ вашей спашьи: о направленіи нашей Поэзіи, особенно Лирической въ послѣднее десятилѣтіе. — Ваше пребываніе, чшобы всѣ наши Поэты сдѣлались Лириками и воспѣвали славу народную походишь на желаніе Месмера намагнетизировать солнце, чшобы въ лучахъ онаго разлишь магнетизмъ по цѣлой вселенной.

Я. Сравненіе чрезвычайно умное и острое — но *comparaison n'est pas raison*, Ѡадей Венедиктовичъ! Гдѣ и когда пребывалъ я, чшобы всѣ наши Поэты превратились въ Лириковъ? — Не въ добрый часъ вы на меня клеппете: знаю на Руси сошни двѣ, — если не при — Поэтовъ; — всѣ они великіе писатели (по крайней мѣрѣ, въ своемъ кругу); всѣ они дѣлають честь нашему вѣку (по крайней мѣрѣ, сами въ помъ швердо увѣрены): Ѡадей Венедиктовичъ, чшо если всѣ, всѣ они вздумаютъ бытъ Пиндарами? — Куда прикажете дѣпшья?

Я только съшую, что Элегія и Посланіе совершенно согнали съ Русскаго Парнасса Оду; въ Одѣ признаю высшій родъ Поэзіи, нежели въ Элегіи и Посланіи и доказываю свое мнѣніе, а не *толкую*, какъ по вамъ угодно было сказать на 74 стр. 15 No Литтератур. листковъ. — И такъ поспавляю себѣ обязанностію вамъ объявить, что мнѣ никогда въ голову не приходило предпочесть Эпической или Драматической Поэзіи, — ни Оду, ни вообще Поэзію Лирическую, къ которой, впрочемъ — скажу мимоходомъ (ибо сіе извѣстіе, кажется, не дошло еще до вашего свѣдѣнія) принадлежитъ и Элегія, принадлежитъ иногда даже Посланіе. Благоговѣю передъ Англійскою Словесностію, вовсе не богатою Одами. Знаю также, что Генію все возможно, Элегія Гётева: *Euphrosyne*, исполнена высокихъ Лирическихъ красотъ и мѣстами спановившая истинною Одою. — Въ замѣну иногда Оды никакъ не различить опъ самаго хладнокровнаго, презваго Посланія: но для того, бытъ можешъ, нужно, чтобъ она была переведена съ Гораціева подлинника Господиномъ Бороздною (*).

(*) См. 15 No Литтератур. листковъ стр. 72.

Б. Къ спашаи о презвухъ Одахъ! —
Вы Горація назвали прозаическимъ стихо-
творителемъ!

Я. Горацію — прошивуположилъ я Пин-
дара, о которомъ самъ Горацій говоритъ:

„Кто покусится бороться съ Пинда-
ромъ, Юлій, дерзаетъ горѣ на восковыхъ
крыліяхъ помощію Дедала! онъ достоинъ
наречь своимъ именемъ стекляное море! —
Сбѣгая съ горы, подобно попоку, которій
превыше извѣстныхъ береговъ пашаеся
дождями, огромный Пиндаръ кипитъ и
изливаеся въ вѣщаніяхъ высокихъ!“ (*)

Впрочемъ соглашаюсь съ вами, что мой
приговоръ Горацію, *если не подтвержу его
доказательствами*, чрезвычайно опромет-
чивъ, — скажу болѣе — смѣшонъ и безраз-
суденъ; ибо *безъ сильныхъ доказательствъ*
смѣшно и безразсудно восхвалять прошиву
славы писателя, освященнаго вѣковымъ

(*) Pindarum quisquis studet aemulari,
Iule, ceratis ope Daedalea
Nititur pennis, vitreo daturus
Nomina ponto.
Monte decurrens velut amnis, imbres
Quem super notas aluere ripas
Fervet, immensusque ruit profundo
Pindarus ore.

уваженіемъ. И такъ, я берусь изъ самыхъ (лучшихъ даже) Одъ Горація вывести причины, убѣждающія меня въ томъ, что онъ почти никогда не былъ Поэтомъ истинно восторженными. — А какъ прикажете назвать стихопворца, когда онъ чуждъ истиннаго вдохновенія?— Но теперь вопросъ: какія Оды Горація лучшія? — Если назову одну, вы въ правѣ назвать другія: ихъ всего 87, не считая 13 Эподовъ и Гимна Аполлону и Діанѣ (объ Саширахъ и Посланияхъ и говоришь нечего!) Нашъ споръ не скоро бы кончился. — Разговаривая съ вами въ самомъ дѣлѣ, я бы васъ попросилъ указать мнѣ на нѣ Оды, которыя вы считаете лучшими и тотчасъ приступилъ бы къ ихъ разбору. — Но разговоръ нашъ только и единственно остроумная выдумка для большаго увеселенія (*) почтенной Публики и выдумка сверхъ того не очень новая. — Слушайте же: не смотря на свою самонадѣянность, числосердечно и всенародно признаюсь, что у меня нѣтъ ни малѣйшей способности къ сочиненію нѣхъ легкихъ, но пріяшныхъ, занимательныхъ

(*) Что если для бѣльшей тоски и скуки? Увы! С.

бездѣлокъ (не извиняюсь въ семь выраженіи, ибо увѣренъ, что и вы ихъ ни чѣмъ инымъ не считаете;) *бездѣлокъ*, въ родѣ тѣхъ, которыми во Франціи, а еще болѣе въ Россіи Жунъ приобрѣлъ извѣстность. — Вашу Эфемериду: *Фасонъ* или *Модная лавка*, читалъ я въ Полярной Звѣздѣ съ непришворнымъ удовольствіемъ. — Сердечно бы я обрадовался всякой подобной вашей спашь: милую Петербургскую госпью наша Мнемозина приняла бы, какъ радужная Москвичка — съ благодарностію. — А я (чѣмъ богашъ, шѣмъ и радъ!) сообщилъ бы вамъ для Литшературныхъ Листковъ или для Сѣвернаго Архива спашью о Горациѣ, при разборѣ Одъ, которыя вы миѣ сами назначите. — Какъ вы объ епомъ думаете?

Б. Вы назвали *Виргилія* — ученикомъ!

Я. Точно такъ; да только чѣмъ? — Гомеровымъ. — Сдѣлайте одолженіе, почтенный *Фадей Венедикповичъ*, не хвалитесь своею дипломатическою точностію (*) при выискахъ изъ Мнемозины, когда въ споль важномъ случаѣ вы умалчиваете объ имени Гомера, чѣмъ ученикомъ; безъ со-

(*) Ею хвалился Г. Булгаринъ, переписывая въ № 5 Литшератур. Листковъ заглавіе Мнемо-

миѣнія, былъ *Виргилій*, хопя онъ и великій человекъ (въ истинномъ значеніи сего слова), хопя онъ *Царь Лапинскихъ стихотворцевъ*.

Б. Шиллера вы назвали незрѣвшимъ.

Я. Шиллеромъ! — и во всей Германской Словесности предпочель ему одного *Гёте!* — все епо между прочимъ показываетъ, что у насъ различное мѣрило величія. — Но Шиллеръ не ежедневное явленіе въ міръ Словесности: живо чувствую, что я *долженъ* изложитъ причины, заспавившія меня его названъ незрѣвшимъ. Возмите же терпѣніе, почтенный *Ө. В.*, выслушайте меня!

Какіе недостатки сопряжены съ Авторскими дарованіями, недостигшими еще зрѣлости? — Вкусъ незрѣлыхъ плодовъ

зины слѣдующимъ образомъ: Мнемозина Собраніе Сочиненій въ стихахъ и прозѣ. Издаваемая *Кн. Вл. Одоевскимъ* и *В. Кюхельбекеромъ*. Не смотря на сіе *Г. Булгаринъ* иногда счастливо замѣняетъ запятыя почками. — Не у Господина ли *Воейкова* перенялъ онъ епо искусство? — Но Господинъ *Воейковъ* по крайней мѣрѣ, не хвалится своею дипломатическою точностію! *Өадей Венедикшовичъ*, къ чему такая *fides руніса?* — Впрочемъ вы не ограничиваетесь одними знаками препинанія! С.

ѣдокъ : Теоріи подобныхъ имъ писателей исполнены рѣзкихъ предразсудковъ и рѣзкой односпорности ; произведенія же изображаютъ, по большой части, ихъ личный образъ мыслей , ихъ собственныя характеры, ихъ собственные, слишкомъ еще пылкія спраси.—По сему-то въ Драмѣ они споль рѣдко могутъ присвоить себѣ лице представляемаго ими героя. — Кислота ихъ винограда еще не послана ни постояннымъ дѣйствіемъ божественнаго солнца , ни кропкою влажностію осеняго воздуха , п. е. ихъ буйное Я еще не побѣждено вліаніемъ вдохновенія, часто возвращающагося и опытностію, уравнивающею душевныя стихіи. Ибо соки плода находятся въ непрерывномъ броженіи до самаго достиженія зрѣлости : а въ незрѣвшемъ писателѣ нѣтъ того спокойствія и равновѣсія силъ и дарованій, которыя споль необходимы совершенному художнику.—Неспѣлые плоды зелены; ихъ изъ дали не различишь отъ листьевъ : незрѣвшій писатель можетъ принести честь своему времени и своему народу; но онъ сливается съ ними , исчезаетъ въ нихъ и съ ними. — Спѣлое только яблоко сіяетъ багрянцемъ изъ среды дерева : зрѣлый только умъ, не-

переспавая бышь ревностнымъ сыномъ Ошечеспва, испиннымъ сыномъ своего вѣка, — возвышается надъ заблужденіями своихъ современниковъ и ближнихъ; онъ Англичанинъ, Нѣмецъ, Русской, но вмѣспѣ гражданинъ всѣхъ временъ, дипя всѣхъ спольшій. — Наконецъ сѣмя зрѣлаго полько плода произроспипъ другое плодоносное дерево; возмужалый полько Геній въ соспояніи преобразипъ свой вѣкъ и спрану свою; онъ шолько родипъ и въ другихъ народахъ, Геніевъ, своихъ учениковъ, но не рабскихъ подражателей.

Возвратимся къ Шиллеру.

Шиллерова Поэтика не безъ предразсудковъ; предубѣжденія его прошиву великихъ Французскихъ Трагиковъ извѣспны, извѣспны, надѣюсь и вамъ, Г. Издапель Сѣвернаго Архива, вамъ, человеку, довольно знакомому съ Нѣмецкою Словесностію.

Драматургъ Шиллеръ въ младшемъ Графѣ Морѣ, въ Дон-Карлосѣ и Маркизѣ де Поза, въ Максѣ, въ лицахъ, которыя изобразилъ съ самою больщею родипельскою (сочинительскою) нѣжноспію (сop amore) предспавляепъ себя, одного себя, полько по чувспвамъ и образу мыслей, бывшимъ его

собственными въ разныхъ эпохахъ его жизни.

Шиллеръ перескакивалъ отъ Поэзіи къ Исторіи, отъ Исторіи къ Поэзіи, отъ Трагедіи Шекспировой къ Дидеротовой Драмѣ и Гоцціевымъ маскамъ, отъ прозы къ стихамъ и наконецъ отъ новѣйшихъ къ древнимъ, — не съ внупреннимъ сознаниемъ собственныхъ силъ—спяжаніемъ мужа, но съ безпокойствомъ юноши. Въ доказательство приведу только его *Тридцатилѣтнюю Войну и Освобожденіе Нидерландовъ*, исполненныя блесковъ, противуположностей, вѣтхости, вовсе не историческихъ; — его *Марію Стюартъ*, которая не есть ни Исторія, ни Трагедія; его *Коварство и Любовь*, гдѣ Шекспиръ и Дидеротъ, ужасъ и проза, ходули и низосишь нерѣдко встрѣчаются на одной и той же сценѣ; риторическія пирады, гдѣ ожидаешь Поэзіи сердца, пирады, которыя иногда попадаются даже въ Валленштейнѣ, въ лучшемъ Шиллеровомъ твореніи; наконецъ его *Мессинскую невѣсту*, въ которой онъ вдругъ Юкаспу Еврипидову, хоръ и роковое предопредѣленіе Грековъ переноситъ въ средніе вѣки, въ лоно Христовой церкви въ Сицилію, покорную Сѣвернымъ

завоевателямъ. — Шиллеръ почти никогда не переспаетъ бытъ Европейцемъ, Нѣмцемъ XVIII столѣтія; а, если гдѣ и подражаетъ древнимъ, — по не у мѣста и не къ спашу: Кассандра (*) ея живая Нѣмка. Въ такъ называемыхъ балладахъ: *Ивиковы Журавли* (**), *Порірка*, *Кольцо Поликратово*, *Торжество* (das Siegesfest), въ переводѣ 2 и 4 пѣсни Энеиды, — онъ заставляешъ Музу древней Эллады и Авзоніи распѣвать Опшавы-римы, Спансы и Куплены на Испанскую спашь, а сверьхъ того, краски Греческой мѣспности и нравовъ Греческихъ разводитъ Сѣвренною водою, многословіемъ и въ первыхъ чепырехъ описаніями, едва ли не Делилевскими. Въ *Колоколѣ* (die Glocke, пвореніи, — скажемъ мимоходомъ — изобилующемъ преосходными спихами; но рожденномъ не вдохновеніемъ, а подобно мозаикѣ, по прозаическому предначертанію слѣпленномъ изъ часпей совершенно разнородныхъ) въ Колоколѣ напрошивъ Князь Тѣней, Айдесть Грековъ являешся съ шѣмъ, чпобъ похи-

---

(*) Переведена Жуковскимъ.

(**) Также переведены Жуковскимъ.

пишь съ земли Нѣмецкую мѣщанку (*). Далѣе въ Дон-Карлосѣ характеры: Филиппа, Позы и Карлоса соспавлены по Нѣмецкому же образцу; они никогда не могли существовать ни на преспольѣ, ни близь онаго, а еще менѣе подъ небомъ полуденнымъ. — Иоанна д'Аркъ въ концѣ прешьяго и въ началѣ чепвертаго дѣйствіа своею невозможною и непоэтическою любовью къ Лионелю возмутишь всякаго просвѣщеннаго чипапеля. Въ Лирическихъ стихопвореніяхъ Шиллера господствуетъ *одна* мысль или, лучше сказать, *одно* чувство — предпочтеніе духовнаго (идеальнаго) міра существовавшему, земному: чувство безъ сомнѣнія высокое, испинно Лирическое; но имъ ли однимъ должна ограничиться Поэзія? — односпоронное, не показываешь ли оно Теорію односпоронную же? — Сіе чувство лѣтъ десять повтораешся во всѣхъ почти произведеніяхъ Русскаго Парнасса писателями, отголосками Жуковскаго, Шиллерова отголоска: но, какъ возмужалый только

(*) Ach! die Gattin ist's, die Theure!

Ach! es ist die treue Mutter,

Die der schwarze Furst der Schatten

Wegführt aus dem Arm des Gatten!

— — — — —

Denn sie wohnt im Schattenlande! и проч.

Геній можетъ имѣть учениковъ, соспязующихся съ нимъ, а не рабски ему подражающихъ; вы мнѣ позволите, Милоспивый Государь, усомниться въ истинномъ достоинствѣ и прочномъ безсмертіи сей Германно-Русской школы.

Конечно Шиллеръ усовершенствовался бы и созрѣлъ, если бы жизнь его продлилась долѣе: *Валленштейнъ* и *Вильгельмъ Тель* уже являющъ мощнаго, счастливаго соперника Шекспирова, соперника, который, можетъ быть, возсѣлъ бы рядомъ съ симъ единодержавнымъ властипелемъ Романпической Мельпомены. — *Валленштейновъ станъ* въ своемъ родѣ произведение образцовое и уже не являющъ ни одною изъ вышеупомянутыхъ недоспашковъ; но къ несчастію одна ласпочька безъ подругъ своихъ только предвѣщаетъ, а не составляетъ еще весны.

И такъ, почтенный и любезный О. В. сами рѣшите, правъ ли я или не правъ, когда называю Шиллера несозрѣвшимъ, прошивопологая ему Гёте?

Гёте во 1-хъ не имѣетъ Шиллеровыхъ предразсудковъ: ибо, разсуждая съ Французами и о Французахъ (какъ шо: въ

своихъ опмѣшкахъ о Французскихъ Клас-
сикахъ, въ разборѣ Дидеротова сочиненія
о Живописи, въ примѣчаніяхъ къ изданной
и переведенной имъ книгѣ Дидерота—*Пле-
мянникъ Рало*) — не помнишь, что онъ Нѣ-
мецъ, стараешься познакомиться, поми-
ришься съ образомъ мыслей Французовъ,
сихъ природныхъ своихъ противниковъ,
проникнуешь во всѣ причины, заславляющія
ихъ думашь такъ, а не иначе.

Во 2-хъ, онъ всегда забываетъ себя, а
живетъ и дышетъ въ однихъ своихъ геро-
яхъ. Въ чемъ могутъ убѣдить каждого его
Гецъ, Тассъ, Фаустъ и даже Вертеръ.

Въ 3-хъ. Онъ всегда знаетъ, чего ищетъ,
къ чему спремился.

Въ 4-хъ. Съ дивною легкостію Гёте
переносится изъ вѣка въ вѣкъ, изъ одной
части свѣта въ другую. — Въ *Фаустѣ* и
Гецѣ онъ ударомъ волшебнаго жезла воскрешаетъ
XV вѣкъ и Германію Императоровъ
Сигисмунда и Максимилиана; въ *Германѣ* и
Доротѣ, въ *Вильгельмѣ Мейстерѣ* мы ви-
димъ нашихъ современниковъ и современ-
никовъ опцевъ нашихъ, Нѣмцевъ споль-
шій XIX и XVIII всѣхъ возрастовъ, званій
и сослояній; въ *Римскихъ Элегіяхъ*, въ *Ве-
неціанскихъ Эпиграммахъ*, въ пушевыхъ оп-

мѣлкахъ объ Италіи встрѣчаемъ попеременно современника Тибуллова, поварища Рафаэля и Беневуша Челлини, умнаго Нѣмецкаго ученаго и наблюдашеля; въ *Ифигеніи* онъ Грекъ; древній Тевтонъ въ *Вальтургіевой Ноги*; поклонникъ Браммы и Маоде въ *Баядерѣ*; въ *Диванѣ*, сколько возможно Европейцу, никогда не бывавшему въ Азіи—Персіянину.

Б. Байронъ — по вашему мнѣнію — однообразенъ!

Я. Когда благороднѣйшія сердца и лучшіе умы всей Европы скорбятъ о преждевременной смерти сего великаго мужа, — мнѣ, признаюсь, больно — казаться его прошивникомъ! — Если бы подозрѣвалъ, что его блиссательное поприще кончится такъ скоро, — я воздержался бы отъ сужденія о немъ, справедливаго, но неумѣстнаго среди общей печали. Но къ несчастію, сказанное сказано. Такъ! Байронъ однообразенъ и доказатъ сіе однообразіе не трудно. — Онъ живописецъ нравственныхъ ужасовъ, опустошенныхъ душъ и сердецъ раздавленныхъ: живописецъ душевнаго ада; наслѣдникъ Данпа, живописца ада вещественнаго. — И топъ и другой однообразны: *гистилице* Данпово слабое повтореніе его

Тартара; Гяуръ, Кёрсеръ, Лара, Манфредъ, Чайльдъ-Гарольдъ Байрона — повпоренія одного и того же спрашнаго лица, опъемлющаго своимъ присутствіемъ дыханіе, — убивающаго и соспраданіе и скорбь, обливающаго зрителя спужею ужаса. — Но непомерна глубина мрака, въ который сходитъ Байронъ безпрепешный, неуспрашимый! Не смью уравнишь его Шекспиру, знавшему все: и адъ и рай, и небо и землю — Шекспиру, который одинъ во всѣхъ вѣкахъ и народахъ воздвигся равный Гомеру, который подобно Гомеру естъ вселенная карпинъ, чувствъ, мыслей и знаній, неизчерпаемо глубока и до безконечности разнообразна, мощна и нѣжна, силенъ и сладостенъ, грозенъ и плѣнитель! — Не уравнию Байрона Шекспиру: но Байронъ объ руку съ Эсхиломъ, Даншомъ, Мильшономъ, Державинымъ, Шиллеромъ — и прибавлю, съ Тиршеемъ, Оемиспокломъ и Леонидомъ перейдетъ, безъ сомнѣнія, въ дальнѣйшее потомство.

Б. Повѣряютъ ли вамъ чипапели въ означеніи степени дарованій Поэтовъ, когда вы поставляете Барона Дельвига выше Жуковскаго, Пушкина и Бапушкова, сихъ

великихъ писателей , дѣлающихъ честь нашему вѣку ?

Н. И въ правѣ бы были не повѣришь , если бы я въ самомъ дѣлѣ вздумалъ опдаться Дельвигу преимущественно передъ Пушкинымъ и даже Жуковскимъ: но къ несчастію, это (какъ и многое другое) только вамъ привидѣлось! — Впрочемъ, О. В., не намъ съ вами составлять Парнасскую табель о рангахъ! Скажу вамъ только, что великій писатель, дѣлающій честь своему вѣку — великое слово! Пушкинъ безъ сомнѣнія превосходитъ большую часть Русскихъ, современныхъ ему стихопворцевъ: но между Лилипутами не мудрено казаться великаномъ! — Онъ, я увѣренъ, не захочетъ симъ ограничиться. — Барона Дельвига ему ни чуть не предпочитаю: первый Дельвигъ опклонилъ бы опъ себя такое предпочтеніе, ибо лучше насъ знаешь, что, написавъ нѣсколько стихопвореній, изъ которыхъ можно получить довольно свѣрное понятіе о древней Элегии, еще не получаешь права спастъ выше пворца Руслана и Людмилы, Романтической Поэмы, въ которой, при всѣхъ ея недоспакахъ, болѣе пворческаго воображенія, нежели во всей оспальной, современной Русской Словесности; пворца

Кавказскаго плѣнника, написаннаго самыми сладоспнѣими стихами, представляющаго нѣкоторыя превосходныя описанія, вливающаго въ душу — особенно при первомъ чтеніи — живое съпованіе; наконецъ шворца *Бахчисарайскаго фонтана*, коего Драмматическое начало свидѣпельствуетъ, что Пушкинъ шагнулъ впередъ и не обманетъ надеждъ истинныхъ друзей своихъ!

Вашъ Сѣверный Архивъ, ваши Литтературныя листки читаю иногда съ удовольствіемъ: въ нихъ довольно занимательнаго, довольно даже полезнаго, иногда нѣчто похожее на желаніе быть или, по крайней мѣрѣ, казаться безприсраспнымъ; положимъ, что я вздумалъ бы назвать васъ лучшимъ Русскимъ Журналистомъ:—чтобы вы сами сказали, Милоспивый Государь, если бы изъ того кто вывелъ заключеніе: „Кюхельбекеръ ставитъ Булгарина выше Пушкина и Жуковскаго?“

— Прервемъ однакоже, нашъ довольно длинный) разговоръ, въ кошоромъ, опасаясь, вложивъ, вамъ въ успа по, чего вы, можете быть, не признали бы своимъ, по необходимости заспаваю васъ повторяя уже извѣстное Гг. Читателямъ Литтературныхъ Листковъ.—Въ мою бышность въ Грузіи я знавалъ нѣкотораго молодаго че-

ловѣка, избавлявшаго своихъ собесѣдниковъ отъ пруда распворятъ ропъ при монологахъ, которые произносилъ въ ихъ присутствіи: ибо сей любезный юноша, принадлежащій между прочимъ также къ нашимъ прѣмъ спамъ великимъ Поэшамъ, дѣлающимъ честь своему вѣку, — обыкновенно вступалъ въ споръ съ своимъ безмолвнымъ слушашелемъ, вопъ какимъ образомъ: „Я утверждаю,“ говорилъ онъ на пр. „что снѣгъ бѣлъ; вы, можете быть, скажете, что онъ черенъ; но я, чтобы опровергнуть ваше мнѣніе приведу вамъ слѣдующія доказательсва; — — —“ попомъ слѣдовали сіи доказательсва—неоспоримыя! попомъ опяшь возраженія со спороны несчастнаго его поварища, и не думающаго возражать; попомъ снова доказательсва и снова возраженія и епо до безконечности! Таковъ былъ сей незабвенный мой Тифлійскій знакомецъ! — Боюсь подражать ему! И такъ въ заключеніе только поблагодарю васъ, что вы находите мое стихотвореніе: *Проклятіе*—спрашнымъ; оно и должно быть спрашнымъ! — Но вы полагаете, что оно похищено изъ храма Эменидѣ и поставлено въ вертоградъ Словесности для пуганія коршунѣвъ, угрожающихъ разцвѣтающимъ Поэтамъ. — Кто сіи коршуны? — Не невѣжды ли, двуличные, злонамѣренные Крипики? — Если вы ихъ разумѣли подъ симъ словомъ,—

вы ошиблись, почтенный Гадей Венедиктовичъ! На нихъ я никогда не вооружусь проклятіемъ, — развѣ, развѣ насмѣшкою!

За симъ я имѣю честь пребыть вашимъ покорнымъ слугою.

Кюхельбекеръ.

XXXIII.

Прибавленіе къ предыдущему Разговору, или Замѣчанія на спашью, напечатанную въ No 58 Сына Опечеспва, подъ названіемъ: *Журнальныя статьи.*

Хорошо пому на свѣспѣ жишь ,
У кого ужъ нѣспѣ спыда въ глазахъ.

Стихи изъ новаго Водевиля:

Литературные Торгаши (*).

Прочитавши Крипику на II-ю часть Мнемозины, помѣщенную вами, почпенный Оадей Венедикповичъ , въ 15 No *Литтературныхъ листковъ*, я хопѣлъ было сперва поблагодарить васъ за леспный вашъ обо мнѣ опзывъ (копорый принимаю за учпивоспѣ) и вообще за ваши замѣчанія на Мнемозину, копорыми, увѣрряю васъ, дорожу болѣе , нежели всѣми возможными полкованіями Судей-самозванцевъ; попомъ хопѣлъ побесѣдовапшъ съ вами о различныхъ предметахъ; какъ шо :

Попросить васъ назначить мнѣ именно годъ , въ копоромъ можно и должно начи-

---

(*) Сей Водевиль скоро выйдетъ въ свѣспѣ.

нашь писашь Романы (*); даже — составишь Календарикъ въ пользу подвижающихся на поприщѣ Словесности съ подробнымъ означеніемъ, на копоромъ году жизни позволяется кропашъ Поемы, спивашъ Журналь, или выдумывашъ Загадки и Логогрифы. Такой Календарикъ былъ бы драгоценнымъ сокровищемъ для насъ молодыхъ людей, по своей неопытности не могущихъ постигнуть сей высокой шайны.

Далѣе хопѣлъ я васъ увѣдомишь, что въ моихъ *Афоризмахъ* не вводилъ словъ новыхъ, но употреблялъ выраженія уже употребленныя и употребляемыя людьми (которымъ позволите, сдѣлайте милость, вѣришь больше, нежели Журнальнымъ приговорамъ) каковы: Велланскій, въ разныхъ своихъ сочиненіяхъ, Г. Галичь — въ *Исторіи Философскихъ Системъ*; наконецъ употребленныя въ спашьяхъ весьма замѣ-

---

(*) См. 15 Но Литер. Листковъ — Разборъ II части Мнемозины, гдѣ насъ увѣряють, что должно дожидаться какого-то опредѣленнаго срока для писанія Романовъ. Я знаю — О. В. вздумаетъ опдѣлаться шупкою: скажетъ, что доказательствомъ его мнѣнія можеть служить Елладій и проч., но это не то О. В.!

чашельныхъ (хотя и Журнальныхъ) помещенныхъ въ Вѣспникѣ Европы 1822 года (*); наконецъ упопрелялъ слова, понятныя всѣмъ людямъ, занимающимся философскими науками; для тѣхъ же, копорые слово *Философія* причисляютъ къ Натуральной Исторіи—для тѣхъ —, могу васъ увѣришь,—я не писалъ своихъ Афоризмовъ; ибо такіе люди напоминаютъ мнѣ *Ванюшу* (**), сына моего приятеля, копорый, едва зная Ариѳметику, удивляется, что не понимаетъ Дифференціального Исчисленія, и называетъ его бредомъ; но за епо Ванюшу сѣкутъ розгами: *Avis aux lecteurs!*

Сверхъ того, обо многомъ хотѣлося мнѣ поговорить съ вами, почтенный О. В.; ибо душею люблю васъ; но едва принялся я за перо, какъ вдругъ получаю No 38 Сына

(*) Таковы: *Разборъ Варнеева сочиненія Бонстеттена* (ч. 3. стр. 54); *Афоризмы изъ Нравственнаго Любоумдрія* (ч. 3. стр. 207); *Разборъ сочиненія Сольгера: Ервинъ* (ч. 4. стр. 3) и проч.

(**) Только не вашего почтенный О. В. Хотя и мой годился бы въ учителя многимъ изъ нашихъ Журналистовъ, не смотря на ихъ взаимныя похвалы своей учености. С.

Опечества; развертываю, читаю спашью, подъ названіемъ : *Журнальныя Статьи* — и перо выпадаетъ изъ рукъ.

Прежде я думалъ, что еша спашья — продолженіе извѣстія о подпискѣ на *Сынъ Отчества* и проч., помѣщеннаго въ 37 Но. (Насмѣшники подпверждають мое мнѣніе)— но что же? смопрю — *нѣкто невѣдомый* Калужанинъ обращаетъ въ смѣхъ написанную похвалу Мнемозинѣ почпеннымъ издашелемъ *Благонамѣреннаго* и съ системапическимъ, расчешливымъ, испинно меркапильнымъ равнодушіемъ объявляетъ, что въ Москвѣ выходяптъ какое-то неизвѣстное, посредственное издание, подѣ названіемъ *Мнемозины*.

Мы положили себѣ за правило на благонамѣренную Крипику опвѣчать благодарноспію; на достойную презрѣнія — почши молчаніемъ. Но что скажешъ человѣку, который не разбирая Изданія, съ припворнымъ видомъ безприсраспія объявляетъ о немъ невыгодно, и не беретъ на себя шруда подкрѣплять слова свои доказательспвами? — Сочинитель спашьи расчелъ по коммерческой Бухгалтеріи, или по правилу *товарищества*, что такой поверхноспный опзываетъ удачнѣ самаго подробнаго и

и несправедливаго Разбора, можешъ произвеси худое мнѣніе о книгѣ — въ нечипавшемъ ее; ибо какъ не повѣришь челоуѣку, говорящему, по видимому, съ такимъ хладнокровіемъ и припомъ въ Калугѣ?

Мы не дорожимъ его мнѣніемъ ни въ какомъ отношеніи; ибо (къ досадѣ Липерапурныхъ Торгашей) имѣемъ довольно число подписчиковъ, а лестныя о насъ опзывы въ разныхъ Журналахъ упѣшающъ въ немилости неизвѣснаго Корреспондента Сына Отечества; если даже удоминаю о немъ, то единственно для того, чшобы люди, вѣрящіе всему печашному видѣли, какую довѣренность можно имѣшь къ недѣльнымъ приговорамъ; Русскіе чипашели не доспигли еще въ образованности равной степени съ чипашелями другихъ просвѣщенныхъ Государствъ, гдѣ—, идалеко непохожимъ на наши, — Журнальнымъ объявленіямъ довѣряющъ несовершенно, а справляющъ съ собшвеннымъ, независимымъ мнѣніемъ.

Вы, почщенный О. В., называли мои полемическія спашьи, помѣщенныя въ Мнемозинѣ, справедливыми, пріипиными, веселыми и говорили, чшо съ удовольствіемъ поддисали бы свое имя подъ каждою

изъ нихъ (*). Благодарю за милоспъ; но шеперь, признаюсп вамъ, — веселосп моя пришла, какъ говоришся, въ шупикъ и попому обращаюсп къ вамъ съ просьбою: научите меня какъ опвѣчашъ на шакой опзывъ Калужанина.

Насмѣшники скажущъ: „*могъать и согласитъся.*“ Воля ваша не лъзя, опложа всякое самолюбие; ибо рѣшишельно сказашъ можно, чшо даже самое дурное издание — не можешъ бытъ *посредственныиъ* или *нехорошииъ* между нашими Журналами; и если *Мнемозина* еспъ *посредственное* издание, по чшо же шогда будешъ *Сынъ Отечества*? — Правда, иной удивился шакому вопросу, чипая въ семъ Журналѣ, похвалы *Сыну же Отечества*; но переспанемъ на время размѣнивашъ похвалами какъ Рабенеровы Грашуланшы, и будемъ безприспраспны: когда смотришь на наши Журналы (не выключая и Липерашурныхъ Лиспковъ вашихъ *О. В.*) (**), кажешся, чшо они выдаюпся лѣшъ за 200 шому назадъ: кромѣ немногихъ спашей (и шо въ одномъ *Вѣспникѣ Ев-*

(*) См. 15 Но Липерашур. Лиспковъ, спр. 81.

(**) Хотя они все шаки имѣющъ болѣе, нежели другие Журналы, колоритъ Европейскій. С.

ропы (*) 1822 года) они наполняются произведеніями, или только принятыми по слогу, или въ полномъ смыслѣ ученическими; спародавными мыслями, уже давно забытыми въ другихъ образованныхъ земляхъ, какъ на пр. въ Германіи, — тамъ уже сдѣлавшимися добычею Аншикваріевъ, (у насъ) выдаваемыми за новостъ; и въ помяну о новыхъ современныхъ открытіяхъ въ области духа человѣческаго; заблужденія давно уничтоженныя, вялые предразсудки, скудость познаній, кругъ мыслей сжатый — вошь что составляетъ жизнь нашихъ Журналовъ. Если хотя одинъ изъ нихъ, похожій не говорю уже на Изданія, каковы: *Zfif* — Окена, *Kritisches Journal der Philosophie* — Шеллинга и Гегеля, *Allgemeine Zeitschrift* — Шеллинга, его же *Jahrbuch der Medicin*, его же *Neues Zeitschrift für Speculative Physik*; *Allgemeines Repertorium*, *Revue Encyclopedique*, — даже каковы: *Morgenblatt*, или *Secata*? —

(*) Который не смотря на всѣ полкованія, все оспается лучшимъ Журналомъ *Русскимъ*; и дѣльносію котораго мы обязаны познаніямъ неперешняго Редактора, далеко превосходящимъ слышную образованность нашихъ Журнальныхъ выпязей, С.

Если хопя одинъ изъ нашихъ Журналовъ, похожій просто на Европейскій Журналь, издающійся въ XIX столѣтїи? — Между нашими ли Журналами, повпорюю, можетъ быть какое либо Изданіе — посредственнымъ — если бы оно опличалось только одною новостію мыслей? (*)

Правда — такое изданіе сначала найдеть мало защитниковъ, такъ на прам. и почти увѣрень, что предполагаемый Г-мъ Полевымъ Европейскій Журналь, въ родѣ Allgemeines Repertorium, встрѣшитъ много и много себѣ противниковъ (**). Но что до ешаго? Писатели должны возвышались

(*) Здѣсь замѣчу мимоходомъ, что Вы сами почтенный О. В. за мѣсяць тому назадъ въ первый разъ осмѣлились сказать, что съ Мильвуа и Лагарпомъ не далеко уйдешь — и по послѣ моего замѣчанія на Репорику Г. Мерзлякова (въ I части Мнем.) и Кюхельбекеровой Статьи о направленїи нашей Поезїи (во II-й части Мнем.)

(**) Замѣчательно, что въ статьѣ: *Журнальныя Статьи* нападають не только на всѣхъ Журналистовъ, кромѣ Издателей Сына Отеч. и Сѣвер. Арх., но и на пѣхъ, про копорыхъ извѣстно, что намѣрены быть Журналистами, какъ и пр. на Г. Полеваго. Какая предусмотрительность! Vive le Commerce! С.

надъ понятіями своего вѣка; они — цвѣтъ народный; не имъ, подобно корнямъ, во мглѣ пресмыкашьяся. Скажу здѣсь мимоходомъ, какъ человѣкъ, чуждый всякаго лицепріятія, что опъ васъ, Г. Булгаринъ, образованные чинашели ожидали и ожидающъ чего-то большаго, нежели размѣна похва-лами: оспавыше ето средство шѣмъ, ко-прыхъ Литературное поприще ограничи-ваешся — исправною коррекпурою, или изданіемъ спшпыхъ лоскушковъ, подъ на-званіемъ Учебныхъ Книгъ Словесности.

При васъ ли ето писано Г. Кореспон-дентъ Сына Опечества, Г. Сочинитель ученой спашьи: *Журнальныя статьи? Дифференціальнойе счисленіе не почитаете ли разлитительнымъ камешкомъ* (*)? Названія мною выспавленныя Нѣмецкихъ Журналовъ не почитаете ли за individua изъ Напу-ральной Исторіи? по крайней мѣрѣ, увѣ-ренъ, что онѣ кажущяся шаковыми многимъ

(*) Такъ переводитъ Дифференціальное исчисле-ніе Переводчикъ Генцкеніевой Исторіи Фило-софіи. См. Ф. Генцкенія *Исторія Филосо-фическая*, изд. Рубаномъ въ С. П. Б. 1781 — стр. 239.

изъ нашихъ Журналистовъ. *Уснуть бы уснуть!* говорилъ одинъ мой знакомый своему задорному Крипику. Если вы Г. Корреспондентъ знаете какую нибудь иностранную грамоту, въ чемъ (какъ равно и въ знаніи Русской) сомнѣваюся, то прочтите упомянутыя мною Изданія и тогда — уже воскуряйте еиміамъ предъ избранными опъ васъ Журналами, а мнѣ —, вмѣстѣ съ почтенными защитниками Мнемозины, — позвольте думать, что Изданіе, гдѣ помѣщаются сужденія, которыя —, смѣло можно сказать, — опъ роду въ голову не приходили нашимъ Журналистамъ, читающимъ одного Башше и Лагарпа, пишущимъ Учебныя книги, въ коихъ, повшоряю, сполько же связи, сколько между спашьями ихъ Журналовъ — что такое Изданіе совершенно дурнобышь не можешъ.

Вспупитесь за насъ, почтенный **О. В.!** Въдь вамъ надобно же поддерживать свое мнѣніе! — я на васъ пвердо надѣюсь и болѣе пошому, что вы сами не захопѣли помѣстить въ Липерашурныхъ Листкахъ вашихъ — шого мѣста изъ *Журнальныхъ Статей*, гдѣ хваляшъ васъ, а насъ браняшъ (что изъ ешаго досадише — не знаю). И дѣло вы сдѣлали почтенный **О. В.!** Спашья

XXIV.

СМЕРТЬ БАЙРОНА.

Уже съ давняго времени Предисловія не читаются, развѣ при книгахъ Анпикваріевъ; — Сочинители были опъ пого въ величайшемъ затрудненіи, ибо часпо имъ встрѣчалось писать о вещахъ, извѣстныхъ не всѣмъ Читателямъ и слѣдственно пре-
 бующихъ поясненія. Для отвращенія та-
 кой бѣды Предисловія обратились въ вы-
 носки внизу страницы; но сіи выноски,
 полезныя, даже необходимыя въ сочиненіи
 ученомъ, — во все неудобны въ произведе-
 ніяхъ стихопворныхъ, ибо совершенно
 развлекають вниманіе, и нѣкопорымъ об-
 разомъ уничтожаютъ ту быспрошу и жи-
 вость чувства, копорыя соспавляютъ одно
 изъ необходимыхъ условій всякаго Стихо-
 пворенія.

По сей причинѣ мы въ настоящемъ
 случаѣ вынуждаемся объявить пѣмъ изъ
 нашихъ Читателей, копорымъ Поепъ Бай-
 ронъ извѣстенъ только по слуху, что ви-

дѣнія, возвѣщающія Пѣвцу Руслана и Людмилы о смерти Байрона, суть лицезворенныя произведенія послѣдняго, каковы: Данпъ (см. Пророчество Данпа), Гяуръ, Манфредъ, Тассъ (см. сѣшованія Тасса), Мазена.

Спихи :

Главу свою находитъ Дождь,
Безсмертную и въ гробномъ прахѣ —

также пребуютъ поясненія: предметъ Байроновой Трагедіи: *Дождь*, почерпнутъ изъ Истории Венеціи среднихъ вѣковъ. Фалиери, Дождь сей Республики, во лѣпной спарець, оказавъ важнѣйшія услуги своему опечесству обиженъ молодымъ Паприціемъ въ лицѣ своей прекрасной супруги; пребуесть опъ Сенапа наказанія наглаго юноши; не получаетъ его, всупаесть въ заговоръ, соспавленный нѣкопорыми людьми низкаго званія пропивъ Вельможъ и Верховнаго Совѣпа; — сей заговоръ опкрытъ, а Дождь приговоренъ къ смерти и обезглавленъ.

Вспылалъ далекій Минареть;
Иманъ, надъ прахомъ возвышенной
Трикрапъ провозгласилъ вселенной:
Богъ только Богъ — инаго нѣтъ! —

Въ Арабскомъ текствѣ: *нѣтъ Бога кроиъ Бога, а Магомедъ Пророкъ Его* — обыкновенно-

венный зовъ на вечернюю молишву Мусульманъ.

Змѣяся быспрыя зарницы,
 Бѣгушь — и вдругъ завѣсу пымы
 Срываюшь съ мраморной чалмы
 Съ объяшой розами гробницы;
 И соловей, любовникъ розъ
 Вспорхнулъ, слешѣлъ съ надгробныхъ лозъ.

На Мусульманскихъ гробницахъ обыкновенно находятся каменные чалмы, а кладбища всегда обсажены цвѣтами!

Соловей названъ здѣсь любовникомъ розъ въ подражаніе Воспочнымъ Поешамъ.

Сверхъ того долгомъ считаемъ объявить, что сіе Стихотвореніе написано прежде, нежели получено сюда Стихотвореніе на пошъ же предметъ Казимира Делавинья. *Изд.*

За небосклонъ скапало шаръ
 Златое, дневное свѣпило
 И твердь и море воспалило;
 По роцамъ разлился пожаръ;
 Заженное зыбей зеркало,
 Алмазь огромный, препетало.

* * *

Вспылалъ далекій Минаретъ;
 Иманъ, надъ прахомъ возвышенной
 Трикрашъ провозгласилъ вселенной:
 „Богъ только Богъ — инаго нѣтъ...“
 Услышали; въ мгновенье ока
 Всѣ пали ницъ сыны Пророка.

* * *

Но душень въздухъ; спадо пучъ
 Парипъ надъ знойною землёю;
 Погасъ прощальный солнца лучъ;
 Заснувшій холмъ одѣлся мглою;
 Просперлась всюду пишина;
 Взошла багровая луна,

* * *

Взошла и посребрила скалы,
 Звѣзда открылась за звѣздой;

Сѣшь собралъ рыболовъ успалый,
 Орапай поспѣшилъ домой;
 Съ высотъ эфирныхъ въ долъ и рощи
 Толпой слетающъ духи нощи!

* * *

И кто же въ сей священный часъ
 Одинъ не мыслишь о покоѣ?
 Одинъ въ безмолвіе ночное,
 Въ прозрачный сумракъ погружась,
 Надъ моремъ и подъ звѣзднымъ хоромъ
 Блуждаешъ вдохновеннымъ взоромъ?

* * *

Пѣвецъ, любимецъ Россіянъ,
 Въ сипранѣ Назонова изгнанья,
 Нѣмымъ восторгомъ обуянъ
 Съ очами, полными мечпанья,
 Сидитъ на крушизнѣ одинъ;
 У ногъ его шумитъ Евксинъ —

* * *

Шумитъ и бѣлыми рядами
 За валомъ приближаетъ валъ;
 Всталъ хладный вѣсперъ между скалъ.
 Пронесся спонъ ихъ надъ водами;
 Скользя поверьхъ свинцовыхъ волнь,
 Качаясь, рѣшетъ ушлый чолнь.

* * *

Змѣяса быстрая зарницы;
 Бѣгушь и вдругъ завѣсу пьмы

Срываютъ съ мраморной чалмы,
 Съ объятой розами гробницы;
 И соловей, любовникъ розъ,
 Вспорхнулъ, слетѣлъ съ надгробныхъ лозъ.

* * *

На краѣ неба городъ дальный
 Чернѣетъ въ тусклой бѣлизнѣ:
 Не звонъ ли звукнулъ погребальный
 Нежданный въ общей шипинѣ?
 Земля содроглась; въ блескахъ молній,
 Дрожа, шатнулись колокольни!

* * *

Громъ грянулъ; пышутъ небеса;
 Въ селенъи спая псовъ завывла;
 Разширишь блестящія крыла,
 Взревѣла дикая гроза:
 Волкъ гладный бросилъ логовище
 Сошлись чакалы на кладбище!

* * *

Тогда — (но страхъ объялъ меня!
 Блѣднѣю, препещу, рыдаю;
 Подавленъ скорбію, спеня,
 Испуганъ, лиру покидаю!) —
 Я вижу — сладостный пѣвецъ
 Во прахъ повергнулъ свой вѣнецъ.

* * *

Онъ зрись: опъ дальнихъ спранъ полдневныхъ
 Гдѣ возвышался Фебовъ храмъ,
 Весь въ пламени, средь вихрей гнѣвныхъ,
 По мрачнымъ, паяжкимъ облакамъ

Шагаешь призракъ Исполина ; —
Подъ нимъ сверкаетъ водъ равнина !

* * *

Онъ слышитъ: съ горней высоты
Глаголь раздался чародѣя !
Волшебный зовъ, надъ міромъ вѣя ,
Созданья пламенной мечпы
Въ лице и тѣло облакаетъ ;
Отъ Спикса мертвыхъ вызываетъ !

* * *

Земля ихъ кости выдаётъ ;
На зовъ пого, кто ихъ прославилъ ,
Ихъ сонмъ могильный прахъ оставилъ,
Взвился, слепѣлся въ хороводъ ;
Со тьмой слились ихъ одѣянья ;
О спрахъ! ихъ слышу завыванья !

* * *

Всѣхъ, всѣхъ воскресшихъ вижу васъ ,
Героевъ имъ воспѣныхъ — тѣни !
Зловѣщій Дантъ, спрадалецъ Тассъ
Исходящъ изъ подземной сѣни ;
Гяуръ воздвигся, вспалъ Манфредъ :
Ихъ озаряетъ грозный свѣтъ.

* * *

Спряся съ вѣждей смертныи сонъ ,
Вспалъ изъ бездоннаго вершепа
Неистовый ѣздокъ Мазепа ;
Смущенный вопрошаетъ онъ :
„Или насъ гонитъ рапъ Петрова ?
Коня! за мной! — помчимся снова!“

Главу свою находить Дождь
 Безсмертную и въ гробномъ прахѣ;
 Онъ живъ, погибнувшій на плахѣ;
 Опець народа, страхъ Вельможъ:
 И вновь за честь злосчастный мститель
 Идетъ въ безчестную обитель,

* * *

Туда, гдѣ темные рабы,
 Пылая жаждой кровопійства,
 Готовятъ гибель и убійства
 И цѣпи рвутъ съ слѣпой толпы —
 И вновь съ безспрашемъ неизмѣннымъ
 Онъ предстоить судьямъ надменнымъ.

* * *

О искра вѣчнаго Отца!
 Огонь святаго пѣснопѣнья!
 Гласъ вдохновеннаго пѣвца!
 Не мрутъ въ вѣкахъ твои творенья!
 Ничпоженъ, плѣненъ человекъ;
 Но мысль живетъ изъ вѣкъ въ вѣкъ!

* * *

Я зрю блестящее видѣнье:
 Горѣ парящій великанъ
 Раздвинулъ предъ собой туманъ!
 Сколь дерзостно его печенье!
 Онъ спрогъ, величественъ и дикъ!
 Какъ полный мѣсяцъ, блѣдный ликъ.

* * *

Шумя широкими крылами,
 Лепишь — и скрылся дивный духъ.

Такъ водопадъ между скалами
Реветь, пугаетъ взоръ и слухъ;
Ярься спремился въ край надзвѣздный:
Вдругъ исчезаетъ въ мракъ бездны.

* * *

Или единая опъ звѣздъ,
Опшоргшись, мчится, льетъ сіянье
Чрезъ поле неизмѣрныхъ мѣспъ,
Чрезъ сумрачныхъ небесъ молчанье —
И око, зря ея полетъ,
За ней боязненно печетъ!

* * *

Упала дивная комета!
Попухнулъ среди пучъ перунъ!
Еще шрепещетъ голосъ спрунъ:
Но нѣтъ могущаго Поэта!
Онъ палъ — и средь кровавыхъ сѣчь
Свободный Грекъ роняетъ мечъ!

* * *

Руками закрываетъ очи
Элада, маперъ свѣплыхъ чадъ!
Вражда и Зависть, дѣпи Ночи
Ругаться славному спѣщатъ — —
Прочь чернъ презрѣнная! — прочь злоба!
Бѣги! — не смѣй касаться гроба

* * *

Того, чьи пѣсни и дѣла
Почтитъ дальнѣйшее потомство!
Бѣги! умолкни вѣроломство!
Его безсмертью обрела —

Душой блестящей поражена, —
 Не ты, Британія, вселенна!

* *
 *

Бардъ, живописецъ смѣлыхъ душъ,
 Гремящій, радостной, неплѣнной
 Во вѣкъ пари — великій мужъ,
 Тамъ надъ Элладой обновленной!
 Тиршей, союзникъ и покровъ
 Свободой дышущихъ полковъ!

* *
 *

Ты взвѣсилъ ужасъ и спрдаанья,
 Ты погружался въ глубь сердець
 И средь волненій и перзанья
 Рукой отважной взялъ вѣнецъ
 Завидный, свѣтлый, но кровавый,
 Вѣнецъ спрдаальчества и славы!

* *
 *

И се!.... изъ лона облаковъ
 Твои божеспвенные брашья,
 Пѣвцы, наспавники вѣковъ
 Тебя зовупъ въ свои объашья!
 Ушѣшься, горестная шѣнь!
 Тебѣ сіяешъ вѣчный день!

* *
 *

Да мимоидешъ укоризна!
 О! заглуши упреки, спонъ!
 Изгнавшая его опчизна,
 Рыдай, несчастный Альбіонъ!
 Онъ палъ — непримиренъ, въ чужбинѣ!
 Плачь, сѣшуй по великомъ сынѣ!

* *
 *

Увы ! ударитъ часъ Судьбы !
 Вѣковъ попокомъ поглощенный
 Исчезнешъ пвой народъ надменный,
 Или пришельцовы стопы
 Лобзашь, окованъ рабствомъ будешъ :
 Но Байрона не позабудешъ

* * *

Тебя гнѣшущій власпелинъ ;
 Онъ на тебя перспомъ укажешъ ;
 Друзьямъ, главой поникнувъ скажешъ :
 „Уже ль родиться Исполинъ
 „Могъ въ сей землѣ, Судьбой забвенной?“
 И смолкнедъ въ думу погруженной !

В. Кюхельбекеръ.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

О П Е Ч А Т К И

во второй части:

Стр.	сп.	Напечатано:	Читай:
159 с. н.	5.	ne pas	non pas

В ъ т р е т ь е й ч а с т и :

20 с. н.	10.	Нурреднну	Нурредину
21 с. в.	3.	смѣхъ	смѣхъ ,
36. — —	9.	ошибаются	ошибаются
45. с. н.	2.	Фрадціи	Франціи :
89. — —	6.	блаженныхъ	возвышенныхъ
90. — —	въ примѣчаніи :	правильнѣе Схи-	ва — Shiva (См.
	стр. 1, послѣ :	Шивенъ	Vuasarana , seu
			Iocupletissima
			Samscradamicae
			linguae institutio
			p. 159).
127. с. в.	1.	Но	Не
136. с. н.	12.	повсему	по всему
137. въ пр. с. в.	3.	произне-	произнести ;
		спи	
138. с. в.	10 и 11.	ne c'est pas	n'est ce pas
141. с. н.	1.	уступить	упустить
146. с. в.	3.	всѣ бѣгутъ отъ	всѣ бѣгутъ
		него	
170. с. н.	12.	одною	однаго
181. с. в.	12.	меркашильнымъ.	мерканшильнымъ
187. с. н.	10.	дурнобышь	дурно быть
188. — —	9.	будушь	станушь
188. — —	5.	блеснушь,	блеснушь

Прилѣганія къ Залѣганіямъ на спашью:

Журнальныя Спашьи.

Сіи замѣчанія были написаны и оппечатаны прежде, нежели въ No 40 Сына Отечества появилось объявленіе Г. Булгарина, что не онъ Сочинитель спашьи: *Журнальныя статьи*. Хотя я и прежде не подозрѣвалъ его въ семь грѣхъ, что можно видѣть и изъ моихъ *залѣганій*; но избѣгая *всякихъ диспутовъ*, которыхъ впрочемъ не спрашусь ни мало, не хочу подать поводу къ недоразумѣніямъ и поному объявляю въ свою очередь, что и Г. Булгарина не смѣшиваю съ Сочинителемъ спашьи.

Признаюсь, что не безъ основанія можно разсердиться за такое *qui pro quo*: кто захочетъ приписать себѣ сочиненіе, въ которомъ трудно рѣшить чего меньше мыслей, познаній или Грамматики; но все таки удивляюсь, какъ можно рѣшиться размѣниваться похвалами и такими ничтожными, къмъ бы онѣ ни были написаны!

О д в с к .

Издатели просятъ до прочтенія сей части исправить въ ней Опечатки, которыя во многихъ мѣстахъ, довольно важны.

2 Ташарман Пьеса А. Пушкина — из Вакчисарайского Фонтана.

Музыка Н. В. Одоевского.

Moderato. $\text{♩} = 104$ — Maelzel.

Canto

Piano
Forte

ped

ped

8 Да - ру - ешь Не - бо че - ло - вь - ну

13

за - мь - ну слез и час - тыхъ бѣдъ: бла - женъ Фа - миръ у - зрѣв - шій Менку на

му на ветрѣ чу дѣ ва ра и сѣ у - лыб - кой страст - ной

a tempo.

по - ле - шивъ но топѣ блажен - нѣи о За - ре - ма кто

чиръ и нѣ - гу воз - лю - бя какъ ро - зу въ тиши - нѣ Га - ре - ма де

8va *loco*

Музыкальный фрагмент, состоящий из вокальной партии и фортепиано. Вокальная партия имеет русские тексты: «а́б - е́мь ми - ла - и ше - бя ле - а́б - е́мь ми - ла - и ше - бя.»

Музыкальный фрагмент для фортепиано. Включает динамические обозначения: *pp e dim.*, *pp*, *ppp*. Также присутствуют указания на педаль: *ped* и *ped*. Включены номера тактов 14 и 11.

Музыкальный фрагмент для фортепиано. Включает динамические обозначения: *ppp*. Также присутствуют указания на педаль: *ped*. Включены номера тактов 11 и 14.